

Юлиу Рациу

Издательство
„Детская литература“

Цена 42 коп.

Ю л и з Р а н и з

**КЛАСС,
В КОТОРОМ
НИЧЕГО
НЕ БЫВАЕТ**

Д О В Е С Т И

*Перевод
с румынского*

*Рисунки
В. Штаркина*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ
АНТАТУРА"
Москва - 1971

Iuliu Rațiu
CLASA
IN CARE
NU SE INTIMPLĂ^v
NIMIC

*Перевела с румынского
С. Кульманова*

В эту книгу вошли три небольших повести известного румынского писателя Ю. РацIU: «Класс, в котором ничего не бывает», «Тайна крепостного замка» и «Полет ракеты «Эксцельсиор-1».

Герои этой книги — румынские школьники. Автор живо и с юмором рассказывает об их наполненной событиями жизни, о том, как они учатся, совершают увлекательные походы, изобретают ракеты, и о многом, многом другом.

КЛАСС, В КОТОРОМ НИЧЕГО НЕ БЫВАЕТ

Открытие

Все решено, а его даже не спросили. Может, и не обязательно советоваться с ним, но не мешало хотя бы поинтересоваться: «Как ты на это смотришь?» Он бы прошелся по комнате, подумал, вздохнул и сказал бы: «Что ж, ничего не поделаешь!» Так нет...

— Знаешь, мы уезжаем завтра утром,— с важным видом объявила Крина, его сестра, думая поразить его своей осведомленностью.

— Знаю! — сразу нашелся он, осадил ее, чтобы она не воображала, а то начнет закатывать глаза,

поднимать брови: такая уж у нее привычка — говорить с ужимками, а он терпеть этого не мог.

— Откуда ты знаешь? — спросила она и, насмешливо прищурившись, посмотрела на него. — Я же только сию минуту говорила с папой по телефону, он просил передать маме. Ага, молчишь?

Вот и поймала его! Но Санду пришла спасительная мысль:

— Мне шофер сказал... Мы же с ним друзья.

Сказал как отрубил. Коротко, ясно, точно.

Крина хотела съязвить, задвигала бровями, но промолчала, и кстати — Санду было не до разговоров, предстояла уйма дел. И все в этот вечер. И ночью...

Первым долгом он помчался к Траяну.

— Друг, какая жалость!

— Не понимаю...

— Вот это твой всегдашний недостаток, но я, так и быть, помогу тебе и на сей раз.

— Если ты будешь со мной так, я тебя и слушать не хочу.

— Сегодня мы видимся в последний раз.

— Не понимаю...

— Я же говорил! Ладно уж, давай по-хорошему. Завтра мы уезжаем...

— Что-о-о?!

— Ого! Ты делаешь успехи, задаешь толковые вопросы. Так вот: завтра мы уезжаем — отца назначили главным инженером комбината в Слэтиоаре. Соль, газ метан, титан, синтетический каучук, макромолекулы и всякая такая штука. Словом, технический прогресс... Надеюсь, ты кое-что слышал о таких вещах?

Санду намеренно поддевал друга, чтобы расшевелить его. Траян, по его убеждению, хоть и был чело-

век с характером, но растяпистый. Впрочем, и в классе про него говорили: «Он без огонька».

— А как же теперь быть с нашим делом? — встре-
пенулся Траян, и в его голосе послышались метал-
лические потки.

Санду обрадовался этой внезапной перемене. Зна-
чит, можно сказать, и в Траяне заложена чудодейст-
венная сила, присущая энергичному человеку. Как
жально, что это выяснилось так поздно!

— Мог бы раньше сказать нам, что уезжаешь, мы
бы тогда серьезнее отнеслись к делу, — добавил
Траян.

Вообще-то он был прав. Но ведь не скажешь ему,
что все это вышло неожиданно. Правда, не все: об
отъезде говорилось давно, только не известно было,
в какой день. Но даже если бы Санду знал, он бы ни
за что не сказал своим одноклассникам.

— Тогда мы займемся раскопками без тебя, —
твердо сказал Траян, точно он держал в руке мар-
шальский жезл.

— Вот потому я и не говорил, — засмеялся Сан-
ду. — А то бы кое-кто вздумал копать в одиночку.
Открыл бы какое-нибудь чудо, а мы бы остались
с носом.

— Умный человек, а так рассуждаешь! — присты-
дил его Траян.

— Да, умный, и даже очень! — обрезал его Санду.

— Но ведь ты уезжаешь завтра, а мы остаемся.
Кому же еще вести раскопки?

Вопрос был законный. Санду должен был ответить:
«Да, продолжайте то, что я начал, друзья мои!
Я ломал голову, мучился, пользуйтесь моими тру-
дами одни вы. Я рад, что моя идея принесет вам
славу!»

Но вместо этого Санду сурово сказал:

— Вот что, друг. Не знаю, насколько ты изучил меня, но учти одно: если за что-то берусь я, на полдороге я не брошу дела.

— Ты начал, а мы продолжим...

— Вы и рады, я знаю. Особенно Тудорáке. Он даже за лопату не брался, а нашел старинную монету. Слышал, как он хвалился: «У меня опытный глаз! У меня опытный глаз!» Никакой не опытный. Насчет его глаз могу только сказать: водянистые гусачьи глаза. Рано или поздно любой из нас нашел бы монету.

— Но все-таки он первый нашел...

— Значит, может присваивать ее?

— Так он же хотел показать ее своему дяде, археологу, узнать, что за надпись на ней.

— Я в этом тоже разбираюсь.

— Ученый! — хихикнул Траян.

Санду просто глаза вытаращил. Траян с каждой минутой все больше озадачивал его. Куда девалась его всегдашняя молчаливость, уступчивость! Вот так безобидный!

— У меня есть книга, в ней я могу найти ключ к разгадке любой археологической тайны...— начал объяснять Санду.

Что правда, то правда. В библиотеке, оставшейся от дедушки, Санду нашел старинную книгу. В ней было много иллюстраций, снимки, рисунки древних крепостей, могильников, надписей. Как-то раз, перелистывая ее, Санду увидел снимок, который казался ему знакомым. Эта картинка потом не выходила у него из головы, он все припоминал, где же он видел такое. Но вот однажды их отряд отправился на экскурсию на окраину города, и там, на поляне, Санду вдруг увидел холм правильной полусферической формы. «Вот он, скифский курган!» — блеснула

у него догадка, и он чуть не вскрикнул от радости. Девочки лазили по кургану, рвали цветы. Ни им, ни остальным одноклассникам и в голову не приходило спросить себя, что это такое перед ними. Разумеется, Санду не торопился просвещать их. Только через несколько дней он признался кое-кому из ребят, какое открытие он сделал.

И вот вскоре после того Санду, Траян и Тудораке снова побывали на кургане, намерившись исследовать его. Санду только было собрался объяснить им, как правильно вести раскопки, и вдруг Тудораке обнаружил старинную монетку. Какая уж тут работа! Монетка пошла по рукам, каждому надо было разглядеть ее, пощупать. А сколько радости было! Санду уже хотел похвалить Тудораке за его находку, но тот преспокойно спрятал монетку в карман, как будто это так и полагалось. Санду вернулся домой тогда страшно раздосадованный. Его товарищи и не подозревали, что он сердится, — он ничем не выдал себя; больше того, сам же предложил им лучше подготовиться в следующий раз, приняться за дело всерьез и не отступаться, пока не будет раскрыта тайна кургана.

Отъезд спутал все расчеты. К счастью, Санду был человек энергичный, он живо наметил план боевых действий: взять с собой на курган одного Траяна и вместе с ним копать. Тудораке Санду решил не звать, потому что он везучий; вдруг да опять откроет что-нибудь!

— Ну как, пойдём? — спросил Санду Траяна.

— Куда?

— На курган... копать.

— Сейчас?

— Не сейчас, мне надо помогать нашим укладывать вещи.

- Когда же?
- Ночью... Ты захвати мотыгу. Я знаю, у вас есть.
- Ночью уходить из дому?
- Ты, видно, боишься?
- Да, боюсь. Даже и не скрываю этого. Не стыжусь говорить, что боюсь.
- А я уже было подумал, что ты тоже энергичный человек... Гм! Ну ладно! Тогда я один пойду.
- Почему бы тебе не позвать Тудораке? — насмешливо спросил Траян.

Ночь полна тайн

Отругав Траяна, Санду ушел от него с твердым решением действовать в одиночку. Он считал это вполне естественным: курган открыл он, значит, и остальные открытия должен сделать он, а не кто другой. «Еще скажут, что я эгоист. Возможно! Но результаты моих трудов будут настолько важны, что все эти разговоры смолкнут. Главное — не слова, а дела», — невольно вспомнил он изречение Тудораке.

Что ни говори, а Тудораке напоминал о себе. Его лицо с водянистыми голубыми глазами все время представлялось Санду — казалось, Тудораке смеется и поддразнивает: «Возьми меня с собой ночью!» Санду даже разволновался. «Вот оно что: я из породы общительных зверей, не люблю быть один. Потому мне и мозолит глаза его ничем не примечательная физиономия. А может быть, я трус и выискиваю всякие предлоги, лишь бы не идти одному? Нет, ничего подобного! Честное слово! Я совсем не трус. Вернее говоря, как только я начинаю бояться, я сразу же иду

навстречу опасности. «Самовоспитание», — сказала бы Крина».

Как бы то ни было, это идея!

Тудораке сидел дома и учил географию.

— Напрасно пришел, так и знай! — сразу заявил он Санду, едва тот вошел.

— А ты почему знаешь, зачем я пришел? — удивленно спросил Санду.

Тудораке презрительно фыркнул:

— Еще бы не знать — за монеткой пришел.

— Вовсе нет!

— Я послал ее по почте своему дяде в Бухарест, — продолжал Тудораке, не поверив Санду. — И просил написать мне, когда он разберется в ней.

— Очень хорошо сделал.

— Да ну?

— Ты поступил умно, — добавил Санду, окончательно сбив с толку Тудораке.

— Тогда зачем ты пришел? В школе сегодня ты даже и здороваться со мной не пожелал, а Корнелии сказал, что у меня мозги такие же водянистые, как и глаза.

— За это время я пересмотрел свое мнение.

— Ишь ты! — с сомнением заметил Тудораке.

— Да, да, я пришел к выводу, что тебя, так же как и меня, интересует этот курган: тебе тоже хочется разгадать его тайну.

— Конечно!

— И ты думаешь, что монетка, которую ты случайно нашел, может открыть все двери к истине? — закинул удочку Санду и сам себе удивился, какой он умный и находчивый, когда этого требуют обстоятельства: ему нужен напарник, зачем идти на курган одному...

Тудораке с любопытством смотрел на него.

— Да, ты прав,— согласился он.— Монетки, пожалуй, маловато...

— Мы можем откопать и другие древности, скажем, даже саркофаг... Хочешь?

— Что за вопрос? Конечно. Я думал, ты потерял охоту заниматься этим.

— Я? — изумился Санду.— Наоборот. Сегодня же ночью буду делать раскопки.

— Ночью? — Тудораке даже бросило в дрожь.

— Да...

— Я тоже пойду с тобой.

Если бы Санду прислушался к внутреннему голосу, он бы кинулся на шею Тудораке и расцеловал его. Но Санду рассудил, что в таких случаях лучше быть сдержанным, и предпочел радоваться молчком. У Тудораке и глаза стали другими — какого-то си-не-стального цвета.

— Тогда решено: встретимся в девять вечера у входа в парк. Захвати мотыгу и фонарик.

— Есть!

— Если опоздаешь, я ждать не стану, так и знай!

Но опоздал он сам. Когда уложили вещи, поужинали, было уже восемь часов вечера. В половине девятого Санду начал отчаянно зевать, можно было подумать, что он вот-вот заснет на ходу. Мать пожалела его и отослала спать:

— Только не вздумай читать ночью по своей привычке. Туши свет и сейчас же ложись!

— Понятно, мама.

Санду живо прошмыгнул в свою комнату и заперся на ключ.

— Почему ты запираешься? — удивленно спросил отец.

— Ты знаешь: как убрали мебель и вещи, дом теперь словно нежилой,— сказал Санду первое, что ему пришло на ум.

— Он отчаянный трус!— захихикала Крина.— Не забудь закрыть окно, а то тебя украдут!

В другое время Санду, наверное, ответил бы ей что-нибудь язвительное, но тут она, сама того не подозревая, стала как бы сообщницей, и Санду был благодарен ей.

Через четверть часа он уже вылезал из окна с фонариком в руке, а еще через четверть часа был возле парка.

— Ты чего опаздываешь? Я так и думал, что ты не придешь...— напустился на него Тудораке.

— А если бы я и вправду не пришел, что бы ты стал делать?

— Пошел бы копать без тебя. Ты верно сказал насчет монетки: для научных выводов этого слишком мало.

— Ты мог бы и завтра выбрать время.

— А ты? Нет, ночью лучше, никто не будет знать.

Санду был изумлен. «Тудораке, оказывается, сила! Не сумел я вовремя разглядеть его, не ценил, а теперь поздно. Чем полагаться на этого мямлю Траяна, надо было советоваться с Тудораке, теперь мы бы уже перевернули весь курган».

Санду обхватил Тудораке за плечи, и они тронулись в путь. Вечер был звездный, но темный. Два друга не шли, а летели по густой траве, подросшей после первых осенних дождей.

— Как по-твоему, часа за четыре мы успеем все сделать?— спросил Санду, думая о предстоящем трудном дне.

— Не знаю, смотря по тому, что мы наметим.

— Я считаю, что нужно выкопать траншею мет-

ра два глубиной в центре кургана. Если в нем что-то есть, то наверняка в самой середине.

— Положим, это еще вопрос,— важно сказал Тудораке.— Но если ты хочешь начинать с центра, я не возражаю. Завтра ночью я буду копать по склону.

Санду даже вздрогнул.

— Как, ты хочешь и завтра копать?

— А ты как думал?

Такое рвение вовсе не обрадовало Санду. «А если мы ничего не найдем сегодня, что же будет? Я уеду, он остается. Я вижу, он настроился на большие дела, он способен просеять весь курган, откроет какие-нибудь сокровища и потом будет бить себя в грудь: он — герой! Нет уж, не согласен! Пусть даже до самого утра придется копать, все равно добьюсь своего. Что ж это, он один будет пожинать лавры? Идея моя, я тоже имею право на долю славы».

Подгоняемый такими мыслями, Санду припустил бегом. Он слышал позади тяжелое дыхание Тудораке.

— Ты чего вдруг помчался, эй!

Что он мог ему ответить?

— Мы устанем и не сможем копать! — попытался остановить его Тудораке.

Санду перешел на шаг, потом опять побежал, так они и двигались то шагом, то бегом, сами даже не заметили, как очутились на поляне. Прямо перед ними чернел курган, отливавший бронзой, точно спина медведя.

— Наконец-то! — радостно воскликнул Санду.

— Наконец-то! — простонал Тудораке, совсем выбившись из сил.

— Лезем!

— Давай немножко отдохнем! — взмолился Тудораке.

Но Санду не послушал его, схватил мотыгу и стал карабкаться на вершину кургана.

Тудораке еле поспевал за ним, пыхтя словно старый паровоз. Санду только посмеивался. «А ты как думал, братец? Слава иногда добывается мышечной силой ног и омывается потом».

Правда, он и сам устал, но старался не замечать этого и со смехом сказал:

— Итак, дорогой Тудораке, теперь ты чувствуешь, как в тебе разрастается могучее древо силы, и ты видишь перед собой ветку, усыпанную плодами, — это плоды надежды. Что ты на меня уставился? Уж не думаешь ли ты, что такие красоты в моем стиле? Нет, дорогой. Это цитата из поэмы в прозе моей сестрицы Крины. Хотя у этой девицы тысяча

недостатков, но и сотня достоинств наберется. Выражаясь в ее манере, могу сказать, что в саду ее достоинств зацвел белым цветом росток таланта. У меня, признаюсь, нет никаких талантов. Зато есть идеи. С меня и этого хватит. Я и так немало пострадал за них. Правда?

Но Тудораке ничего не ответил, он отстал.

Санду взобрался на самый верх кургана и остановился. Сердце у него колотилось, он начал глубоко дышать — не помогло. Даже проделал гимнастическое упражнение; но сердце не слушалось, стучало все сильнее, не взирая на старания Санду. Вывод был один: Санду стало страшно, и сердце било тревогу, как умело. Положение осложнилось еще больше, когда рядом с ним очутился Тудораке. В фиолетовой ночной тьме его круглые глаза величиной с теннисный мяч горели, как огни семафора,— в них был ужас.

— Я слышал шорох,— прошептал он.

— И я...

Санду сказал себе, что ободрять друга не имеет смысла, раз уж у того зубы начали выстукивать общеизвестный сигнал SOS. Зачем притворяться? И он распластался на земле вниз лицом, ожидая гибели. К счастью, рядом был Тудораке, последовавший его примеру. Это все же утешало.

Сколько же времени так лежать?

Над купой деревьев показался ломтик луны, желтый, как горящая сорокасвечовая лампочка. Справа от кургана мерцали огни города.

Возле Санду с удручающим постоянством ляскал зубами Тудораке.

— Может, нам просто почудилось? — сказал Санду для собственного успокоения.

— Я видел... видел... — пролепетал Тудораке.

- Ну чего видел? Говори!
- Свет... в кустах...
- Не может быть! — И Санду вздрогнул.
- Вот клянусь... и еще...
- Что — еще?
- Я чувствую, что теряю сознание...

Этого только не хватало — остаться одному!

— Ну прошу тебя, Тудораке, не надо... Что ты, друг... Какой смысл терять сознание? Я тебе ничего плохого не сделал... Напротив... — И Санду невольно погладил его по голове.

- Ой-ой! — так и взвился тот.
- Что такое?
- У меня в волосах что-то шевелится.

Санду даже развеселился:

— Чудак, это моя рука... По-моему, зря мы напугались. Ну кто тут может быть в такое время? Разве что призрак, но призраков, как ты знаешь, нет в природе. Честное слово! Давай-ка лучше примемся за работу.

— Подождем минут пять... — плаксиво протянул Тудораке.

— Ни одной минуты! — твердо сказал Санду и, собравшись с духом, вскочил на ноги.

Тудораке еле-еле поднялся. Вид у него был... никакого виду: руки повисли, точно вывихнутые, ноги едва держали его, он пошатывался, как только что вылупившийся цыпленок.

Санду присвистнул:

- Знал бы, не связывался с тобой...
- Скажешь, тебе не страшно было? — окрысился Тудораке.

Санду подумал, что, если сказать ему правду, опять все начнется сначала.

— Сейчас мне ничуть не страшно!

В ту же минуту им в лицо ударил луч света, обозоружив их, отняв последние крохи мужества. Оба остолбенели, не дышали, все мысли у них разом улетучились.

— А-а, так это вы, братцы? — прогремел из кустов голос Траяна.

Это их совсем доконало. Кажется, тронь их травинкой, и они бы хлопнулись наземь.

— Ты... ты... — пролепетал Тудораке.

— Я из-за вас чуть не умер со страху, — сказал Траян, спокойно подойдя к ним. — Да, прямо скажу, задали вы мне задачу! Я думал, сюда придет один, смотрю, идут двое... Это раз. А второе: никак не могу сообразить, что вы, братцы, делали лежа? И так долго? Землянику собирали?

— Тебе хорошо смеяться, болван! Тебе-то смешно. Уложил нас, перепугал так, что у нас волосы дыбом встали... Вот не думал, что ты способен на такие «остроумные» шутки, — сердито сказал Санду.

— Он просто издевается над нами, — вторил ему Тудораке.

— Да что вы, вы же сами напугали меня, честное слово! — совершенно искренне сказал Траян.

— Ну хватит, точка! Давайте приниматься за дело! — распорядился Санду, думая о том, сколько им предстоит работы.

— Нет, не будем! — грозно прикрикнул Траян.

Санду взглянул на него, прищурившись совсем как Крина, и, повернувшись к Тудораке, спросил:

— Что ты скажешь о нашем друге?

— Он с приветом, — заключил Тудораке, к немалому удовольствию Санду.

— Ошибаетесь, я прекрасно соображаю, — не сдавался тот. — И, пожалуйста, не думайте, что я топал в такую даль, убил столько времени только для того,

чтобы полюбоваться на ваши трусливые заячьи рожи. Никаких раскопок сегодня не будет!

Тудораке растерянно посмотрел на Санду, не веря своим ушам.

— Что ты скажешь об этой бестолочи?

— А что тут можно сказать?

— По-моему, его надо связать и оставить на съедение воронью и лесным зверям,— сказал Тудораке и захохотал.

— Пускай он сначала кончит свою речь...

Но Траян пропустил мимо ушей их насмешки.

— Смейтесь, смейтесь, но знайте, что я вам не позволю копать. Если это действительно, как ты говорил, усыпальница, то есть погребальный памятник, тогда раскопки нужно вести под руководством специалиста, потому что вы своей мотыгой можете уничтожить какие-нибудь важные знаки...

Траян говорил бесспорные вещи. Санду совсем это не улыбалось, но в душе он вынужден был—впервые в своей жизни! — смириться с приговором друга. «Сила!»

— А знаешь, он кое в чем прав! — сдал позиции и Тудораке.

— Черт бы его взял! — И Санду с досадой ударил мотыгой об землю.

В тот же миг он услышал, как она царапнула по металлу, точно протрещал сверчок. Санду присел и при свете фонарика увидел блестящий металлический предмет. Он живо накрыл его рукой, чтобы не увидели друзья, и спрятал в карман.

— Что ты нашел?

— Покажи! — с любопытством воскликнули оба.

— Ничего не покажу! — И Санду торжествующе засмеялся.

— Почему?

— Чтобы вы не забыли меня... И главное, не забыли довести до конца все это дело. Завтра меня уже здесь не будет, а вы остаетесь.

— И что же?

— Ничего. Зато теперь, если вы даже забудете, я смогу и на расстоянии заниматься исследованием кургана. Понятно?

— Не очень,— признался Тудораке.

— Мне ничего не понятно,— добавил Траян.

Сказать по правде, Санду и сам толком не знал, что ему делать с этой вещницей, которая благодаря случаю попала к нему в карман.

Ох, скучища!

Нелегкими были для Санду первые дни на новом месте. Разборка вещей, расстановка мебели, знакомство с одноклассниками — все это были события малоинтересные. Крина, та приспособилась довольно легко. Рядом жила девочка, Сидония, она училась в одном классе с Криной. Смотришь — чмок-чмок! — поцелуи утром, в обед и вечером, и все затруднения сразу разрешены. «Какое редкостное легкомыслие!» — говорил Санду, но видел, что Крина прижилась быстро. А он? Утром в одиночестве шел в школу мимо овощного магазина, простаивал у витрины «Телеателье», потом повертывал на боковую улицу, и вот уже школа. Он поднимался по лестнице, открывал дверь в класс, здоровался, как полагается воспитанному человеку, и садился на последнюю парту у окна, пустовавшую прежде. Хорошо хоть, что сидел один: по крайней мере, никто не приставал с дурацкими вопросами. Он даже выработал себе своего рода маску. «Трагическую», — сказал бы

Тудораке. Складки между бровей, угрюмый взгляд непонятого человека, углы рта опущены, словно к ним привешены две свинцовые гири. Он подолгу тренировался перед зеркалом в ванной, и, наблюдая за ним, Крина как-то раз начала пиццать, хлопая ресницами:

«Можно подумать, что ты муху проглотил!»

«Не остроумно,— гордо заметил Санду.— Ты сегодня не в форме».

«Глядя на твою физиономию, лучше не скажешь».

«Меня не понимают»,— ответил Санду и со скучающим видом побрел в свою комнату.

Конечно, Санду хотел порисоваться, но причиной тому была, как ему казалось, сонная, скучная жизнь в классе, в который он попал. Одноклассники нагоняли на него тоску. Если сходились трое-четверо, стоило только Санду подойти к ним, они тотчас умолкали; если он хорошо отвечал урок — а он старался учиться как можно лучше,— все пристально смотрели на него, и нельзя было понять, рады они или нет.

Как-то по дороге в школу он опять остановился у витрины «Телеателье», кто-то еще подошел и стал у него за спиной. Санду любопытно было знать, кто это, но он не обернулся.

— Если у тебя нет телевизора, приходи ко мне посмотреть когда хочешь,— услышал он.

— Спасибо за приглашение, не интересуюсь.

— А почему же ты каждое утро стоишь тут у витрины? — спросил все тот же великодушный голос.

— Меня интересуют лампы ПИ-86,— прикинулся знатоком Санду и оглянулся.

Это был Валентин. В классе он сидел впереди Санду через три парты.

Ответ Санду, очевидно, произвел на него впечат-

ление — он внимательно оглядел все, что было на витрине, и потом удивленно сказал:

— Но я не вижу здесь ни одной такой лампы. Здесь выставлены только ПКЛ-84.

Эта дотошность обозлила Санду. «Какое ему дело, что я, например, вижу лампы ПИ-86, а не ПКЛ-84!» И, решив одернуть Валентина, он сказал:

— Ну чего ты цепляешься ко мне? Иди своей дорогой.

— Но я же...

— Прими к сведению, что у меня дома есть телевизор, и если хочешь знать, я собственноручно смастерил радиоприемник. Больше того: у меня по физике десять и я надеюсь в следующий раз получить такую же отметку. Ну как, ты удовлетворен?

Видя, что Валентин пригвожден к месту и лишился дара речи, Санду повернулся и помчался в школу. Но там его ожидало еще одно столкновение. Когда он взбегал по лестнице, нечаянно вышиб у Адрианы портфель, и все книги, тетради рассыпались по полу. Пока Санду собирал их, Адриана стояла, смотрела на него свысока и сердито сопела.

— Прости, пожалуйста, — буркнул он, собрав ей все, и заторопился в класс, заметив внизу Валентина: продолжать с ним разговор Санду не хотелось.

Но Адриана вовсе не намерена была прощать:

— Испачкал все книги и тетради и думает отделаться извинениями!

— Я не нарочно, — жестко сказал Санду, уже начиная злиться.

— А если бы нарочно... тогда что?

— Могу проделать такой номер, если тебе это интересно.

Он знал эту породу девчонок: с ними только чуть заговори, обязательно нарвешься на неприятности.

Он предпочел удалиться, хотя испытывал сильное желание проучить ее. Надо бы взять у нее портфель и вытряхнуть содержимое на пол. Но нет! Такой поступок не вязался с его «маской».

В классе была все та же «ободряющая» атмосфера. Санду вошел, поздоровался со всеми с подчеркнутой вежливостью, немножко насмешливо, но никто не удостоил его ответом. Впрочем, в этом классе, как и везде, ученики не здоровались между собой. Наподдать под левую лопатку, лихо присвистнуть, крикнуть «Эй, ты!» или «Хэлло, бой!» — все эти приветствия вполне заменяли безупречное, но заезженное «здравствуйте». Но Санду упорно произносил его, входя в класс, и всем своим видом подчеркивал, что он не такой, как все тут, что ему до смерти надоели их угрюмые физиономии, это их вечное бормотание, удручающее своим однообразием. И он тогда чувствовал, что складки между бровей делаются еще глубже, углы рта под тяжестью невидимых гирек опускаются еще ниже — маска была отработана, готовенькая. Но в уме Санду пробегали воспоминания, заманчивые, захватывающие, одно другого лучше. Он жил только ими. Мысленно видел он Тудораке и Траяна. «Какие отважные ребята! Разве сравнишь с ними этих? Тудораке и Траян бойкие, живые, изобретательные, а эти все мямли, ничего их не интересует. Тудораке и Траян боевые, смелые, а эти нудные тихони». Даже и глаза Тудораке теперь говорили ему о многом: в них таился огонек любознательности, а за добродушной улыбкой Траяна крылись умные мысли. «Ну, сейчас они, наверное, думают о каком-нибудь скифском шлеме, который открыли при раскопках, а может, разглядывают бронзовые и серебряные монетки из того клада, который наверняка нашли в кургане. А я? Сажу тут, вижу одни только спо-

койные, наивные лица одноклассников, и ничего их не интересует, ничего не волнует...»

Думая обо всем этом, Санду даже передернулся от нестерпимой тоски. Странное желание подтолкнуло его. Он вскочил на парту — все остолбенели от изумления — и воскликнул:

— Дорогие, неужели в этом классе ничего не бывает?

**Опять все то же, как будто
ничего и не было**

— Буууу... Буууу... Буууу...

Да, да, это отличительный знак класса, можно сказать, его звуковой герб, эмблема.

— Бууу... Бууу...

Монотонный гул, в котором ничего не поймешь, в нем и выражается деятельность одноклассников Санду.

Озвученная скукой коробка, и в ней класс. Класс, где на протяжении четырех-пяти часов в день тридцать пять голосов жужжат ему в уши, а ведь он не глухой, его острый слух способен улавливать даже самые тончайшие переливы музыки Энёску. Все эти голоса перемешиваются, сливаются, густеют, превращаются в какую-то липучку, которая облепляет всю голову, давит на барабанные перепонки своим оупляющим однообразием. Иногда из этого шумового мусса победно вырывается человеческий крик, возглас, исторгнутый чьей-то глоткой. Санду вздрагивает, оживает. «Неужели наконец что-то произошло?» Какое там! Эуджён взял у Алёку шариковую ручку, а тот попросил отдать ее. Просьба, правда, резала уши, но, будучи в порядке вещей, она, естественно, влилась в гудящий поток.

Потом Санду слышит какие-то трели. На некоторое время неписанные законы размеренного жужжания нарушаются. «Может быть, теперь что-то случилось!» — обнадеживается Санду. Он повертывается в ту сторону, откуда слышится журчащий смех, и замечает белокурую девочку с толстенными косами. Он знает, что ее зовут Флорикой. Флорика Думитрэску. Несколько дней назад он был приятно поражен, слушая ее ответ по литературе. Ее спросили о стихотворениях Эминэску, и она очень толково разобрала их со всех сторон, подвела к устной народной поэзии, оказавшей влияние на творчество великого поэта, и прочла, в качестве примера, единственную народную балладу, какую знала. Перед уроком она сама призналась, что других не знает. И ведь как ловко сумела вывернуться! Даже свои скудные знания народного творчества представила в выгодном свете. Санду это понравилось. Сейчас она заливалась смехом, покраснелась, но вдруг быстро обернулась и недолго думая влепила пощечину Рёку, сидевшему позади нее. Вот уж чего Санду никак не ожидал!

— Чем ты щекотал меня?

Рёку напустил на себя таинственность:

— Не скажу...

— Ну скажи!

— Конским волосом, — великодушно признался тот.

— Правда?

— Правда. Мне Теодор дал. — И Рёку неестественно захохотал.

Его смех, напоминавший блеяние овцы, пришелся под тон неумолчного гудения класса.

Какой потрясающий случай, а! Пощекотал конским волосом! Небывалое событие! Рёку пощекотал ей за ухом конским волосом, который взял у Теодо-

ра, а тот, очевидно, выдернул его из борта пиджака. Пиджак у него новый, Теодор объявил это, как только вошел в класс. Да, вот единственное происшествие за целых три часа. Чувствуя, что скука одолевает его, Санду решил поговорить на перемене с Виктором, сидевшим впереди него. Почему именно с ним? Санду предполагал, что у Виктора есть кое-какие задатки. На пионерском собрании Виктор даже критиковал Олгуцу, председателя отряда, за бездействие. Санду тоже следовало бы взять слово и разругать ее. Но он этого не сделал. Только заметил вскользь Флорике (надеясь, что она непременно передаст его слова Олгуце), как блестяще шли дела у них в классе, где он был председателем отряда. «Я там одно открытие сделал на кургане,— сказал он.— С каким энтузиазмом мы бы поработали всем отрядом, когда развернули бы это дело!»

И вот в перемену Санду подошел к Виктору.

— Мне нужно с тобой поговорить.

Санду напустил на себя мрачный и строгий вид, зная, что это у него хорошо получается. Углы рта опустились, как будто невидимые гири прибавили в весе на двести граммов.

— По секрету? — с интересом спросил Виктор и заулыбался, что совсем не ободрило Санду.

— Никаких секретов у меня нет,— обрезал его Санду, хотел было повернуться и уйти. Но нужно было высказаться хотя бы для того, чтобы испортить Виктору настроение.— Да и о чем можно секретничать в вашем классе?

— В нашем классе? А своим ты его не считаешь?

Вопрос справедливый, он сразил бы кого угодно, но только не Санду.

— Откровенно говоря, у нас нет ничего общего...— прямо сказал Санду.— Ничего! Я прихожу сю-

да, как в магазин. Приобретаю сто граммов углерода, двадцать или тридцать лет истории, десять катушек образных выражений и ухожу, вот и все наши отношения!

Виктор, посмеиваясь, качал головой. Впрочем, Санду про себя тоже улыбался. «А здорово я придумал!.. Сказать бы такое Крине, она бы рот разинула».

— Ты просто плохо знаешь нас. В этом все дело! — глубокомысленно заметил Виктор. — Не хочешь, или не можешь узнать получше.

— Представь себе, пробовал, но разочаровался.

— Может быть, потому, что ты в нашем классе всего две недели.

— Разве это мало? За две недели можно совершить кругосветное путешествие.

— Даже и за полтора часа, — улыбнулся Виктор, — но тогда потребуется ракета.

— Верно, но там есть всякие переключатели, измерительные приборы, электронные устройства. Там не соскучишься. А в вашем классе...

— В нашем классе тоже есть электронные устройства, — серьезно заметил Виктор.

— Ах, да! — насмешливо подхватил Санду. — Это они так убийственно жужжат! Значит, я не обратил внимания... И где же они, скажи, пожалуйста? — вызывающе спросил он.

— В нас самих, в Рику, Антоне...

— И в тебе? — засмеялся Санду.

— Да, даже и во мне, — ответил Виктор, серьезно глядя на него.

Санду просто обязан был постоять за себя, чтобы Виктор не считал его невежественным.

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Я тоже читал... Это четырнадцать миллиардов нервных «электронных трубок» мозга. Но их обычно не видно и не

слышно.— И он злорадно продолжал: — Сказать по правде, если мы займемся подсчетом, то окажется, что в телевизионном ателье больше электронных ламп, чем... Ты покажи мне хотя бы одну электронную лампу здесь, и я почтительно сниму берет.

— Олгуца! — торжествующе сказал Виктор.

— Олгуца? — изумился Санду.— Ну нет, перед ней я берет не сниму ни при каких условиях.

— Она у нас просто замечательная, смелая...

— Давай не будем спорить,— прервал его Санду.

Но Виктор был другого мнения:

— А почему не поспорить? По-твоему, это нустяк: в ее возрасте быть первой в районе по фехтованию?

Санду доставляло удовольствие перечить Виктору, и он постарался найти сногсшибательный довод.

— «Первая по фехтованию»! — повторил он, изготовившись нанести удар.— Для этого вовсе не нужны электронные трубки, нужны мышцы.

— Глубоко ошибаешься.

— И потом, Виктор, знаешь поговорку: в царстве слепых и кривому честь...

— Она умная...

Его настойчивость уже раздражала Санду:

— Ты знаешь, мне просто тошно слушать...

— Тебе, как я вижу, от всего и от всех тошно. При твоём характере это и не удивительно... Но все равно знай и запомни: Олгуца замечательная девочка... Олгуца...

— В чем дело, Виктор?

В пылу спора они даже не заметили, что Олгуца подошла к ним и слушает. Оба смутились.

— Что вы тут про меня говорите?

Санду был вовсе не настроен начинать все сначала, да еще с двоими, и он отрезал:

— Никто про тебя не говорил.
— Да? Мне как будто слышалось, что кто-то из вас упомянул мое имя.

— Тебе показалось.— Санду повернулся к ней спиной, потом через плечо бросил: — Да если бы мы и захотели поговорить о тебе... говорить-то нечего.

Ответ был не из удачных, но Санду важно было отвертеться. Не желал он с ней разговаривать, и все.

Олгуца, задетая его словами, хотела уйти, но, вспомнив что-то, в упор посмотрела на Санду и сказала:

— А-а, теперь знаю! Все дело в той истории...

— Ни в какой ни в истории,— невольно втянулся в разговор Санду.— Дело в тебе, ты никакой инициативы не проявляешь, а еще председатель отряда!

— Я же говорила! — обратилась она к Виктору, как будто Санду сделался невидимым. Но потом все же метнула на него насмешливый взгляд: — Предложи что-нибудь, и мы обсудим.

Виктор поддержал ее:

— Олгуца права. С первого дня, как ты пришел в наш класс, ты только выражаешь недовольство и плачешься всем, что у нас все не так, как тебе хотелось бы.

— Никому я не плачусь!

— Так говорят,— продолжал Виктор.— Если ты действительно таков, каким ты себя считаешь, предложи что-то... хоть для смеха, мы не обидимся.

Санду должен был защищаться:

— Когда я был председателем отряда... я многое предлагал и совсем не для смеха.

— Я же вам говорила! — захлопала в ладоши Олгуца, и в глазах у нее блеснула насмешка.— Вот почему! Все его недовольство объясняется тем, что он не председатель отряда.

— Мы выбирали еще до того, как ты к нам пришел, что ж поделаешь? — присоединился к ней Виктор. — И потом, если говорить по существу, мы бы все равно выбрали Олгуца, даже если бы ты давно был у нас.

— Это потому, что она машет рапирой на высоком уровне? — поддел Санду непрошеного адвоката. Потом, чтобы раз и навсегда внести ясность, Санду сказал: — Не о том речь. Мне совершенно все равно, кто у вас председатель отряда...

— А я вот думаю, что тебе не все равно. Олгуца, по-моему, верно говорит.

Санду был поражен. Он надеялся, что с Виктором все же можно найти общий язык. И вдруг пате вам!

— Вот уж не ожидал этого от тебя! Как

ты мог допустить такую мысль? — И Санду возмущенно заявил: — Тогда я тебя и знать не хочу!

— Как будто до сих пор ты очень интересовался мной! Видимо, это у тебя в характере: ты разругался и с Валентином, и с Адрианой... Понять не могу, что ты этим хочешь доказать?!

— Это мое дело, — сказал Санду, повернулся и отошел в сторону, надеясь, что Виктор пойдет за ним.

Но Виктор начал горячо спорить с Олгуцей, то защищая Санду, то соглашаясь с ней.

Санду наострил уши, хотя и сделал вид, что не обращает на них никакого внимания.

— Я же вам говорила, что он неуживчивый человек. Я считаю, что надо принять меры.

— Ты рассуждаешь как бюрократ, — повысил тон Виктор. — «Принять меры»! А что он такого сделал, по-твоему?

— Вот именно, что ничего не сделал и вообще не хочет ничего делать. Да еще вдобавок плачется, что мы ничего не делаем. Может, он хочет, чтобы мы развлекали его, превратились в жонглеров и клоунов?

Санду очень хотелось обернуться и сказать ей в глаза: «Можете не беспокоиться, не выламываться! Мне это ни к чему. Меня только возмущает эта спячка в классе. Как-никак я тоже теперь имею к нему некоторое отношение!» Но он промолчал и продолжал прислушиваться к их разговору.

— Забавлять его я не собираюсь! — твердила Олгуца, ухватившись за свою мысль.

Виктор, видно, заразился от нее.

— И я не собираюсь. Но, по-моему, причина совсем другая, — спокойно продолжал он, ободрив этим Санду. — Просто он еще не узнал нас как следует. Да и мы, между прочим, не помогли ему в этом. Скажи, ты хоть раз позвала его к себе, угостила айвой?

— А думаешь, он бы пришел? — деловито спросила Олгуца.

— Ты приглашала?

— Нет.

— Вот видишь! — Потом он сердито фыркнул:— Да и я тоже хорош, спрашиваю тебя, как будто я звал его! Больше двух недель прошло: ведь он видится с нами только на уроках да в перемену, когда мы все пулей вылетаем из класса и мчимся на улицу.

«Если рассудить, Виктор прав,— подумал Санду.— И все равно он еще далек от истины. Я бы по-прежнему скучал, если бы Олгуца угостила меня ай-вой или, предположим, если бы я решал задачи вместе с Валентином, с Адрианой... Ведь я жду от них другого, совсем другого!..»

— Ты преувеличиваешь, Виктор,— стояла на своем Олгуца.

— Возможно. Ну, а скажи: на прошлой неделе, когда у вас был бой с Сидонией, ты его приглашала в спортивный зал?

— Ему нужно было особое приглашение?

— Поскольку в данном случае... это особый случай, наверное, нужно было особое приглашение,— сказал Виктор, удивляясь себе, как это у него убедительно звучит.

— Я вижу, ты теперь во всем винишь меня! — пробурчала Олгуца.

— Думаешь, только тебя?.. Нет! Всех нас... И его...

Оба задумались. На счастье, прозвенел звонок.

— Звонок! Пошли в класс! — сказала Олгуца и добавила громко, нарочно, чтобы и Санду услышал: — В наш скучный класс!

Непонятый... И долго еще так будет?

Не знаю, как вы, а Санду был убежден, что попал в скучнейший класс. В класс, в котором ничего не бывает. Доказательств у Санду была уйма.

— Ты знаешь, за две недели хоть бы один попался на контрольной, неужели так никто и не сдувает? — спросил он Крину.

Чисто из интереса Санду решил сам попробовать списать, хотя не испытывал в этом никакой необходимости. Правда, потом он отказался от своего намерения, боясь, как бы одноклассники не подумали, что он хочет выделиться. Надо вам сказать, что Санду все-таки дорожил своей репутацией, мнением других о нем. «Допустим, так, — скажут те, кто еще не сумел разгадать его. — Но почему у него всегда такой недовольный вид? Симпатичных, умных товарищей он бы мог себе найти. — И конечно, сошлются на Виктора. — Вежливые, внимательные у нас в классе тоже есть. — И упомянут Валентина. — Значит, для начала можно бы подружиться с ними, а как дальше, там видно будет...» — подадут такой совет. Э-э, как плохо понимают его те, кто способен так рассуждать! И конечно, они не понимают самого главного: он энергичный человек, его влекут настоящие дела. Отыскивать потайные ходы в заброшенных древних замках, биться над загадочными посланиями с других планет, обнаруженными совершенно случайно.

«Да я и сейчас могу вас опарашить, — сказал бы он. — Знаете, что у меня в кармане?.. А, что там распространяться! Ясно и так. Я человек энергичный. Если загорится дом, я первым брошусь тушить; если

кто тонет, я, не задумываясь, нырну спасти его... Признаться, пока что не представилось случая доказать это, но знайте, что я такой человек — у меня слово не расходится с делом...»

На слово не очень-то верится, и вы еще можете подумать, что Санду любит поговорить. Нет, уверяю вас, он вообще говорит очень мало. Энергичные люди, они все такие: почти не говорят. А то, что тут сказано, — это его мысли... Их не слышно. Они плывут, как кораблики, по течению монотонного жужжания в том классе, где ничего не бывает.

Хорошо, что вошел классный руководитель, преподаватель Думитрэску.

— Здравствуйте, дети!

— Здравствуйте, — разноголосο ответили ему.

— Ого, как дружно! — засмеялся он.

Санду был такого же мнения и обрадовался, что учитель, не зная того, стал его союзником.

— Кто отсутствует? — произнес он хорошо знакомую формулу.

— Отсутствующих нет, — ответил Дан. Он был дежурный.

Дан сидел на одной парте с Виктором. К нему Санду не проявлял никакого интереса, считал, что у него нет своего мнения, всегда он со всеми соглашается.

— А, Дан, хорошо, что я вспомнил! — сказал учитель. — Я, кажется, просил тебя передать отцу, чтобы он пришел в школу, мне с ним нужно поговорить.

— Я ему передал, товарищ классный руководитель. — Дан покраснел.

— И на прошлой неделе тоже?

— Как — на прошлой неделе? — удивился Дан.

— Так мне кажется.

— Вы мне говорили две недели тому назад... Чест-

ное слово! — с жаром сказал Дан, явно заинтересованный в уточнении. — Какой мне смысл вас обманывать? Я прекрасно помню...

Учитель добродушно улыбнулся.

— Вполне возможно. И что же сказал твой отец? — прижал он Дана к стене таким вопросом.

— Я тогда забыл ему передать, — признался Дан, опустив глаза. — Но если нужно...

— Конечно, нужно, и я надеюсь, что на этот раз ты не забудешь.

— Обещаю...

Обещание прозвучало не очень твердо. Санду уловил это и, когда классный руководитель заговорил с Олгуцей и Рiku насчет повестки дня предстоящего собрания, шепотом спросил Дана:

— Ты почему не сказал отцу? Насколько я понимаю, ты и теперь не передашь.

Дан по своей привычке согласно кивнул:

— Не передам... У него и так много неприятностей.

— Какие неприятности?

— На работе. У них там окисляется патрубок, который соединяет главный резервуар с электролитической установкой. Пока отец не найдет, в чем загвоздка, я и не подумаю говорить ему.

— Не знаю, правильно ли это, — вмешался Виктор.

— А почему, разреши спросить? — вскинулся Дан и от этого сразу вырос во мнении Санду. — Патрубок там, — начал объяснять он Виктору, — окисляется, ты понимаешь...

— У тебя по химии отметка тоже окислилась, — перебил его Виктор. — Классный руководитель потому, наверное, и вызывает твоего отца, чтобы вместе найти, в чем тут загвоздка.

Виктор сострил неплохо, но Санду нашел его остроу неуместной. Разве Дан не способен сам решить, надо ли сейчас вызывать отца в школу?

— А ты, оказывается, с юмором, Виктор! — хлопнул его по плечу Санду. — Я убедился в этом. Может, ты собираешься и меня обработать юмором? Имей в виду, я могу тебе ответить тем же.

Виктор пронзил его взглядом и со вздохом сказал:

— Не знаю, подействует ли на тебя юмор. Скорее всего, нет.

Виктор теперь слишком уж беспокоился о Санду. Не то чтобы он развернул бурную деятельность с целью «вернуть в стадо заблудшую овцу», как он сам выражался. Нет! Виктор только все прикидывал, как с ним быть, бросал на него многозначительные взгляды и опять погружался в мысли.

— Ну, какие грандиозные планы ты теперь замышляешь? Хочешь приобщить меня к массам? Чтобы я тоже радовался и даже прославлял эту нудную, серую жизнь в классе, беспросветную скучищу?..

Голос Думитреску перебил его:

— У меня такое впечатление, что кто-то все же отсутствует. А, вспомнил! — просиял он. — Преподаватель Юниán говорил мне, что Виктора сегодня не было на уроке литературы.

Виктор покраснел до ушей и вскочил как на пружинах.

Санду и не обратил внимания, что Виктора не было на первом уроке, просто даже не заметил его отсутствия. А это ведь нечто новое, интересный факт, укреплявший мнение Санду о Викторе, приносящий яркую черту в его портрет. «По-видимому, у него есть свое лицо, — подумал Санду. — Удрать с урока, значит, быть способным на риск».

— Я опоздал и не отважился войти в класс,— смущенно сказал Виктор.

— Надеюсь, что это так и было,— кивнул головой учитель.— Хотя вообще недостаток смелости и прогулы могут быть тесно связаны между собой.

Эта простая фраза, равноценная правилу, чуть не опрокинула выводы, которые только что сделал Санду. То, что для него было белым или, скажем, серым, для учителя было черным. Придется разобраться самому, докопаться до истины своими силами. Пользуясь тем, что учитель начал обозревать классный журнал, выискивая, у кого четверка, Санду нагнулся к уху Виктора. Он знал, что, если хочешь вывести все до точности, необходимо прибегать к дипломатии.

— Слушай, Виктор, неужели ты прогулял сегодня? — спросил он шепотом и тут же выругал себя за такой дурацкий вопрос.

Виктор сердито оглянулся:

— Тебе, видно, это было бы приятно... Что ты за человек? И вообще я не понимаю, почему это так интересует тебя, ты же сказал, что не хочешь знать меня.

— Нельзя и поговорить с тобой? Брось ты это, лучше скажи: ты правда прогулял?

— Нет,— с торжеством в голосе ответил Виктор.— Я сегодня встал пораньше, хотел переписать начисто одну балладу и, когда кончил, увидел, что опаздываю.

Санду был разочарован:

— А я уже подумал: ну наконец в этом классе что-то произошло!

Виктор так посмотрел на него, как будто Санду явился с другой планеты. Попытался понять его, но не смог. А Санду был даже рад этому.

— Значит, и ты такой же...— нарочно не договорил он, чтобы еще больше озадачить Виктора.

— Какой «такой»? Не понимаю.

— Непонятно? Я думал, что ты смелый...

— Смелый?

— Смелый, с моей точки зрения.

— Но ведь классный руководитель думает как раз обратное. Он же сказал...

— То, что он сказал,— это теория. А на практике... может обстоять иначе.

— Такого я еще не слышал!—удивился Виктор.— Это что-то совершенно новое.

— А ты думал, я только могу повторять старые истины?—расходился Санду, радуясь случаю немножко похвалиться.— Так-то вот! Вы уже втянулись в скуку, в однообразие, в текучку. Состарились еще на школьной скамье!

Санду выкладывал все свои мысли, которые накопились у него за две недели бездействия, и, стараясь припомнить все, что его мучило эти дни, обрубал все нити, связывающие его с окружающими.

— Санду, Санду! — послышалось ему как сквозь сон.

Но он вообразил себя в огромном зале и говорил... говорил... А окружающие шумно приветствовали его.

— Санду! — И он почувствовал, что Дан толкает его в бок.

— Что? — вздрогнул он, все еще не придя в себя.

— Тебя вызывают! — тихонько сказал Виктор.

— Санду Андрей!.. Санду Андрей! — повторял учитель.

— Здесь! — крикнул Санду, вскочив с места.

— Не чувствую,— с улыбкой сказал учитель.

Весь класс так и прыснул. Взрывы смеха не пре-

кращались. Санду казалось, что его обстреливают со всех сторон. Он стоял опустив голову, для него это был позор космического масштаба.

— Довольно, перестаньте, не понимаю, что это вдруг на вас нашло! — пытался их утихомирить учитель.

Но они не унимались: нашли повод отомстить Санду за его зазнайство и обратили смех в колющее оружие.

— Ну довольно! — прогремел голос учителя. — Смеетесь как неразумные дети. К тому же сегодня не только Санду невнимателен в классе. Не понимаю, почему вы придаете этому такое значение? Нам с вами нужно обсудить сейчас серьезные вопросы, решить, чем будет заниматься отряд в ближайшее время. Выскажите ваши пожелания. Я бы очень хотел узнать и твое мнение, Санду.

Скрытый смысл стратегии классного руководителя Санду сумел разгадать, но вовсе не склонен был идти на поводу у класса.

— Сейчас у меня нет никаких предложений, потому что я не хочу, чтобы надо мной смеялись, — пробурчал Санду, глядя медведем.

— Вот не ожидал! Я рассчитывал, что именно ты выскажешь много пожеланий, — заметил Думитреску, удивленный его позицией.

У Санду мелькнула мысль, что классного руководителя накачала Олгуца. Он решил показать, что ему все известно.

— А-а! Это вам Олгуца сказала?

— Никто мне не говорил ничего, уверяю тебя.

— Тогда непонятно, почему вы именно меня спросили?

— По очень простой причине. — И Думитреску добродушно усмехнулся.

Успокоенный таким ответом, Санду собрался с мыслями и начал свою защитительную речь:

— Я в этом классе всего две недели. Мой отец, например,— как вы знаете, он инженер-химик в новом цехе комбината — и то еще не вошел в курс дела.

Думитреску не то умышленно, не то случайно не обратил внимания на увертку Санду:

— На комбинате, там другое дело. А в школе именно потому что ты человек новый, ты мог бы предложить что-то интересное, свое, так мне думалось. Свежему глазу всегда виднее, как обстоит во-круг. Откровенно говоря, я возлагал на тебя большие надежды.

Его слова не произвели никакого впечатления на Санду.

— Нет, я ничего такого не могу предложить.— И он пожал плечами.

— Может быть, ты все-таки подумаешь?

— Нет, нет... Даже если бы у меня и было что-то...

— Как хочешь,— осек его Думитреску.— Тебя никто не принуждает. Не расположен, обойдемся своими силами. Верно, дети?

Не сдастся, и точка!

Прошла еще неделя, и снова наступил час классного руководства. Для Санду ничего не изменилось, в классе была все та же удручающая спячка. Санду, правда, слышал, что за это время начали работать кружки юных физиков и химиков, было уже одно занятие литературного кружка, но он решил не записываться в них. Какой смысл тратить время на такие пустяки — смотреть, как краснеет лакмусовая бумага, и кричать «Кислота!» или пора-

жаться тому, что кто-то сравнил солнце с апельсином? Крина все подмечала и сказала матери, что Санду сделался отшельником. Тогда Санду показал ей книгу со снимками древних крепостей и могильников и профырчал:

— Всегда так: кто отдает себя науке, того не понимают.

— Подумаешь, наука! Медяк ей цена,— насмешливо заметила Крина.

Санду понял, что она намекает на монетку, которую Тудораке нашел на кургане. Он тогда, не подумавши, рассказал ей о находке, а Крина готова по всякому поводу поднять его на смех. «Девчонки, они все такие!» — заключил Санду. Вот и теперь, в классе, Олгуца все время старалась заговорить с ним, делала ему знаки. Но если он не сдержит любопытства, тогда ему до конца урока не распутаться с ее вопросами и опять он попадетсЯ, как в прошлый раз. Нет уж, теперь он ученый. Санду не стал обращать на нее внимания и думал, что она на этом успокоится. Но не тут-то было! Виктор подсунул ему под партой записку.

— Это тебе от Олгуцы.

— Что ей надо?

— Не знаю. Прочти.

Санду развернул записку. На клочке бумаги было наспех нацарапано: «А что, если нам устроить экскурсию на гору Гайдука? Соберем там материал для гербария... Предложи сейчас, и мы тебя поддержим!» Санду усмехнулся: «Еще чего, собирать цветочки! Ну-ну, до чего же она наивна! Просто со сме-ху умрешь!»

— Что она пишет? — полюбопытствовал Виктор. Он видел, что Санду развеселился, и это его обрадовало.

Санду считал необходимым разочаровать его.

— Она меня до слез умиляет своей заботой. Она, конечно, слышала, что у меня десять по естествознанию, и подсказывает мне, чтобы я внес предложение устроить экскурсию... Будем собирать листья для классного гербария.

— Мысль хорошая, — сразу согласился Виктор, внушив Санду подозрение, что они это надумали вместе. Подозрение превратилось в уверенность, когда Виктор ехидно добавил: — Ты же все говорил, что тебе скучно!

— И ты воображаешь, что, если я надергаю листочков, я не буду скучать? — раздраженно и слишком громко спросил Санду.

Произошло неизбежное — Думитреску опять сделал ему замечание:

— Так, значит, Санду, у тебя такая привычка: ты все время разговариваешь в классе.

Санду встал с покаянным видом и устался в пол.

— Товарищ классный руководитель, — сказал Виктор, — Санду хочет внести очень интересное предложение.

— А, вон что! Очень хорошо! Я уже неделю жду этого.

Санду не поднял глаз и не проронил ни слова.

— Он просто боится сказать... — помогла Олгуца.

— То есть как... боится? — изумился Думитреску.

— Это я-то боюсь? — воскликнул Санду. — Да обо мне в жизни никто не говорил такого! Ничего я не боюсь, меня не интересует это предложение...

— Ничего не понимаю: ты хочешь внести предложение, но оно тебя не интересует. Я бы все же попросил тебя решиться и высказать...

— Пускай другие решаются! — выкрикнул он. — Я не собираюсь вносить никаких предложений.

— Это мы уже слышали в прошлый раз, — теряя выдержку, сказал Думитреску. — Дело твое. Я только хочу разъяснить тебе: возможно, у твоих товарищей не хватило на это терпения — у нас в классе принято обсуждать любое предложение и прислушиваться к мнению каждого.

Думитреску сумел задеть за живое Санду, и тот начал говорить, медленно подбирая слова, стараясь не упустить ничего.

— Прежде я считал, что самое лучшее — не вмешиваться. Но я вижу, что некоторые ученики хотят тут выставить меня трусом, поэтому я скажу вам все, что я думаю, что меня возмущает все эти три недели, пока я в этой школе. Сначала я избегал говорить об этом, но теперь считаю, что молчать больше нельзя. В нашем классе — скучная жизнь.

— Что ты сказал?

— Вот это новость!

— Это уж слишком!

— А что он хочет?

Говорили все сразу, возмущались, кипели, и Санду был доволен, что наконец сумел расшевелить их, прервать это вечное бездумное жужжание класса.

Классный руководитель, тоже удивленный таким оборотом дела, стал водворять тишину:

— Подождите, не все сразу! Сначала выслушаем Санду, он же еще не успел ничего сказать. Потом будете говорить вы, но только по очереди. Итак, Санду, ты считаешь, что у вас в классе скучно. Я бы просил тебя сказать пояснее, что ты под этим подразумеваешь?

— Да это и так понятно... Я уже говорил однажды: в этом классе ничего не бывает.

Его ответ показался забавным Думитреску, и он перебил Санду:

— Прости, пожалуйста, а что бы, по-твоему, должно быть?

— Я не знаю что, но мне бы хотелось, чтобы мы занялись чем-то важным. Там, где я прежде жил, знаете чем мы занимались?

— Нет, не знаю, — не то в шутку, не то всерьез сказал Думитреску.

— Я там сделал потрясающее открытие.

В классе стало тихо. Слова Санду на всех произвели впечатление. И вдруг Дан ребячески спросил:

— А что ты мог открыть? Дракона?

Послышались смешки, потом прыснул весь класс. Думитреску еле унял их.

— Дайте ему говорить! Очевидно, он открыл что-то очень интересное.

— Если ко мне пристают с «драконом», какой смысл говорить? — с горечью сказал Санду.

— Надеюсь, нам не придется долго упрашивать тебя, продолжай рассказывать! — Думитреску словно чувствовал, что Санду только этого и ждал.

— Я обнаружил старинную, очень древнюю монету...

— Ты хочешь сказать, что вы занимались нумизматикой? — заключил Думитреску.

— Нет, нет! — запротестовал Санду.

— Тогда расскажи подробнее.

— Если вам это интересно, — медлил Санду, испытывая их терпение.

— Что за вопрос, конечно! Правда, дети?

— Да, да! — хором ответили все.

— Тогда слушайте. У нас там на окраине города, на поляне, есть курган... Метра четыре высотой, а в диаметре метров десять. Никто не знает точно, как и когда он появился: одни говорят, что там в давние времена был кирпичный завод и в том месте держали запасы глины, другие считают, что это старинный межевой знак. Но я однажды увидел в книге снимок скифского кургана, в точности такого, как наш. Я сказал ребятам, и мы давай за дело.

— Сказал ребятам? — перебила его Олгуца.

— Да. Что ты удивляешься? Думала, я эгоист, буду скрывать это в своих интересах... Я сказал ребятам и...

— Только ребятам сказал? А разве у вас в классе девочек не было?

Олгуца словно задалась целью сбить его.

— Почему, были и девочки... Это я так сказал.

— А почему ты так сказал? — продолжала она допрашивать.

На счастье Санду, за него вступился Антон, чего никак нельзя было ожидать. Антон был молчаливый, пугливый как заяц. Сидел он впереди, в другом ряду.

— Кончай, Олгуца, свои ненужные вопросы!

— Ладно уж! — снисходительно сказала она.

— Рассказывай, Санду, что же было дальше, — подбодрил его Думитреску.

— Сначала мы пошли на разведку, — не вдаваясь в подробности, продолжал Санду. — Не прошло и часа, как один из нас нашел монету.

— А в музей краеведения вы не заявляли? — с интересом спросил Думитреску.

— Зачем заявлять? Мы сначала хотели вести раскопки... тайком, сделать открытие, а уж потом объявить.

Думитреску задумчиво покачал головой:

— Такое решение мне представляется не совсем верным. Так что же было дальше?

Санду очень хотелось рассказать про ночной поход, но он умолчал.

— Я переехал сюда... Но там остались мои товарищи, они займутся... Энергичные ребята, ничего не скажешь, — добавил он, чтобы поддразнить всех.

В классе была полная тишина. И никто точно не отваживался нарушить ее. Думитреску тихонько, чуть не шепотом, обратился к Санду:

— Так, значит, у нас тебе скучно? Ты здесь три недели и уже начал скучать.

— Да, товарищ классный руководитель. И уверяю вас, не мне одному скучно. Взять хотя бы Виктора...

Виктор вскочил как ошпаренный:

— Мне совсем не скучно... У меня как раз очень

много дел... Я вдобавок собираю народные баллады...

— Собирает народные баллады,— иронически заметил Санду.— Зачем это нужно, когда уже изданы сотни сборников?

— Это мое личное дело, и я не намерен отчитываться перед тобой.

Встретив такой отпор, Санду не стал настаивать:

— Ладно, тогда возьмем Антона, товарищ классный руководитель.

— А почему меня? — мягко возразил Антон.— Я учусь, и все. Мне не скучно... Учусь, и с меня этого достаточно.

— Видите, видите! — торжествовал Санду.— Я же вам говорил: с него достаточно и одного ученья.

— Действительно, этого, пожалуй, маловато,— как будто признал его правоту Думитреску.

— А я что говорил? — не отцеплялся Санду.

— Это неверно,— вмешалась Олгуца.— Санду совсем не знает Антона. Вы тоже не знаете, каким замечательным делом занимается Антон.

— Оставь, Олгуца... прошу тебя,— робко протестовал Антон.— Ничего особенного я не делаю.

— У него самая лучшая коллекция марок во всем городе,— заявила она.

— Да разве это занятие? — засмеялся Санду.— Сидеть целыми днями с пинцетом и раскладывать марки по сериям. Давайте говорить серьезно: это же несерьезное дело!

Думитреску снова вмешался в спор, и в классе не могли понять, на чьей же он стороне все-таки.

— Видишь ли, Санду, насчет марок ты, может быть, прав, а может быть, и неправ.

— Конечно, неправ! — расходилась Олгуца.

— Но ведь речь не о том, прав я насчет каких-то несчастных марок или нет,— одернул ее Санду.— Товарищ классный руководитель хотел узнать, какого я мнения о классе. Откровенно говоря, я даже не знаю, что тут можно сделать... чтобы изменить что-то. Это очень трудно.

— Легче всего предложить, труднее всего осуществить,— медленно и многозначительно произнес Думитреску.

— Но Санду ничего не предлагает и ничего не осуществляет, товарищ классный руководитель,— язвительно сказала Олгуца.— Он разыгрывает роль непонятого, роль...

— А почему я должен предлагать? Пусть она предлагает, она председатель отряда.

Думитреску посмотрел в упор на Санду:

— Теперь я мало-помалу начинаю понимать... Гордость прикрывает наши собственные недостатки.

— Дело тут вовсе не в гордости,— возразил Санду, считая, что его неверно поняли.

— Правильно, дело только в недостатках,— попала в точку Олгуца.

Санду казалось, что только чистая случайность да несколько ловко ввернутых словечек помогли Олгуце получить перевес. Нужно было возразить ей, придумать что-то особенное, иначе получится, что он хвастун и эгоист.

— Мне нужна не столько критика, сколько пример.

— Постараюсь показать!

— А я слышу, что ты целые дни занимаешься одним фехтованием.

— Вовсе не целые дни, а только когда тренировка.

— Значит, это и правда твоя страсть...

— А что в этом плохого, по-твоему? — спросил Думитреску.

— Плохо то, что она только и умеет колоты!

Вот это да! Так можно жить!

И вдруг все перевернулось. Произошло такое, что Санду себя не помнил от радости, жил как во сне, причем сон был чудесный: свершилось то, о чем он всегда мечтал.

На другой день после уроков Санду вышел из класса, удрученный горькими мыслями.

«Если уж и Дан считает, что я капризничаю, тогда ничего не попишешь».

Накануне Дан с таинственным видом зазвал его к себе домой, пообещав показать одну вещь. «Замечательная, ты такой в жизни не видел!» — говорил он. Санду не принял это всерьез, но все же пошел. Отказаться просто нельзя было: Дан ведь тоже присутствовал при обсуждении, так что знает, какой он требовательный. Санду, вероятно, обрадовался бы даже какому-нибудь смешному помпончику, изъеденному молью, так ему хотелось чего-то нового, необычного. Вместо этого Дан показал ему маленькую черепашку, величиной с карманные часы. Она была до того отощавшая, оголодавшая, что даже не могла высунуть голову из панциря, сколько ни колдовал Дан, приговаривая всякие заклинания, в том числе и это: «Улитка, улитка, высунь рога...» Санду пришел в бешенство, но сдержался, понимая, что Дан пригласил его к себе с самыми добрыми намерениями. Но уж зато в школе, когда Дан опять начал восторгаться своей черепахой, расписывать, какие у нее на панцире тоненькие коричневые полосочки, как они кра-

сиво переплетены, прямо как «валансьенские кружева», Санду вышел из себя, выложил ему напрямик свое мнение и обозвал Дана слизняком. Дан не остался в долгу и отнес Санду к классу птиц, сказав, что он надутый индюк. Вот поэтому Санду вышел из класса после всех и понуро побрел по коридору, погруженный в раздумье.

Вдруг кто-то тронул его за плечо:

— Знаешь, Санду, то, что ты рассказывал про скифский курган, меня очень заинтересовало...

Это был Думитреску, он только что вышел с урока из девятого «А».

— Очень заинтересовало, — повторил он.

— А я еще не все рассказал, боялся, что в классе подумают, будто я хочу похвалиться.

— Так что же еще у вас там было? — И, видя, что Санду медлит, он ободрил его: — Во мне можешь не сомневаться, уверяю тебя!

— Но теперь это уже не имеет никакого значения, товарищ классный руководитель, — убежденно сказал Санду.

— Не скажи, это очень важно.

— Но ведь...

— Прошу тебя...

— Тогда послушайте... В последнюю ночь, перед самым отъездом сюда, я еще раз побывал на кургане.

— И не побоялся?

— Да я не один был...

— И вы вели раскопки?

— Нет...

— Правильно. Так вы могли повредить что-то.

— Траян то же самое говорил.

— Траян?

— Да, это один из двух моих товарищей, с которыми я сговорился делать раскопки.

Думитреску удивленно взглянул на него.

— А у меня почему-то создалось впечатление, что вас было больше.

— Нет, только мы трое. Мы хотели одни... чтобы открытие было наше...

— А-а! — Думитреску разочарованно спросил:— Это и все?

— Нет. Дальше еще интереснее будет!

Думитреску рассмеялся и взъерошил Санду волосы:

— Другими словами, держишь меня в напряжении! Ну рассказывай, что же вы там делали, что вы такое открыли?

— Понимаете, я не знаю... как это вам сказать...

— Если не хочешь, не говори,— с некоторой досадой сказал Думитреску.— Это твое открытие, твой секрет, и ты вправе поступать так, как считаешь нужным.

— Да нет, я не про то... я не знаю, как вам объяснить... Вот посмотрите сами, что я там нашел...

Санду развернул носовой платок и протянул учителю вещицу, которую нашел тогда ночью.

Тот взял ее, с интересом оглядел со всех сторон, потом отошел к окну и молча продолжал разглядывать.

— Похоже на железный гвоздь,— попытался Санду вызвать его на разговор.— Только чудной какой-то...

— Я думаю, что это скорее наконечник стрелы.

— Вот здорово! А я и не подумал! — воскликнул Санду, и сердце у него чуть не выпрыгнуло от радости. «Одно дело — найти какой-то ерундовый гвоздь, и совсем другое — здоровенный наконечник стрелы!»

— Но возможно, и гвоздь.

— Нет, нет, это явно наконечник стрелы. Вы только пощупайте, какой он острый!

— Не отравлен ли он...

— Вы думаете, он может быть и отравленным? — Санду был на седьмом небе. — Надо же! Таскаю с собой отравленный наконечник и ничего не знаю. Когда я напишу Траяну и Тудораке, они просто обалдеют!

Думитреску, видимо, занимало другое:

— И ты все время таскаешь это с собой?

— В носовом платке. Боюсь, пропадет. Ведь он наверняка очень ценный... если от скифских времен.

— Да, да. Возможно, ты прав. Если рассуждать отвлеченно, он, конечно, представляет большую ценность. Будь у меня возможность исследовать его более основательно, я бы сказал тебе точно.

— Тогда возьмите его, пожалуйста. Мне в классе говорили, что вы большой специалист в археологии.

— Как и каждый преподаватель истории.

— Да, конечно, но я слышал, что вы подарили музею много вещей, которые нашли при раскопках.

— Это правда. — Он помолчал и потом вдруг сказал каким-то таким необычным голосом, что у Санду перехватило дыхание: — Но самый-то интересный для музея материал я вот не сумел подарить...

— Не понимаю. — Санду даже вытянул шею, так ему любопытно было знать.

Думитреску взял его под руку и стал прохаживаться с ним по коридору.

— Действительно, это трудно понять и, главное, трудно объяснить. Но раз уж ты оказал мне доверие и, как я вижу, тебя это интересует, я тебе все расска-

жу. Недели три тому назад, точнее, за несколько дней до того, как ты впервые пришел в этот класс, у меня пропал дакский¹ календарь.

— Дакский календарь?

Санду даже в дрожь бросило.

— Да. Я приносил его в ваш класс показать, и потом он куда-то исчез. Сначала я подумал, что кто-то из учеников взял его посмотреть. Но вот прошло уже столько времени, мне его не возвращают, и я уже начинаю тревожиться.

— А почему вы прямо не спросили?

— Мне не хотелось поднимать шум, начнется переполох...

Санду был до того поражен и взволнован, чувствовал, что у него поджилки трясутся.

— Вы меня убили! — проговорил он упавшим голосом.

— Вот этого я и боялся. Но из того, что ты мне рассказывал, я сделал вывод, что ты человек спокойный и сумеешь помочь мне в розысках календаря.

— Конечно, помогу! — твердо сказал Санду. — О чем речь...

Но он тут же сник, весь его энтузиазм мигом улетучился, как газ из проколотого воздушного шара. Чем же он может помочь в таком сложном деле, как он найдет виновного, когда он так мало знает своих одноклассников?

— Но как я могу вам помочь?

— Пока я и сам не представляю... Может быть, разузнаешь у товарищей... Поспрашивай.

— Если я что-нибудь услышу... Если я только нащупаю хоть одну ниточку... Я сделаю все, что смогу.

¹ Даки — фракийские племена, в древности населявшие Трансильванию, горные районы Молдавии и Валахии.

— Спасибо,— просто сказал учитель.— Я верю, что ты мне поможешь.

— Можете не сомневаться... Раз такое важное дело...

— Очень важное,— подтвердил Думитреску.

Это доверие окрылило Санду, его просто распира-
ло от гордости.

Наконец-то есть дело!

Санду был так поглощен мыслями, что даже не заметил, как дошел до дому, пообедал. Крина смотрела на него прищурившись и ни с того ни с сего изрекла:

— Сегодня у тебя уже более облагороженный вид.

— Какой? — переспросил он, не понимая, что она хочет этим сказать.

— Более одухотворенный, — продолжала она, тщательно подбирая слова.

— Что ты все выкапываешь антикварные словечки? — рассердился он.— Или тренируешься на мне к занятию литкружка? Напрасный труд, деточка! Я читал твои стихи и могу тебя заверить: нет в тебе огня. Они не зажигают, не волнуют...

— Много ты понимаешь! — нахмурившись, сказала Крина и ушла.

Санду попал в самую точку. Но все равно и эта победа, одержанная с такой легкостью, не успокоила его.

Разговор с Думитреску не выходил у него из головы, дакский календарь вытеснил все другие мысли. Санду был просто в смятении. Еще бы: исчез дакский календарь! Санду представлял его себе таким:

триста шестьдесят пять листов бумаги, и на каждом всякие числа, знаки. «Нет, не такой!—рассудил он.— Я, конечно, ошибаюсь. Календарь у даков не мог быть из бумаги. Он, наверное, на папирусе... Или просто-напросто из отшлифованного камня. Каждый камень величиной, должно быть, с тетрадный лист. Но если камней триста шестьдесят пять, как же можно было незаметно утащить такую гору? Нет, скорее всего не из камней. Тогда из чего же? И как он выглядит?» Санду страшно жалел, что забыл спросить у Думитреску столь существенную подробность. Это бы очень помогло в розысках. Но все равно: это такое захватывающее приключение! Санду уже окунулся в него с головой и чувствовал, что внутри у него все дрожит от радости. Ему казалось, что он любит весь мир, что он готов простить своим одноклассникам если и не все, то многое. Себя он считал абсолютно правым. Ведь он же верно говорил, что у них в классе ничего не бывает. Подумаешь, велико событие — Виктор собирает народные баллады, Антон коллекционирует марки, Олгуца размахивает рапирой! Один знает буквы на электронных лампах, другой дрессирует жалкую черепашку. «Допустим, все это так, но ведь, как говорится, на нет и суда нет. А все же нехорошо тогда получилось на этом обсуждении: надо же, вообразили такую нелепость, будто я завидую Олгуце! Будто я так держусь с ними только из-за того, что я не председатель отряда!» Вообще-то Санду был хорошо мнения об Олгуце: признавал, что она прекрасно учится, что она умная. Но вот энергичной он ее не считал. Сам он, например, как только узнал об исчезновении дакского календаря, сразу почувствовал прилив энергии, потребность действовать, не медля ни минуты, любым способом напасть на след похитителя... Вот тут он пожалел, что с ним нет Траяна и

Тудораке. Но раз уж ничего не изменишь, на худой конец можно и с Виктором вдвоем справиться с такой задачей, он должен что-то знать... Ну хотя бы какой вид у этого календаря. И Санду принял решение зайти к Виктору домой и спросить его напрямик. Без помощника в таком деле никак не обойтись. «А что, если Виктор взял календарь? — мелькнуло вдруг у Санду. — Он, верно, рассчитывал найти в нем что-то из народной поэзии, вот и взял себе... Нет, это дурость! Но на всякий случай с ним надо быть осторожнее. Прямо с него и начну. Итак, будем действовать!»

Только прежде полагалось зайти к отцу: с той памятной ночи, когда Санду тайком удрал в окошко, он взял себе за правило говорить домашним, куда уходит.

Увидя его, отец засмеялся:

— Так... значит, собираешься уходить?

— Откуда ты знаешь? — удивился Санду.

— Я сообразил это быстрее любого сыщика из полицейского романа: заметил у тебя в руке берет.

Санду оставалось только согласиться с таким простым доводом.

— Верно, — сказал он.

— Куда же ты отправляешься?

— К Виктору.

— К Виктору? А, мне кажется, это он недавно звонил тебе по телефону.

— А разве он звонил?

— Мне так послышалось, он как будто сказал, что Виктор. Я только было хотел позвать тебя, он повесил трубку.

— Но у Виктора нет телефона.

— Все возможно. Посуди сам, как я мог догадаться, откуда он звонит: из дома или из автомата? Я еще

не научился разбираться в таких тонкостях. А кто этот Виктор? Почему ты так интересуешься им?

— Это мой одноклассник... Вовсе я им не интересуюсь... Личность вполне невинная.

— Невинная? В каком смысле?

— Ну как бы тебе сказать... Он большой любитель народной поэзии,—не без иронии заметил Санду.

— Он собирает стихи? Очень интересно!

— Ты так думаешь?—с сомнением спросил Санду.

— Убежден.

Услышав это, Санду решил разубедить его:

— Разве это дело — записывать под диктовку?
— Положим, это не совсем так, как ты себе представляешь. Я ведь тоже собирал стихи в юности.
— Ты? Вот уж никак не думал!
— А почему?
— Инженер-химик...
— Не должен увлекаться поэзией?
— Да нет, почему же. Но я, например, предпочитаю более конкретные вещи. Делать дела. Действовать.

— Правда? — Отец помолчал, потом задумчиво проговорил: — Да, делать дела, действовать... Если ты не очень торопишься, я тебе могу кое-что рассказать.

— Расскажи!

— Тогда садись на диван и слушай. Было это весной тысяча девятьсот сорок четвертого года.

— Ого, давненько!

— Действительно, давно. Я тогда только что окончил институт. Шла война... Ты знаешь о ней по книгам, по рассказам, фильмам. Знаешь и о той борьбе, которую вели у нас против фашизма передовые силы, настоящие патриоты, — подрывали воинские эшелоны, чтобы сорвать снабжение фронта боеприпасами, горючим, продовольствием.

— Да, я все это знаю, папа.

— Оружия было мало, взрывчатки тоже. Мой близкий друг, тоже инженер, работал в подполье, изготавливал для подрывников мины и гранаты. И вот в один из дней его арестовали, замучили истязаниями, он погиб... Мы, его друзья, глубоко переживали его гибель. Наша ненависть к фашизму была неукротимой. Мы тоже действовали с оружием в руках.

— Правильно, так и нужно было! — глядя на отца, с жаром сказал Санду.

— Как-то вечером к одному из наших пришел незнакомый человек и спросил, согласится ли он на одно опасное дело, хочет ли он отомстить за гибель друга?

— Что тут спрашивать? И так ясно! Он, конечно, сказал «да» и попросил револьвер.

— Он сказал «да» и до двадцать третьего августа¹ работал в подполье, изготавливал боеприпасы для коммунистов.

Санду был поражен такой неожиданной для него развязкой. «Странно, лучше бы попросил пистолет и застрелил тех, кто убил его друга...»

— И он так никогда и не стрелял?

— Нет. За него это делали другие.

— Неужели ему не скучно было столько времени находиться в подполье?

— Не до скуки было.

— Удивляюсь. Я бы не вытерпел. Но ты, наверное, лучше знаешь. Тем более, что он сам тебе рассказывал... Я все думаю, кто же это мог быть из твоих знакомых? Я его знаю?

— Да.

— Тогда скажи, кто это?

— Я.

По невидимым следам

Санду был озадачен. Значит, он не совсем верно представлял себе, что такое энергичный, деятельный человек. Он пришел к выводу, что

¹ В условиях победоносного наступления Советской Армии 23 августа 1944 года в Бухаресте началось Народное вооруженное восстание, организованное Коммунистической партией Румынии. Фашистское правительство было арестовано.

отец, пожалуй, прав. «Только почему он рассказал это именно сейчас?» — недоумевал Санду. Именно сейчас, когда он взялся за такое дело, самое увлекательное в его жизни! «Может, он что-нибудь заметил по моему лицу или Крина, по своей привычке, шепнула ему несколько словечек?» Любопытно. Он ведь ничего ей не говорил. Раз это чужая тайна, он не вправе выдавать ее, значит, нужно молчать. Санду все размышлял: «Наверное, все-таки я себя как-то по-другому держу, раз уж Крина и особенно отец своим этим рассказом решили предостеречь меня. Отец, видно, думает, что я способен выкинуть какой-нибудь дурацкий номер. Гм! Значит, и он плохо знает меня! Между прочим, я ведь тоже не сказал ему тогда, почему я удрал в окошко. Кажется, он начал относиться ко мне с недоверием. Да, но что я мог ему сказать? Ничего выдающегося я пока еще не сделал, хвалиться нечем. Ага, хвалиться! Выходит, я люблю хвалиться? Чтобы все знали, какой я особенный?.. Уж не потому ли отец усомнился во мне? Очевидно, у меня в лице что-то такое появилось, что разоблачает меня. И как раз когда я собираюсь нагрянуть к Виктору. С него-то я и начну расследование. Только прежде надо немножко успокоиться, сделать каменное лицо...»

Он отправился к Виктору, беспечно насвистывая, иногда даже прыгал на одной ножке, как маленький, — для отвода глаз. Когда ему попались по дороге игравшие в классы девочки, он тоже проскакал через все линейки и круги, начерченные мелом на тротуаре, и пошел дальше, уже как будто спокойнее. Все меры предосторожности были приняты. Дом Виктора он узнал сразу по трем тополям во дворе, о которых тот говорил ему. У калитки он нерешительно остановился, потому что на ней была табличка с над-

писью: «Осторожно. Злая собака». Что делать? Санду благоразумно постучал по железным прутьям калитки и подождал. «Гав, гав!» — послышалось из-за кустов сирени. Санду пригляделся и увидел мальчика лет шести. Тот залился смехом.

— А-а, испугался? Испугался? — радостно спросил он и подошел к забору.

Он очень походил на Виктора. Санду, желая расположить его к себе, чтобы потом повыспросить, решил подыграться:

— Ой, до чего же ты перепугал меня!

— Я как увидел тебя, сразу понял, что ты трусишка.

— Правда?

— Ты так тихонечко подкрадывался, прямо как кошка.

— Что ты говоришь?

— Да. А Виктора дома нет.

— Откуда ты знаешь, что я к нему?

— Он мне сказал, что его будут спрашивать.

— А может, еще кто, не я?

— Нет, ты, я уж знаю.

— Что ты говоришь? Как это ты все знаешь?

— Вот знаю.

— Да, ответ серьезный, я вижу нам с тобой есть о чем поговорить.

— А ты что думал?

— Я? Ничего. Так где же Виктор?

— Он сказал, что идет на рынок.

— Наверное, за морковкой?

Мальчик грозно нахмурился:

— Сказал тоже! За морковкой! Ты меня за маленького считаешь? Он выслеживает кого-то.

— Выслеживает? — Санду вздрогнул. — А ты не врешь?

— Я? Раз ты так, я с тобой не разговариваю. Пойду спущу собаку.

— Ну, прошу тебя, мальчик, подожди минуточку, я хочу спросить у тебя одну вещь.

— Я сказал — всё!

И он быстро убежал, решив привести в исполнение угрозу.

Санду пожал плечами. Разговаривать было не о чем. Он узнал то, что ему нужно. Виктора нет дома, он на рынке, и там... «Он выслеживает кого-то!» Эта фраза была для Санду полна скрытого смысла, подобна ключевой фразе-разгадке в полицейском романе. Он чувствовал каждой жилкой, что наконец после стольких недель бездействия он вступил на путь приключений, которые всегда манили его. Если Виктор выслеживает кого-то, очевидно, он тоже узнал об исчезновении дакского календаря. Может, даже сам Думитреску сказал ему. Виктор, он ловчее, он, конечно, уже учуял какой-то след. Оборот непредвиденный, но в общем-то неплохо иметь напарника, когда ты взял на себя такую ответственную задачу. «Хитер же этот Виктор! Сила! А прикидывается простачком, собирателем фольклора».

Рынок находился неподалеку. Санду не раз бывал там. Его занимала эта веселая сутолока, пестрота, радовали глаз груды фруктов, овощей. Осень выдалась урожайная, и всюду носился запах яблок «джонатан», бергамота, слив. Санду подумал, что было бы интересно проделать такой опыт — в один прекрасный день взять за ручку Крину, привести ее сюда и сказать: «Вот об этом напиши, сестричка! Напиши так, чтобы у меня слюнки потекли, когда я буду читать твои стихи!»

Увлечшись мыслями, Санду чуть было не совершил непростительную оплошность. Надо было неза-

метно, как тень, проскользнуть за палатками и грудами огурцов и капусты, а он чуть было не пошел напрямик как обычный покупатель. Какая же это слежка, если бы он сам полез на рожон? Его задача усложнялась еще и тем, что в такое время на рынке обычно очень мало народу, так что не затеряешься. «Только бы найти Виктора, тогда все будет просто!»

Но Виктора даже не пришлось искать. Он стоял на виду и разговаривал с каким-то пожилым мужчиной, у того были огромные усы, закрученные вверх. «Усы, наверное, фальшивые», — подумал Санду, подкрался поближе, потом спрятался за спину мужчины и стал делать знаки Виктору, их можно было истолковать так: если, мол, тебе нужна моя помощь, я в твоём распоряжении. Сочтя, что Виктор все понял, Санду присел на корточки за ящик с огурцами. Но Виктор словно того и ждал: он вдруг начал кричать на весь рынок, звать его. «Ну что за безрассудный человек! — с досадой подумал Санду. — Я было так ловко все организовал!»

— Санду, чего ты там прячешься? — не унимался Виктор. — Думал, я тебя не найду? — спросил он, подойдя ближе.

— Тсс! Что ты так кричишь? Я же тебе делал знаки, чтобы ты притворился, будто не знаешь меня.

— А зачем? Ничего не понимаю! — удивился Виктор.

— Я узнал, что ты уже давно гоняешься за одним человеком...

— Верно, и что же из этого?

— Ну и растяпа ты! — Санду схватил его за руку и силой заставил присесть за ящик. — Разве так делают? Выслеживаешь, а сам кричишь во все горло.

— Ну и что? Я же нашел его...

— Тем более нельзя кричать. Где он? Покажи мне, я сам займусь им.

— Да я же с ним и разговаривал.

— Я так и думал. Ну и рожа у него...

— Что-о? Тебе не нравится моя наружность? — услышал Санду незнакомый голос и, вскинув глаза, увидел огромные, встопорщенные усы.

Виктор прыснул со смеху:

— Вот как вы его напугали! — И он показал на Санду: — Дедушка Постолаке, это мой товарищ, он немножко чудной, но в общем-то...

— Он тоже охотник до былевых песен? — перебил мужчина.

Услышав это, Санду понял, что к чему, и весь его азарт слепопыта мигом выдохся.

— Вовсе не охотник. Мне не до песен.

— Но ты и не представляешь, как это интересно! — в который уж раз пытался Виктор убедить его. — Я вот целых две недели высматриваю тут, на рынке, дедушку Постолаке и только сегодня наконец отыскал его.

— Я не приезжал, работы было много в кооперативе. Теперь буду чаще бывать тут, даже и зимой буду привозить свежие помидоры из наших парников.

Он обнял Виктора и отвел его в сторону, к ближайшей палатке.

Санду совсем не интересны были эти хозяйственные подробности, но ничего другого ему не оставалось делать, и он с унылым видом побрел за ними.

— Вы и парники оборудовали? — полюбопытствовал Виктор. — Весной у вас их как будто не было... — выказал он свою осведомленность.

— Мы совсем недавно построили их. Долгая история была с этими парниками. Посмотри, вот наши помидоры. Каковы, а?

— Превосходные! — похвалил Виктор. — Правда ведь, Санду? — попробовал он втянуть его в разговор.

Санду с неохотой буркнул:

— М-да.

Виктора даже разобрало любопытство, что с ним такое.

— Ты чего сердитый? Брось ты... Сейчас нам дедушка Постолаке расскажет какой-нибудь сказ, и ты сразу развеселишься.

Виктор полагал, что нашел мудрый выход из положения.

— Мне сейчас не до сказочек! — зло отрезал Санду.

Постолаке изумленно посмотрел на него.

Желая загладить эту неловкость, Виктор сказал с вымученной улыбкой:

— У Санду на уме одна история...

Эта невинная фраза сразу привела Санду в боевую готовность, подозрительность опять заговорила в нем:

— Какая история? Откуда ты знаешь? Говори сейчас же, что ты знаешь?

— А что я могу знать? Что ты разыскиваешь следы скифов и потом еще...

— Что — потом? — нетерпеливо перебил он.

— Увлекаешься естествознанием, математикой. Вы знаете, дедушка Постолаке, Санду у нас отличный математик! — И он подмигнул, как показалось Санду.

Постолаке, внимательно слушавший их разговор, сразу оживился:

— Ага! Говоришь, математик, да? В таком случае я ему дам задачку.

— С ним вы не меряйтесь, дедушка, — шутливо

сказал Виктор.— У Санду по математике одни десятки.

— Тем лучше. Я рад. Ну так как,— обратился он к Санду,— хочешь послушать?

— Ладно! — снизошел Санду. «Такой уж у меня сегодня неудачный день,— подумал он.— Теперь вот выслушивай чепуховую задачку на тройное правило, которую может решить и братишка Виктора».

Постолаке начал:

— Так вот, я привез из нашего кооперативного хозяйства три ящика помидоров, в каждом двадцать килограммов. В двух ящиках помидоры по сто граммов каждый, а в третьем — по девяносто граммов. Спрашивается: как можно узнать, в каком ящике помидоры по девяносто граммов, если взвешивать в один прием?

«Пустячок» заинтересовал Санду, заставил немножко призадуматься, ему захотелось поскорее найти ответ.

— Значит,— стал он повторять условие задачи,— в двух ящиках помидоры по сто граммов, а в третьем по девяносто. Мне надо узнать, в каком из ящиков помидоры по девяносто граммов.

— Узнай, но только, чур, взвешивать в один прием! На размышление дается одна неделя,— с торжеством сказал Постолаке.

— Сколько? — не поверил своим ушам Санду.

— Неделя. Как раз к следующему моему приезду сюда.

Санду решил, что он шутит.

— На такую простую задачу мне вовсе не нужно неделю... Несколько минут — и готово!

Постолаке не стал с ним спорить:

— Очень хорошо, я подожду. Малость времени у меня есть.

— Пока он будет решать, может, вы мне расскажете то, что обещали в прошлый раз? — попросил Виктор.

— А, хочешь балладу послушать?

— Какую балладу? Я их много знаю.

— Эту не знаешь, я сам ее от прадеда слышал, а он от своего прадеда...

— Тогда это действительно старинная. Вы даже не знаете, как вы меня обрадовали! — загозил Виктор. — Слушаю, дедушка!

— Как бы нам математику не помешать! — И Постолаке лукаво подмигнул.

— Насчет меня не беспокойтесь, я уже почти решил, — устранил всякие сомнения Санду.

— Тем лучше. Карандаш и бумагу принес? — спросил Постолаке Виктор.

— Нет... Ой, как это я забыл! Вот ротозей!

— Гм... Специалист, а без инструментов.

— Теперь ведь на магнитофон записывают, — оправдывался Виктор.

— Магнитофона у меня нет, обойдешься огрызком карандаша и тетрадкой. Идет?

— Спрашиваете!

— Тогда пиши балладу про Георге-гайдука.

Виктор захлопал в ладоши.

— Я такой и не слышал. А ты знаешь, Санду?

Санду краем уха слышал его вопрос: он как раз в этот момент складывал в уме вес трех помидоров, намереваясь потом разделить эту сумму на три.

— Что ты сказал?

— Хотел узнать, слышал ли ты когда-нибудь балладу про Георге-гайдука?

— Ты воображаешь, что я сейчас только о гайдуках и думаю?

— А о чем же?

— О помидорах, — сорвалось у него. Но он тотчас поправился: — И еще об одном деле. Оно-то и не дает мне сосредоточиться и ухватить суть задачи.

— Ты прежде послушай балладу, а уж потом будешь считать, — предложил ему Постолаке.

— И не подумаю, — сказал Санду, хотя на самом деле ему это было интересно.

Постолаке начал неторопливо «сказывать» звучным и чистым голосом:

Лист зеленый тростника, —
По горам и по лужкам
Едет всадник лихой,
Под ним конь вороной.

Он дубровами скакал,
Он лесами проезжал...

.

Шел дороженькой лесной
Молодец удалой,
Край родной не узнавал,
Что ж Георге тут сказал?
«Лес, родимый братушка,
Глухая сторонюшка,
Что ты пригорюнился,
Ты о чем печалишься?
Что все веточки поникли
И листочки все повяли?»
Так Георге вопрошал.
Ну, а лес что отвечал?
«Арап черный проскакал,
Твою милую умчал,
То-то веточки поникли
И листочки все повяли.
Ты послушай мой совет,
Наведу тебя на след:
Путь на озеро держи,
В тростниках его гляди.
Он на бережку сидит,
С твоей милой говорит».
Что ж Георге порешил?
Он в конюшенку спешил,
Вороного выводил,
Вороному говорил:
«Конь мой верный, удалой,
Ты тряхни-ка стариной,
Ты во весь опор лети,
С ветром наперегонки».
Он вскочил на вороного,
Он прищпорил удалого...
Старичок ему навстречь,
С ним завел Георге речь.
Он коня приосадил,
Старичку он говорил:
«Здравствуй, добрый дедушка!» —
«Здорово, детинушка!» —
«Издалека ль ты идешь?

Что за весточку несешь?» —
Так Георге вопрошал.
Старичок что ж отвечал?
«Издалека ль я иду?
Что за весточку несу?
Арап черный проскакал,
Твою милую умчал.
Путь на озеро держи,
В тростниках его гляди.
Он на бережку сидит,
С твоей милой говорит». —
«Благодарствуй, дедушка!» —
«В добрый час, детинушка!»
Что ж Георге порешил?
Скоком-лётom припустил.
Как он к озеру примчал,
Так арапа увидал.
«Ты, арап, веры чужой,
У тебя обычай свой,
Ты зачем в наш край пришел,
Мою милую увез,
Мою суженую,
Нареченную?»
Что ж арап тут отвечал?
«Я не ведал, что ты жив,
Думал, ты в земле лежишь...
Гнев на милость положи,
Со мной флягу осуши!»
С вином флягу доставал
И Георге подавал.
Что ж Георге отвечал?
«В твоей ласке не нуждаюсь,
Я с тобою посчитаюсь...
Хочешь саблями рубиться,
Врукопашную ль схватиться?
На конях ли нам сразиться?»
Что ж арап тут отвечал?
«И не саблями рубиться,
Не кулачным боем драться,
На конях будем сражаться...»
На конях они сражались,
Леса, горы колыхались...

День за день все бой идет,
Пот ручьем с арапа льет.
Что ж Георге говорил?
«Ты, арап, веры чужой,
У тебя обычай свой,
Пока бился ты со мной,
Расседлался конь-то твой...»
Что ж арап тут порешил?
Он подпруги проверял,
Георге того и ждал,
Арапу голову срубал,
На копье ее втыкал,
И к темнице он скакал.
От неволи люд избавил,
И народ его прославил,
И Георге свадьбу справил...

Баллада кончилась, но Санду все еще был мыслями с гайдуком Георге; ему виделась вся эта схватка, он ликовал и радовался за храбреца. Виктор первым нарушил молчание:

— Вот спасибо! Это самая замечательная баллада из всех, какие я собрал.

— Скажешь тоже! — скромничал Постолаке. — У тебя, Виктор, как я понимаю, народные песни идут в приправу ко всему... А теперь поглядим, как твой приятель справился с задачей. — И, ухватив Санду за кончик носа, он спросил: — Ну, решил?

— Как же я мог решать, дедушка, когда вы читали?

Виктор того и ждал:

— А еще говорил, что это неинтересно!

— Я говорил так? — искренне удивился Санду. — Не может быть! Баллады мне всегда нравились. В них есть действие, есть герои, они борются и побеждают...

Вперед, вперед, но...

От Виктора Санду не смог ничего толкового выведать. Надо сказать, что и сам он из-за Георга-гайдука оплошал: не так надо было вести дознание. Но все же одно он узнал точно: Виктор не звонил ему. Впрочем, Санду так и считал: по его предположению, звонить мог только Антон, у других не было телефона. Он обрадовался мысли заглянуть к Антону домой, потому что тот у него тоже был в списке подозрительных. Попробовал предложить Виктору пойти с ним, разумеется, ничего не сказав про дакский календарь. Но Виктор вежливо отказался, сославшись на то, что ему надо записать балладу, так как он не успел это сделать, пока слушал. Санду не уговаривал его, он и сам, пожалуй, поступил бы так же, будь на его месте. «Неизвестные баллады на каждом шагу не встретишь, особенно вот такие, с героизмом, с борьбой. Да, дед Постолаке — сущий клад. Как это Виктор отыскал его? Надо будет сказать ему завтра же, пусть еще выпросит деда. Такое богатство не должно пропадать, это надо знать всем». Санду так думал не потому, что сомневался в серьезности Виктора, — просто он хотел показать ему, что глубоко вникает во все. «Иногда даже и не знаешь, что сказать о них. Взять хотя бы Антона. С первого дня, как я увидел его, он мне сразу показался странным. Молчит, все о чем-то думает, то листает книжку, то перебирает всякие конверты, с ними он никогда не расстается. Знаю, что он помешан на марках, и все-таки тут что-то не так.» Санду стало смешно. «Может, он надеялся найти какую-нибудь марку в дакском календаре? Шутки шутками, но Антона я сильно подозреваю. Что-то он уж очень серьезным прикидывается. И потом, он всегда после уроков так

торопится домой. Чуть только прозвенит звонок, он сейчас же убегает. Ба! Да ведь он однажды нес в портфеле что-то тяжелое!»

Это было в первые дни, когда Санду еще только знакомился с новой школой. Антон понравился ему — такой всегда серьезный, вежливый. Санду даже хотел подружиться с ним.

«Да, да, как сейчас помню, у него в тот день портфель был раздутый, он еле тащил его. Я еще хотел помочь ему, но он на это не согласился. А в другой раз я у него видел мешочек... Нет, мешочек был у Дана. Он, конечно, нес в нем траву для своей рахитички-черепахи... Да, да, мешочек был не у Антона. Антон нес... Что же он такое мог нести? Гм... Никак не могу сосредоточиться. У меня все время перед глазами этот дед Постолаке, а в голове вертится проклятая задача с помидорами. Так: значит, три ящика... в одном... Вот не думал, что из-за помидоров можно так ломать голову. А до чего вкусные! Сто граммов или девяносто в них, меня это никогда не интересовало. Ел, и все. А теперь вот... Каково! Взвесь за один прием, тогда узнаешь, в каком ящике помидоры по девяносто граммов... Ну и чудесник этот Постолаке! И откуда он столько всего знает! Все равно я не спасую. Через неделю, когда он опять приедет на рынок, я пойду и скажу ему: «Так и так, вот в этом ящике помидоры по девяносто граммов, потому что...» Почему? А черт его знает! Хоть бы уж развязаться с этой задачей... И ведь, должно быть, задача-то совсем простая... Нет, придется сказать Антону. Он тоже силен в математике. И даже очень. Я это с самого начала заметил. Не может быть, чтобы мы вдвоем не сумели решить ее. Кстати, под этим предлогом я попробую узнать у него самое главное...»

Дом Антона был старенький, с верандой, увит до самой крыши виноградом. Санду он страшно понравился. Он чем-то манил к себе, как будто приглашал зайти: «Добро пожаловать!» На дверях был медный колокольчик величиной с кулак, к нему была приделана деревянная ручка наподобие рычага второго рода, очень хитроумно устроенного. Санду только нажал на нее, и сейчас же послышался громкий, но мелодичный звон.

В дверях показалась старушка в короне белоснежных пушистых волос, вид у нее был приветливый, глаза весело смеялись.

Санду знал, что Антон живет у бабушки, но, увидя ее, поразился: она казалась ему вышедшей из сказки.

— Целую руку, бабушка!

— Здравствуйте... А вы, наверное, новый приятель Антона? Остальных-то я всех знаю...

— Да,— ответил Санду, еще больше изумившись.

— Очень приятно познакомиться!

Все происходило как в сказке, словно младший царевич пришел за советом к Святой Пятнице.

Санду перед ней сразу оробел, почувствовал себя совсем маленьким и потерял дар речи.

— Какими судьбами вы к нам? — спросила она.

— Антон дома?

— Дома? — Она улыбнулась и покачала головой.— Нет, он... на доме.

— Как так на доме?

— Не на самом доме, а на чердаке. Он там что-то ищет.

Тут уж Санду опомнился. Аромат сказки развеялся, и Санду вдохнул густой, острый воздух действительности.

— Что он ищет? — кратко спросил он, ожидая услышать столь же краткий ответ, который вовсе не удивил бы его: «Дакский календарь».

— Что-то загадочное... — дрожащим голосом ответила бабушка.

Все-таки она должна что-то знать, если так говорит. Санду решил воспользоваться случаем и выспросить у нее.

— Вы говорите, что-то загадочное? Не календарь ли?

— Не знаю, он мне не говорит, скрывает.

— Значит, я попал в самую точку, — высказал он вслух свою мысль. — Я уверен, что теперь наконец я на правильном пути.

Думая, что ключ к разгадке почти найден, Санду забыл всякую осторожность. Спohватившись, он начал:

— Я считаю, что...

— И что вы считаете, скажите мне, пожалуйста? — прервала Санду бабушка.

— Считаю... что... не знаю... что, — залепетал он. Но потом взял себя в руки: — Это вопрос другой. Я хотел попросить вас об одной вещи...

— Пожалуйста!

— Вы мне разрешите слазить на чердак?

У Санду был уже готов гениальный план на тот случай, если она не разрешит. Он бы простился с ней, дождался, когда она уйдет, а сам бы влез на дерево — вон оно, совсем рядышком! — с дерева на крышу, с крыши в слуховое окно — на чердак. Но бабушка то ли сознательно, то ли бессознательно упростила ему работу.

— О, это очень хорошо, что вы не откажетесь влезть на чердак! Я все равно хотела ему свечку дать, чтобы он опять не набил себе шишку.

— Шишку? Он даже шишку себе набил? А когда он еще лазил на чердак?

— Да он вот уже недели две все на чердаке, все с этим таинственным делом...

«Ясно. Две недели лазит на чердак, набил себе шишку... Он, конечно, боялся, что все раскроется, спрятал календарь на чердаке и все время лазит туда любоваться им». Но не это удивило Санду. Он поражался, как неосмотрительно действовал Антон, прямо как ребенок. «Надо же додуматься! Спрятать на чердаке! Да ведь всякий стал бы искать первым делом на чердаке. Ладно, в конце концов это его дело!»

— Где у вас ход на чердак? — нетерпеливо спросил он.

— Да вы сначала зайдите, поешьте, я вас угощу вареньем, потом вы подниметесь.

— Вы меня, пожалуйста, простите, но я ничего не стану есть. Сначала я должен повидаться с Антоном, — отговаривался Санду.

— Ну как хотите, но только после, когда спуститесь, тогда уж непременно. И не думайте отказываться, вы должны попробовать абрикосового варенья.

— Да, конечно, — согласился Санду, а сам подумал, что, когда слезет с чердака с календарем в руках, охотно съест и желе из толченого стекла, не то что абрикосовое варенье.

Они вошли в прихожую, и Санду сразу увидел приставную лестницу.

— Вот здесь, да?

— Да, только подождите, я принесу свечку, — сказала она и ушла в комнату.

Но у Санду не хватило терпения дожидаться, и он живо вскарабкался наверх. Его встретила такая черная нора, как будто он не наверх поднялся, а

спустился глубоко под землю. Кромешная тьма, душный воздух, липкая паутина — все это никак не ободряло его. Он не испугался, нет, но сердце у него все-таки сжалось. Он крался, как кошка, выставив вперед руки, точно слепой, и уже начинал жалеть, что отказался от свечки. Впрочем, нет! Даже если бы она и была, он бы не стал зажигать ее. Надо было застигнуть Антона врасплох, чтобы он не успел спрятать дакский календарь. Постепенно глаза у него свыклись с темнотой, но, увы, Антона нигде не было.

— Мальчик, где вы? Я вам свечку принесла... — послышалось снизу.

Откликнуться Санду не мог. Как сквозь густой туман, он смутно различил дверную щелочку. Значит, на чердаке еще одно по-

мещение, вот там-то и должен быть Антон. Санду нажал на щеколду — и его глазам открылась неожиданная картина. Луч света, проникавший в слуховое окно, падал на грудку хлама, которую лихорадочно разгребал Антон. Чего там только не было: ящики, железные цепи, керосиновые лампы, консервные банки, карнизы для штор, позолоченные рамки, дырявые тазы, битые тарелки.

— Ага, вот ты где, Фантомас!

Антон вздрогнул и спрятал что-то за спину.

— Кто это?

— Шерлок Холмс.

— Нет, правда, кто? — спросил Антон, оправившись от испуга, но не видя, кто там за полуоткрытой дверью.

— Я, — густым басом нарочно прогудел Санду, чтобы еще больше напугать его.

— А, это ты, Санду! — довольно хладнокровно проговорил Антон.

Санду показалось, что Антон хитрит с ним, ловко притворяется. В школе он такой робкий, смиренный. За три недели как не изучить его — каждый день встречались. А тут вот он совсем другой. Глядя на его лицо, освещенное лучом заходящего солнца, Санду нашел, что слишком уж у Антона самоуверенный вид. Это на него не похоже.

— Загадочного из себя разыгрываешь! Живо говори, куда ты его спрятал! — насел на него Санду.

— А что я прятал? — дрожащим голосом спросил Антон.

— Не прикидывайся незнайкой! Номер не пройдет! Думаешь, я не знаю? Все знаю! Такое дело долго не протянется. Так или иначе я бы все равно докопался до корня, узнал...

— Что узнал?

— Ты вот что, не выводил меня из терпения! Сам должен знать, что хранить тайну труднее всего. Так что лучше не отпирайся. Давай сюда, и конец! Я никому не скажу, где я нашел. Я ведь тебя понимаю, ты же просто из любопытства это сделал...

Антон смотрел на Санду, вытаращив глаза.

— Ты шутишь... А вид у тебя...

— У меня? Ты лучше на себя посмотри!

— А что?

— Красный... с шишкой...

— Разве заметно? — спросил Антон.

Он хотел пощупать затылок, но тотчас отдернул руку и спрятал за спину.

Санду заметил это:

— Что у тебя в руке?

— В руке?

— Да. Думал, я не увижу... Папирус?

— Откуда!.. Ключ это, — сказал Антон таким обычным тоном, как будто речь шла о самом что ни на есть невинном поступке на всем земном шаре.

Но Санду трудно было обмануть.

— Ага, ключи подбираешь? — бросил он ему в лицо обвинение. — А я-то считал тебя самым безобидным из всего класса. Говори, куда ты его спрятал? Где шкатулка?

Антону некуда было деваться.

— Здесь... но...

— Не зря я нагрянул сюда! — воскликнул Санду, еле сдерживая радость. — Значит, есть шкатулка... Я так и знал.

— Не шкатулка... шкафчик.

— Неважно! Важно, что он отпирается ключом.

— Да, но этот ключ не подходит.

Антон протянул ему обыкновенный ключ, слишком уж простой для охранения такой вещи.

— А где шкафчик?

— Вот здесь, позади меня.

Санду подошел, взглянул — ничего особенного, самый обычный шкафчик. Он внимательно оглядел замочную скважину и сказал:

— Сюда нужен ключ с дыркой.

Потом его вдруг осенило:

— По-моему, ключ вовсе не нужен, я и так открою очень даже просто, — торжественно добавил он.

— Не хвались! Как это ты откроешь?

— Ножичком.

— Ты с собой ножик таскаешь? — так и ахнул Антон.

Санду улыбнулся с видом превосходства: до чего же наивный этот Антон!

— А ты как думал? Что я, пойду на борьбу безоружным? Э-э, молодой человек, жизни не знает!

— Я пинцетом обхожусь...

— Вот и открывай пинцетом!

— Я пробовал, не получается.

— Я про то и говорю.

Санду всунул лезвие ножа в щелку дверцы.

— На, смотри!

Санду не был твердо убежден, что ему сразу удастся отпереть, но его самонадеянность оказалась магическим средством. Дверца шкафчика со скрипом распахнулась.

— Как просто! — восхищенно воскликнул Антон.

— Это тебе так кажется, — охладил его своим замечанием Санду, чтобы Антон не преуменьшал его заслуги. И, смакуя сладость торжества, он сказал солидным тоном: — Итак, посмотрим, какие чудеса скрываются в этом таинственном шкафчике.

У Санду все еще не было ясного представления, каков с виду календарь даков. Но теперь он рисовал-

ся ему книгой в кожаном переплете, утыканном золотыми гвоздиками, на толстых листах замысловатые, загадочные надписи.

Но ничего похожего на это в шкафчике не оказалось: обрывки головного подвенечного украшения, кусочек кружев, три катушки цветных ниток, вот и все.

— И здесь нет конверта? Не может быть! — не поверил своим глазам Антон.

Эти слова, сказанные с искренним огорчением, немножко успокоили Санду. По крайней мере, он узнал от Антона хоть часть правды, и, чтобы окончательно убедиться в этом, он закинул удочку, надеясь на улов:

— Так, понятно. Значит, ты спрятал его в конверт... Без этого ты не можешь. У тебя все сводится к маркам и конвертам. Зачем Буребисте¹ нужны были марки, одному тебе известно... Ладно, меня это не касается... Мне надо знать, куда ты его дел. Слышишь?

— М-да... — задумчиво проговорил Антон. — Бабушка еще может знать.

Санду взяло сомнение:

— Ты, кажется, хочешь отвертеться?

— Да нет же, я не вру.

— Гм!

«Похоже, что он правду говорит. Но какое отношение может иметь бабушка к истории с календарем? Неужели и она замешана? А с виду такая добрая, и не подумаешь на нее...»

Загадка усложнялась.

¹ Буребиста. — В I веке до нашей эры даки и родственные им племена гетов образовали гето-дакский союз племен. В середине века им правил Буребиста.

Санду грубо потащил его за руку к двери:

— Пошли допросим ее!

— Почему «допросим»? — Антон смерил его взглядом. — Ну и язык у тебя! Сказанул тоже: «Допросим»!

— А как же еще можно отыскать конверт?

Санду задумался, потом рассудил, что Антон, пожалуй, прав, и открыто признал это:

— Да, конечно, лучше с ней по-хорошему поговорить. Так она не догадается ни о чем, а то ведь может и не признаться, где конверт. А почему она вздумала прятать его?

— На память. Она дорожит им.

Только теперь Санду сообразил: очевидно, дакский календарь вначале был у бабушки, а потом попал к Думитреску. «Но ведь учитель сам мне сказал, что делал раскопки... Уф, ну и путаница!» Все-таки придется расспросить подробности насчет календаря и конверта, в котором он спрятан, пора уж наконец выяснить.

— А какой он, этот конверт?

— Зачем я буду тебе говорить: ты ведь, насколько я понимаю, не интересуешься такими вещами.

— А насколько я понимаю, ты плохо знаешь меня.

— Пока что я знаю одно: ты набьешь себе шишку больше моей, если будешь идти так, задом наперед.

Санду счел, что Антон просто заговаривает ему зубы, и авторитетным тоном потребовал:

— Ты брось глупости, давай рассказывай историю этого конверта!

— В тысяча девятьсот двадцать девятом году...

— До нашей эры, конечно, — вставил Санду для точности.

— Ты все со своими шуточками. Меня это просто раздражает! — окрысился на него Антон. — Если хочешь что-то узнать, тогда молчи!

— Ну ладно, ладно, — примирительно сказал Санду.

Тут они стали спускаться вниз по лестнице, надо было глядеть под ноги. Но Антон, хорошо изучивший эту дорогу, все равно продолжал рассказывать и даже не держался за ступеньки.

— Итак, если ты запомнил, в тысяча девятьсот двадцать девятом году мой дедушка получил письмо от друга, тоже шахтера, как и дедушка. И в этом конверте...

— Ты спрятал календарь, — нетерпеливо перебил его Санду. Но, увидя в дверях комнаты бабушку, сразу перевел разговор: — Вот, Антон, ты опять чуть не набил себе шишку.

— Я? — изумился Антон, не поняв его маневра.

А бабушка как будто этого и ждала:

— Сколько раз я тебе говорила: не лазь на чердак! Вы подумайте — вторая шишка!.. Я вот скажу твоему отцу, что с тобой сладу нет.

— Ну что вы, не надо на это сердиться. Зачем вы так строго с ним? Давайте лучше сядем, поговорим о чем-нибудь... — улаживал конфликт Санду.

Бабушка мигом успокоилась и даже обрадовалась такому предложению.

— Вот наконец-то нашелся приветливый мальчик, захотел поговорить со мной, расспросить...

«Ого! И еще как расспросить!» — подумал Санду.

Антон шепнул ему на ухо:

— Если ты начнешь с ней, ты пропал, она тебя заговорит.

— Не беспокойся, — шепотом ответил ему Санду и тотчас обратился к бабушке: — Тогда давайте по-

говорим. Как вы поживаете? — начал он вдруг, как будто только что пришел с формальным визитом.

— Спасибо, хорошо. А вы? — спросила она, выказав богатый опыт в такого рода беседах.

— Да вот школьные дела, знаете... — промямлил Санду. Потом ему пришла блестящая мысль, и он продолжал: — Мы сейчас как раз говорили с Антоном: надо писать сочинение по литературе...

— Какое сочинение? Я ничего не знаю! — удивился Антон, не догадываясь о намерениях Санду.

— Как ты не знаешь? Ты, наверное, шутишь, — сказал Санду, делая ему знаки. — О тысяче девятьсот двадцать девятом годе...¹

Антон так ничего и не понял:

— Не помню, ну совсем не помню.

Санду даже разнервничался:

— Как же ты не помнишь? Ты что, забыл? Тысяча девятьсот двадцать девятый год... календарь... шишка...

— Ничего не понимаю... При чем тут календарь, шишка?

Санду был просто в отчаянии от него. «С ума можно сойти, до чего он несообразительный, никакой ловкости, никакого такта!» — с досадой подумал он, и его улыбка превратилась в злую усмешку.

— Не понимаешь — неважно. Сиди себе спокойно и слушай... Слушай и молчи, ни звука! А сочинение я тебе помогу написать.

И он заговорил с бабушкой, перестав обращать внимание на Антона:

¹ В 1929 году в условиях экономического кризиса шахтеры в Лупёни, возглавляемые коммунистами, объявили забастовку, заняли электростанцию и прекратили подачу тока в шахты. Войска жестоко расправились с бастующими.

— Мы были бы очень рады, если бы вы, бабушка, рассказали нам что-нибудь о тех временах...

— С большим удовольствием. Надо же вам помочь написать сочинение. Кстати, на днях мне попало одно письмо, которое в свое время прислал моему мужу друг его, шахтер из Лупени... Трудные времена тогда были...

— Пожалуйста, расскажите нам подробнее про это письмо!

— Да я же отдала его Антону.

Антон смотрел в упор на Санду и спокойно улыбался, как будто он ничего не слышал и ничего не понял. Санду не стерпел и бросил ему в лицо жестокие слова:

— Обманщик ты! Значит, конверт у тебя, а ты притворялся, что не знаешь, где он, чтобы запутать меня. Э-э, милый мой, меня не проведешь! Номер не удался. Выкладывай конверт, а то...

— Я и не знала, что он эгоист... Так... Прoberите его хорошенько,— поддержала Санду бабушка.— Какой эгоист, а!

— Верно, верно, страшный эгоист!

— Он, наверное, хотел, чтобы только у него было хорошее сочинение,— добавила она.

Антон стал оправдываться:

— Поймите, что дело не в письме, хотя письмо очень интересное, в нем такие факты, прямо драматические. Но речь не о нем.

— Конечно, нет,— согласился Санду.— Речь о календаре, о таком календаре...

— Да вовсе нет!— досадливо перебил его Антон.— Речь идет о конверте, в котором было письмо. Конверт пропал. Я уже целую неделю разыскиваю его.

Бабушка сразу просияла, и к ней вернулась словоохотливость:

— Так бы и говорил, деточка! Если бы ты мне раньше объяснил, что ты ищешь, я бы тебе сразу сказала и ты бы успокоился. Конверт я приклеила на обратную сторону портрета.

— Какого портрета? — встрепенулся Антон с живостью, которой никто от него не ожидал. — Где этот портрет?

— Вон он, это мы на нем с дедушкой фотографировались, когда...

Антон не дослушал ее, прыгнул, как пантера, на кровать и сорвал со стены фотографию вместе с гвоздем.

— Ура! — крикнул он. — Ура! Нашелся!

«Неужели все так просто?» — усомнился Санду, не смея надеяться. Главное, ему не верилось, что датский календарь может уместиться за портретом. Но Антон был до того обрадован, нельзя было не поверить, хотя Санду испытывал некоторое разочарование, узнав, что календарь не такой большой, как ему рисовалось.

— Тогда тайна раскрыта. Хотя, откровенно говоря, я все думаю: какая же связь между конвертом и календарем?

— О каком календаре ты все время твердишь? — рассердился Антон. — Речь идет о марке. Я за этой маркой охочусь вот уже сколько времени.

— Марка? — разочарованно протянул Санду. — Ну ясно, можно было догадаться... Слишком уж ты интересовался этим делом, чересчур веселишься теперь.

— Еще бы! Ты посмотри, какая чудесная марка! Синяя, и все зубчики целы.

— Синяя... целы... Да, да, очень интересно... Счастлив теперь?

— Даже сказать не могу, как я рад, Санду! Ну и

намучился я, пока нашел ее... Если бы ты не пришел, может.... А ты чего пришел-то?

— Пришел просто так... повидать тебя.

— А, очень хорошо! Вот она, марочка, сине-лиловая, стоит семьдесят пять банов. Так чего ты пришел-то, говоришь?

— Да ладно... Ты, я вижу, занят.

— Нет, нет, не занят. Посмотри на нее — правда, замечательная? Теперь у меня полная серия. Гляди!

Антон показал ему другие марки, хранившиеся в целлофановом кармашке папки.

— Да, да,— тихо сказал Санду, чтобы не отвлекать его.— Я ухажу, как-нибудь еще загляну к тебе. Знаешь, мне даже понравилось происшествие с этой маркой. Я и не думал, что так интересно может получиться.

— Ты еще не то скажешь, когда я покажу тебе всю коллекцию.

— Так ты мне из-за этого и звонил? — спросил Санду.

— Я тебе не звонил.

— Нет? Тогда кто же мне звонил? Таинственная история...

— Опять начинаешь?

Девочка, рапира и многое другое

Но все-таки кто-то звонил ему. Быть может, Санду напрасно придавал этому такое большое значение? Не стоило беспокоиться из-за такого пустяка, поднимать шум, носиться по всему городу как без памяти, чтобы узнать, чей же был этот таинственный голос. Но для Санду тут не было сомнений, цель у него была благородная, ради нее он

готов был ухватиться за любую соломинку, потому он и не считался ни с какими преградами, пользовался каждым благоприятным обстоятельством, только бы узнать, кто этот невидимка, за которым он охотился. Но это еще не значит, что Санду был доволен собой, одобрял свои действия и не смущался тем, в какое смешное положение он попал у Антона. Во-первых, он забыл спросить Антона, как бы он решил задачу с помидорами. А ведь это был такой удобный предлог! Тогда бы он вышел сухим из воды, и было бы понятно, зачем он приходил. А во-вторых, он забыл съесть варенье, которое бабушка Антона щедро наложила в компотницу.

Таким вот образом Санду опять очутился на улице, не зная, что предпринять, куда теперь направиться. Он подумал-подумал и решительно зашагал домой «с цветком надежды в петлице», как выразилась Крина в одном из своих стихотворений. «Моя сестрица верна себе. Сколько ни ухищряется, все равно влепит какое-нибудь сладенькое выраженьице, прямо даже губы от них делаются липкими. Э-э, разве она когда-нибудь сумеет написать что-то энергичное, драматическое, вроде этой баллады! Да, дед Постолаке действительно суший клад. Виктор знает свое дело, он не дурак, нет!..»

Отец собирался уходить. Увидя Санду, он сердито сказал:

— Где ты пропадаешь? Тебе без конца звонят по телефону, а тебя нет и нет.

— Опять мне звонили?

— Да, но на этот раз девочка звонила.

— Девочка? — изумленно спросил Санду.

— Какая-то Олгуца. Сказала, что ты ее знаешь.

— Еще бы не знать! — сказал Санду, сразу потеряв всякий интерес. — А что ей нужно было?

Отец пристально посмотрел на Санду, и в глазах у него блеснули веселые искорки.

— Секретарь я пока еще не очень опытный, но кое-что я все-таки уловил. Олгуца говорила про какой-то календарь состязаний. Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Календарь?

Санду точно прирос к земле. Окаменел. Но четырнадцать миллиардов электронных трубок в его мозгу метали триллионы стрел. «Значит, Олгуца виновна в исчезновении календаря! Как я раньше не подумал на нее? Ее, конечно, труднее всего заподозрить, но именно поэтому я должен был ее первую внести в список подозрительных. И еще хитрит: «Календарь состязаний»! Прибегает к кроссворду. Крина бы сказала: «Пользуется тайнописным языком». Как бы он там ни назывался — тайнописный, вертикальный, горизонтальный, одноглагольный или трехглагольный, — я напал на ее след. Все! Вперед, в решающую атаку! Хоть она и рапиристка, атаковать буду я!»

— Да, она еще просила передать, что будет в спортивном зале, — добавил отец.

— То, что она вытворила, ни в какие спортивные ворота не лезет, но я все равно пойду, — загадочно заметил Санду.

— Ты что, опять уходишь? — недовольно спросила мать.

— Это абсолютно необходимо, очень нужно. До свиданья!

— Раз нужно, значит, нужно! — сказал отец.

Санду стремительно убежал из дому.

Олгуцу он отыскал в спортивном зале. Собственно говоря, искать ее не пришлось — она была на дорожке посреди зала и атаковала, держа в руке

рапиру. А Санду приткнулся на галерке, в самом последнем ряду. Хорошо еще, что ему вообще удалось попасть в зал, многие так и не смогли пробиться и бегали от одной двери к другой. Санду тоже мог очутиться в таком дурацком положении, если бы ему случайно не встретилась Адриана. Она пришла в спортивный зал с курсов первой помощи, в руках у нее была санитарная сумка с красным крестом. Санду попросил у нее сумку и, держа ее высоко, как знамя, ринулся в самую толчею.

— Дайте пройти, там кто-то поранился... Дайте пройти...

Все с готовностью расступались, и таким образом Санду проник в зал.

Тут собралась чуть не вся школа, пришли даже ученики лицея. Санду успел на ходу разузнать, что Олгуца сражалась с ученицей лицея, так что борьба была не на жизнь, а на смерть. Да, на дорожке шла борьба не на жизнь, а на смерть, но и на галерке друзья Олгуцы были ни живы ни мертвы от волнения. На всех напала дрожь и что-то вроде страха. Подобные минуты Санду переживал только на скифском кургане. Олгуца должна победить! Любым способом должна выиграть бой. От этого зависела честь класса.

Санду забыл обо всем на свете, все отступило — и календарь, и баллада, и марка, и помидоры по девяносто граммов... Он видел одну Олгуцу, она делала выпады, стараясь нанести укол противнику. Противником ее была не кто иная, как подруга Крины, щуплая Сидония.

— Так, Олгуца! — войдя в азарт, принялся кричать Санду и вдруг осекся, испугавшись, что его никто не поддержит.

Но когда он оглянулся, увидел своих — Дана, Ку-

лая, других ребят, — все они так шумели, что с передних скамеек на них стали шикать.

Санду стало ясно, что галерка должна действовать организованно. Тогда он начал выкрикивать раздельно, и его дружно поддержали одноклассники.

— Так, Ол-гу-ца! Так, Ол-гу-ца! — кричала теперь уже вся школа.

Ученики лица попробовали тоже объединиться, но не спелись: одни выкрикивали «Так-си!», другие «До-ни-я!»

Ободренная друзьями с галерки, Олгуца энергично наступала на противника.

— Безобразие! Олгуца нанесла укол, а судья не заметил, — сказал Дан, обратясь к Санду.

Санду сразу вскипел:

— И куда он смотрит!

— А, Санду, и ты пришел? — хлопнув его по спине, спросил Рикку, словно только теперь увидел его.

— А как же? Обязательно! — бросил ему в ответ Санду. Ему показалось, что Рикку посмеивается над ним, и он раздраженно подумал: «Этот лопух вообразил, что я даже не способен болеть за своих, радоваться их спортивным успехам, что я не дорожу своим классом!» И для собственного успокоения он стал опять кричать: — Так, Ол-гу-ца!

Дан шепнул ему на ухо:

— Мастерски действует Олгуца, скоро она у нас будет чемпионкой.

— Точно! — согласился Санду и пожал ему руку. — Много души вкладывает... Я даже не думал, что она такая сильная, по виду не скажешь. Смотри, смотри, какой исключительный выпад!

— Так, Ол-гу-ца! — одобрил Дан и с жаром воскликнул: — Есть, укол! По-моему, лицеистка получила укол!

Санду вторил:

— Точно... Я сам видел. А эти судьи ничего не видят... Хо, судья!

— Не по правилам, юноша! — одернул Санду одноклассник Крины.

— Что он суется? — ворчливо спросил Дана Санду.

— Молчи, он из девятого класса.

— И что же? Если из девятого, значит, может обзывать меня юношей? — повысил тон Санду. — Если он не видит, пускай наденет очки вместе со своим судьей. Хо, судья! Э, смотри-ка, Дан, это не Виктор?

— Кажется, он. Виктор, иди сюда! — окликнул Дан.

— Как дела, спортсмен? — шутливо спросил Виктора Санду. — Разве под конец приходят? Иди сюда, к нам, кричи: «Хо, судья!»

— Почему надо кричать: «Хо, судья!»? — удивился Виктор.

— Ты что, тоже из девятого? — взял его в работу Санду, подмигнув при этом Дану.

— Из девятого? — недоумевал Виктор. — Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь. — И чтобы отплатить ему той же монетой, живо спросил: — Ты лучше скажи, решил задачу?

Санду сделал вид, что не разгадал его коварного намерения не потому, что он не мог признаться, как обстоит дело с задачей, а просто ему не до того было, он занят теперь другими задачами.

— Ну, решил? — допытывался Виктор.

— Какую задачу? Гм, надо бы Олгуце держать пониже рапиру... Какую задачу, Виктор?

— Ты забыл уже? Вот это удивил! А с помидорами-то, математик!

— Стану я сейчас помидорами заниматься! Так, Ол-гу-ца!

— Но ведь у нее такое замечательное решение!

— Замечательно было бы, если бы Олгуца победила! — призвал его к порядку Санду и возмущенно пояснил: — Я бы советовал твоему этому деду Постолаке заниматься одними балладами. А то преподносит задачу, которая не решается, и корчит из себя Пифагора!

— Какого Пифагора? При чем тут Пифагор? Он сказал мне, как она решается.

— Сказал, и прекрасно, и не приставай ко мне! Обещаю тебе, что я больше в рот не возьму ни одного помидора. Имею я право отказаться от витаминов, если они мне надоели?

Дан взял его под защиту:

— Санду прав!

— Но...

— Не мешай нам следить за соревнованием. Так, Ол... На вот! Укол! Проиграла Олгуца! — чуть не плача, воскликнул Дан.

— Какое несчастье! — подхватил Санду, разделяя его горе. Он взъелся на Виктора: это из-за него он проглядел, как произошла трагедия. «Прицепился со своими помидорами!»

— Вот это новость! Теперь, оказывается, я виноват в том, что Олгуца проиграла бой! — начал оправдываться Виктор.

— Конечно, ты! Ты как пришел, так заладил про помидоры!

— Ну и что?

— Отвлекал нас... Мы бы ей дали совет...

— С трибуны! — иронически заметил Виктор.

— А что тут такого? Хотя бы и с трибуны! Ты,

наверное, считаешь, что если я не мог решить эту проклятую задачу, то я и кричать не могу?

— Интересно, что бы ты стал кричать?

— Дал бы ей, скажем, указания.

— «Указания»! — насмешливо повторил Виктор. — Ты мне скажи, ты хоть раз брался за рапиру?

— Честно скажу, нет, но я бы все равно сумел.

— Ого! Ты бы сумел! Ну конечно, ты все умеешь, в археологии ты первый, в математике тебе нет равных, а в фехтовании ты можешь быть тренером чемпионки Европы Марии Викола.

Дан стал примирять их:

— Я бы вам советовал прекратить ненужный спор. Идемте лучше к Олгуце, она вон ушла и плачет в углу.

— Совет действительно разумный, — сказал Виктор.

— Да, да, — поддакнул Санду.

Но решил, не откладывая, высказать Виктору все, что о нем думает. Спортивный поединок, при котором Санду присутствовал, научил его быть корректным с противником.

— Знаешь, Виктор, я не думал, что ты такой двуличный. Ты, может, хочешь сказать, что никакого скифского кургана я не открывал? Классный руководитель мне верит, а ты, такой всезнающий и тонкий наблюдатель, не веришь... По-твоему, значит, я и в математике не разбираюсь...

— Почему, я признаю, что у тебя одни десятки, — перебил его Виктор. — Но этого недостаточно. Математика не стала твоей страстью, если можно так выразиться. У Антона, например, страсть к маркам, у Олгуцы — к фехтованию, пусть даже она и побеждена сегодня. — Виктор задумался и потом добавил: — Может быть, поэтому тебе и скучно в нашем классе.

— Это твое личное мнение.

— Нет, я со многими говорил в отряде да и с классным руководителем. Олгуца даже сказала, что тебя надо научить увлекаться чем-то.

— Ах так, значит, вы обсуждаете меня за глаза! Какое вы имеете право? — возмутился Санду.

— Это право друзей.

Санду отметил про себя, что Виктор вообще любит громкие слова, и гордо отчеканил:

— Нет уж, спасибо... Такие друзья мне не нужны!

На этом их перепалка кончилась, они уже подошли к Олгуце. Та забилась в угол и плакала. Санду рассудил, что независимо от его мнения о ней, он должен ободрить ее, поднять ее моральный дух.

— Ты молодец, Олгуца! Хвалю!

— Смеешься надо мной, — сказала она сквозь слезы, — меня же победили...

Санду стало обидно, что Олгуца так судит о нем. «Неужели она и вправду считает, что я могу смеяться, когда у человека такие переживания?» Да ему вовсе не до смеха. Напротив даже. И потом, он действительно был убежден, что она дралась превосходно. Надо ей внушить, что никакого поражения не было. И Санду стал доказывать это:

— Вовсе не победили! Вinovаты допотопные правила засчитывания уколов и судья. Мы же сами видели, и я и Дан, что ты нанесла Сидонии три или четыре укола.

— Два, — вежливо восстановил истину Дан.

Но Олгуца и не думала соглашаться с ними:

— К сожалению, ни одного. Это факт. Я знаю лучше вас... И мне очень и очень досадно. Если бы я хоть на минуту представила себе, что я проиграю, то я бы не стала звонить тебе, Санду, звать сюда...

Санду только теперь понял, из каких соображе-

ний звонила ему Олгуца. Она хотела, чтобы этот поединок послужил ему уроком, чтобы он научился увлекаться чем-то, как сказал Виктор. И, видимо, сделала вывод, что раз уж проиграла, так Санду это ничему не научило.

— Зачем такие мрачные мысли, Олгуца! — успокаивал ее Санду. — Ты просто великолепно атаковала! Честное слово! — И, чтобы развлечь ее, сказал: — Ты вот лучше послушай замечательную задачу: некто привез на рынок три ящика помидоров, по двадцать килограммов каждый. В одном...

— Знаю, знаю эту задачу, — перебила Олгуца. — Мне тоже Виктор давал ее. Я решила неделю назад.

— А он мне сказал, что...

Санду грозно взглянул на Виктора, испытывая

сильное желание треснуть его. Но понимал, что гораздо важнее занять чем-то Олгуцу, чтобы она забыла о поражении.

— Значит, ты сумела решить? Как же? — спросил он с неподдельным интересом.

— Очень просто: я пронумеровала ящики — первый, второй, третий. Из первого взяла один помидор, из второго — два, из третьего — три. Взвесила эти помидоры и...

Санду сразу понял ход рассуждений и подхватил:

— И если весы покажут пятьсот девяносто граммов, это, значит, что помидоры по девяносто граммов в первом ящике; если пятьсот восемьдесят граммов, тогда во втором, а если пятьсот семьдесят, то в третьем. Поразительно! Какая простая задача!

— Да, очень простая, — задумчиво повторила Олгуца. — Сложнее то, что я проиграла сегодня... Потому что именно сегодня я должна была победить. Даже при том, что у Сидонии другой разряд, все равно я должна была победить... — Олгуца взглянула Санду в глаза и добавила: — Я хотела кое-кому задать задачу.

Санду выдержал ее взгляд.

— Будь спокойна. Задачу ты действительно задавала, и тот человек без большого труда нашел пути ее решения. Он даже думает теперь, что почти решил ее. Но вот с другой задачей он не знает, как справиться, это и беспокоит его.

Дакский календарь

Да, Санду размышлял о другом — о дакском календаре, когда в опустевшем зале появился Думитреску. Его не ждали, и, конечно, больше всех был изумлен Санду.

Думитреску подошел к Олгуце, погладил ее по щеке и сказал:

— Ну как, Олгуца, ты, наверное, немножко огорчена?

— Теперь уже нет, все прошло. Правда, Санду?

— И не стоит огорчаться,— заметил Думитреску, не уловив скрытый смысл ее вопроса, обращенного к Санду.

Впрочем, Санду и сам постарался перевести разговор с темы, не очень приятной для него.

— Я ей то же самое говорил, товарищ классный руководитель. Она с таким запалом сражалась и не сдавалась до последнего.— Санду оглянулся и, видя, что поблизости никого нет, тихонько сказал: — А мне вот придется сдаться, я думаю.

— Не понимаю,— пожал плечами Думитреску.

— В смысле той пропажи... вы знаете какой... Я сделал разведку, но безуспешно.

— И как же ты действовал?

— Я прощупал двоих, кого я подозревал, и знаете, что... ну как бы это вам сказать... у меня о них теперь совершенно иное мнение... Это исключительные ребята!

— О ком ты говоришь? — шепотом спросил Думитреску.

— О Викторе и Антоне,— шепотом ответил Санду.— Ну, а об Олгуце и говорить нечего.

— Ты и ее подозревал в похищении дакского календаря? — спросил Думитреску громче, чем полагалось бы.

— Прошу вас, не говорите так громко, а то нас услышат. Ведь я еще не закончил расследование. Надо пока что держать это в секрете.

К его удивлению, Думитреску весело рассмеялся и во всеуслышание сказал:

— Теперь в этом нет необходимости, Санду. Я нашел календарь. Оказывается, я забыл его в классном журнале в пятом «А».

Санду был просто ошеломлен:

— Как! Разве он такой маленький?

— Нет.

— А тогда как же?

— По существу говоря, дакский календарь огромный. Если твоим товарищам не скучно будет, я могу тебе рассказать подробно, им я давно об этом говорил.

Санду сделал просительную мину, и тогда Виктор, Дан и Олгуца чуть не в один голос воскликнули:

— Расскажите!

— Пусть он послушает!

Думитреску начал:

— В Сармизегетузе¹, в священном округе, обнесенном стеной, находится большое святилище даков, и в нем — их календарь. Он занимает площадь в десять квадратных метров. Это ряды круглых постаментов из андезита, и на них колонны...

— Это просто чудо! — воскликнул Санду, и в пустынном зале его голос прозвучал как орудийный залп.

— Пожалуй, на этот раз ты прав, — засмеялся Думитреску. — Особенно если принять во внимание, что ключ к этому календарю найти было очень трудно.

— Но, по-моему, это как раз очень просто, — с удивлением возразил Санду. — Каждая колонна, несомненно, представляет день... За несколько часов я бы живо все узнал...

¹ Сармизегетуза. — В I веке нашей эры сформировалось дакийское рабовладельческое государство с центром в Трансильвании; существовали города, и главным из них был Сармизегетуза, на горе Грэдиште.

— Некоторые ученые всю жизнь занимались исследованием этой исторической загадки, и то еще остались неразрешенные вопросы.

— Да-а?..— протянул Санду с недоверием и любопытством.

— Да! — подтвердил учитель. — Некоторые исследователи, например, полагали, что продолжительность года у даков триста шестьдесят дней, это не соответствует астрономическому календарю.

— Который содержит приблизительно триста шестьдесят четыре дня с четвертью, — добавил Дан.

— Верно! — сказал Санду. — За двадцать — тридцать лет у них перепутались бы все времена года из-за того, что они не учли эти четыре дня.

— Именно так, — согласился Думитреску.

— Тогда, значит, где-то была допущена ошибка, — продолжал Санду.

— Никакой ошибки не было. Дальнейшие исследования установили, что между андезитовыми колоннами было еще шестьдесят восемь деревянных столбов, правда они большей частью уже разрушены. Вот по этим столбам даки время от времени и вносили поправки. Понятно, Санду?

— Не очень, — чистосердечно признался тот.

— И не удивительно. Понять в самом деле нелегко. Я тебе принесу завтра чертеж, который я в свое время делал на месте, когда был там. Ты сам посмотришь. Про чертеж я тебе и говорил, я тогда его потерял...

— Ага! Вот это что было! — окончательно уяснил себе Санду.

— Да, — засмеялся Думитреску. — Хотя, если хорошенько подумать, ты немного поймешь в нем. Лучше бы все увидеть в натуре там, на месте раскопок.

— Тогда давайте на каникулы поедem на экскурсию в Сармизегетузу.

— Хорошая мысль, мне кажется. А на обратном пути мы посмотрим и скифский курган. Как вы считаете, дети? — обратился он ко всем.

— Превосходная мысль, — сказал Виктор.

— Чудесная! — присоединился Дан.

— Вот Санду и внес свое первое предложение, — заключила Олгуца.

Санду наострил уши и вслушался:

— Бууу... Бууу... Бууу...

«Да, это мой класс, и я со всей ответственностью утверждаю, что секрет его примечательности в этом гудении, и только несведущий человек может не понимать этого. Не верите? Очень жаль. Тогда, разрешите, я вам объясню. В углу Виктор перечитывает балладу, которую недавно записал, Антон показывает Кулаю бразильскую марку, Дан обсуждает с Флорикой, почему ему поставили четверку по географии, Валентин повторяет задание по физике. Олгуца...

А я? Я разъясняю, что́ это за гудение. Оно как будто ни о чем не говорит... И все же...»

ТАЙНА КРЕПОСТНОГО ЗАМКА

1

Вот тебе раз! Шестой «Б», самый дружный класс в школе, и вдруг такой случай.

Об этом классе вообще никогда плохо не отзывались, напротив, только и говорили: «Вот в шестом «Б» таких вещей никогда не бывает», «Пойди в шестой «Б» и узнаешь, как они сумели поставить дело!» Словом, на этот класс можно было равняться во всем: самые интересные и полезные дела — у них,

с дисциплиной они в ладу, отметки у них все бока-
стенские и головастенские: восьмерки, девятки, де-
сятки. И вот вам пожалуйста — чрезвычайное про-
исшествие, из-за которого поднялся такой шум и та-
кое было возмущение в шестом «Б». Правда, все это
происходило в стенах класса, никакие разговорчики
не просочились наружу. И не только потому, что
стены в школе толстые, главное — ученики умели
держаться язык за зубами. Но факт остается фактом:
Дуку совершил безобразный поступок — таково бы-
ло всеобщее мнение; хотя, пожалуй, это и сильно ска-
зано, но в горячах другого слова не нашли.

Чтобы не сболтнуть лишнего и не повредить ре-
путации класса, перейдем к существу дела.

Однажды после уроков Костак, председатель
пионерского отряда, объявил, что нужно провести
коротенькое собрание, и попросил не расходиться.
Как будто ничего особенного, правда? Но более вни-
мательный глаз заметил бы, что Дуку лукаво усмех-
нулся и молниеносно исчез. Куда он делся — уму не-
постижимо! В классе никто на это не обратил внима-
ния, никому и в голову не приходило, что Дуку мо-
жет улизнуть с собрания. Даже Кулай, его сосед по
парте, проморгал это, а может быть, он думал, что
Дуку перебрался на другую парту или вышел на ми-
нутку. Итак, начиналось собрание. Костак взошел
на кафедру, захлопал в ладоши, чтобы водворить ти-
шину, и сказал:

— Дорогие друзья!

Он сделал паузу, обдумывая, что сказать дальше,
и вдруг какой-то странный голос, очень похожий на
его, прочел нараспев:

— Велика земля, широка земля...

В классе прыснули со смеху.

— Что ты сказал, Костак?

— Ты нам стихи читать будешь?

Костаке остолбенел.

— Я? Даже и не думал! — возмутился он. — Оставьте, пожалуйста, свои шуточки!

— Ты сам первый начал, — возразил Андрей. — Что это ты вдруг вздумал читать стихи?

— Действительно... — подхватила Ли́ана.

— Да вы что? — вскипел Костаке. — Я даже не знаю такого стихотворения. Чье это: «Велика земля, широка земля...»?

— Но ты как раз так и начал, — смеясь, сказал Ра́ду.

— Я? — Костаке даже в пот бросило. — Ну вот что, шутки в сторону, перейдем к делу! — Он опять захлопал в ладоши, прокашлялся и серьезным тоном провозгласил: — Дорогие товарищи!

Но в ту же минуту послышался неведомый голос, очень похожий на его:

— Не мать я тебе, если ты таков!..

Костаке пришел в бешенство:

— Просто невероятно! Голос мой, но это не я.

Марчёл, сосед Костаке по парте, не поверил ему:

— Брось ты! Чревовещанием занимаешься!

— Разучил цирковой номер и хочет похвалиться теперь, какой он талантливый, — заметила Ада.

— Голос явно твой, я его из тысячи голосов узнаю! — доказывал Ра́ду.

— Ты просто решил подшутить над нами, — вставил Кулай. — Так мы по домам пойдем.

— Как — по домам? Нам же надо столько вопросов обсудить! — нервничал Костаке.

— Мы уже слышали, что ты собирался нам объявить, — со смехом сказал Марчел.

— Если ты нас только для этого собрал...

— Другие декламируют получше тебя!..

Все повскакали с мест, решив уйти.

Костаке растерянно смотрел на них, не зная, что делать.

— Ну прошу вас, так же нельзя!—сказал он умоляющим голосом.— В другой раз...

Все тот же неведомый голос с чувством продолжал за него:

— Была раз в некоем царстве...

Костаке наконец догадался:

— Как вам не стыдно! Кто-то забрался под кафедру, вот и...— Он не договорил, нагнулся и вдруг воскликнул: — Ага! Дуку! Вот это кто!

Костаке схватил его за шиворот и вытянул из-под кафедры.

Дуку выпрямился и стоял с виноватым видом, потупив глаза, а сам еле удерживал смех.

Все были поражены.

— Дуку!

— Ты смотри, Дуку!

— Дуку под кафедрой! Вот не думал!

Костаке крепко держал его за шиворот, точно котенка, выловленного из воды.

— Так это ты читал стихи?

— Я? — невинным тоном спросил Дуку.

— А кто же еще? — гневно допрашивал Костаке.

— Ты.

— Я?

— Призываю всех в свидетели,— твердо сказал Дуку.— Читал ты.

— Тут Дуку прав,— вмешался Кулай.— Голос был твой.

— Я убеждена в этом,— сказала Ада.

Костаке воздел руки к небу, точно взывал о помощи:

— Люди добрые, я даже и рта не раскрыл!

Дуку ликовал.

— А зачем рот раскрывать? Для чего существует магнитофон? Он за тебя говорит.

Только теперь Костаке понял, как Дуку разыграл его.

— А, так ты для этого вчера зазвал меня к себе? — И Костаке, изменив голос, стал передразнивать Дуку: — «Дорогой Костаке, ты самый лучший чтец из всех, кого я знаю. Никакая Елена Середа, никакой Антал не сравнятся с тобой. Почитай мне, пожалуйста, стихи!» А я-то дурак!

— Почему дурак? — перебил его Дуку. — Ты очень интеллигентно читаешь. — Дуку фыркнул. — Я даже тебе за это дал сыру.

— Коварная лиса! — пробурчал Костаке.

— Я еще просил тебя прочесть басню «Ворона и Лисица».

— Я ее не знал наизусть, — скорбно сказал Костаке.

— Теперь ты будешь знать, — острил Дуку. — И нечего тебе сердиться! Давайте начнем собрание!

— Да, да, — спохватился Костаке. Ему пришла новая мысль: — Будем прорабатывать тебя.

— Меня? А что я сделал?

— И ты еще спрашиваешь! — покачав головой, сказал Костаке с иронической усмешкой.

— Некрасиво ты поступил, — подыграла Олгуца председателю отряда.

Радуге тоже не вытерпел и высказал свое мнение:

— Мог бы предупредить нас, что принесешь в класс магнитофон. А не так, исподтишка...

Лиана за всех подытожила:

— Это безобразный поступок!

Костаке был страшно доволен, что все идет как надо. Но ведь он не для того настаивал на собрании,

чтобы только признали его правоту. Боясь, как бы кто-нибудь не подумал этого, он внушительным тоном сказал:

— Ну как можно делать такие вещи в нашем классе?

— «В нашем классе»! — насмешливо передразнил его Дуку. — Подумаешь! Что тут страшного? Вы против техники, в этом все дело. Люди летают на космических кораблях, а вы...

— Скажи, какой космонавт выискался! — поддел его Кулай. — Подумать только, сижу с ним рядом и ничего не знаю... Когда купишь ракету?

— Она у меня в кармане, — торжественно ответил Дуку.

— Как?

— Что-что?

— Правда?

Все были изумлены. А Дуку с самым серьезным видом спокойно продолжал:

— Вот смотрите! Я ее вечером сделал, она из станиоли. Есть и горючее — фосфор. Хотите, я сделаю опыт?

Всех разбирало любопытство. Но Костаке, почувствовав, что бразды правления ускользают из его рук, попытался восстановить положение:

— Он определенно хочет взорвать школу. Мало ему, что он у нас в классе поднял тарарам. Нет, нет, пора с этим покончить!

Для пущей важности Костаке опять призвал всех к порядку, хотя никто не проронил ни звука. Потом он обвел глазами класс и сказал суровым голосом:

— Дорогие друзья! — Тут он с опаской поглядел на Дуку и пригрозил ему: — Не вздумай включать магнитофон, иначе я...

— Ладно, если тебя это так волнует, не буду! — заверил его Дуку, смеясь. Он не понимал, почему Костаке придает такое значение всяким пустякам.

Но у Костаке была своя цель.

— Дорогие друзья! Вы все видели, на что способен Дуку, во что он превратил наш класс, — подчеркнул Костаке. — Я вас не для того просил остаться, но теперь мы должны будем обсудить этот скандальный случай... этот возмутительный поступок моего товарища... которого я уважал и любил, как вы знаете.

— «Переходи к плебицисту»¹, уважаемый! — процитировал Дуку под хохот всего класса. — Я есть хочу.

— Слышите? Слышите? — прокурорским тоном воскликнул Костаке. — Он стал неузнаваемым. Я уже давно заметил в нем червоточину. Кстати, во всем классе только у него одного семерка.

— Да, по гимнастике, — весело сказал Дуку. — А что я могу сделать, если у меня мускулов нет и я не умею подтягиваться на кольцах?

— Надо похудеть — ешь поменьше сладкого, пей поменьше воды, избегай мучного, макарон, лапши...

Дуку негодуяще перебил его:

— Как я вижу, наше собрание превратилось... во врачебную консультацию. Раз такой разговор, я ухожу домой!

— Конечно, тебе только того и надо! — сказал Костаке. — Перебудоражил всех, подложил бомбу, а потом...

— Еще не подложил, — признался Дуку. — Она у меня в кармане. Я из коробочки спичек сделал ее... Прочел в «Занимательной физике» и сделал вчера.

¹ Цитата из комедии румынского писателя И. Л. Караджале «Потерянное письмо».

Хотите послушать, какой она звук дает? — с надеждой спросил он.

На секунду стало тихо, потом слышались испуганные голоса:

— Нет!

— Не бросай!

— Я боюсь!

— Он с ума сошел!

И потом прогремел голос Костаке:

— Так больше нельзя! Мы должны принять крутые меры. Поэтому я...

Дуку был в полном недоумении. Он шепнул на ухо Кулаю:

— Что он взъелся на меня? Что ему надо?

— Что надо? Натворил, а теперь прикидываешься овечкой!

— Овечкой, говоришь?

— Да, и что?

— Овечкой... овечкой... — задумчиво повторил Дуку. — Ах, да, вспомнил, у меня есть кусочек...

— Динамита? — испуганно спросил Кулай.

— Нет, кусочек брынзы. Мне так есть хочется!..

Весь этот разговор велся шепотом, в то время как Костаке гремел с кафедры, метал громы и молнии, а потом перешел к выводам:

— Итак, я считаю, у нас есть все основания для того, чтобы вынести взыскание нашему товарищу.

— Он вполне заслужил, — поддержала его Ада.

— Такие вещи в нашем классе недопустимы. Он высмеял нас, — сказал Марчел.

Костаке обрадовался:

— Если вы не возражаете, я поговорю с классным руководителем.

— Подожди, Костаке, ты уж очень торопишься с выводами! — заметил Кулай.

— Торопится, но кое в чем он прав,— вскочив с места, крикнула Смара́нда.

— Пусть не смеется над классом! — не унимался Марчел.

— На этот счет можешь не беспокоиться! — возразил Кулай и с жаром продолжал: — Мы должны заняться им как следует, тогда все будет в порядке, он вовсе не такой плохой.

Костаке фыркнул:

— Сегодня мы видели, какой он проделал опыт.

— Но ведь на физике тоже проделывают опыты, вы же не сердитесь,— подлил масла в огонь Дуку.

— Слышите? Слышите? — радостно воскликнул Костаке, как будто только этого и ждал.— Вот человек!

Кулай подхватил эту фразу как спасательный круг.

— Да, да, Костаке, ты верно сказал: «Вот человек!» А о людях мы обязаны заботиться.

Кулай проговорил это с таким жаром и убежденностью, что Костаке невольно забежал вперед, dokonчил за него:

— Если ты берешь Дуку под свою ответственность...

Кулаю того и надо было.

— Беру!

2

И так вот неожиданно-негаданно нарушилось спокойное течение жизни в шестом «Б», потому что поведение Дуку в последнее время не только изумляло всех, но и наводило на мрачные размышления. По дороге домой Кулай с озабоченным видом сказал Дуку:

- Вот до чего докатились!
 - До чего? — удивленно спросил Дуку.
 - Приходится мне брать над тобой шефство.
 - А кто тебя заставляет?
 - Гм! Я вижу, с тобой не сговоришься.
 - Почему это? Мне просто не повезло сегодня.
- Если бы он не поймал меня под кафедрой, вы бы слышали весь репертуар: «Дремлющие птицы», «Спокойной ночи», а потом мы бы разошлись по домам. Скажи, разве это плохо придумано?
- Потрясающе! — раздраженно ответил Кулай. — У тебя вообще одни только потрясающие мысли.
- Дуку не уловил насмешки.
- Хорошо, что ты признаешь это. Скажу тебе откровенно, самая потрясающая мысль пришла мне только сегодня.
- Да что ты говоришь? — съехидничал Кулай.
 - Ты, я вижу, не веришь, но я все равно не сержусь на тебя.
 - Еще чего!
 - Знаешь, что? — попробовал Дуку разжечь в нем любопытство.
 - Нет, не знаю.
 - Слушай, мне не хочется учить наизусть стихотворение, которое нам задали. Я приду с магнитофоном, и, когда меня вызовут, ты нажмешь кнопку...
 - Я?
 - Да. А я буду щелкать зубами.
 - Ты будешь щелкать зубами, — машинально повторил Кулай.
 - Что ты удивляешься?
 - Щелкать зубами...
 - Хватит тебе повторять, не напоминай мне про голод, я и так есть хочу.
- Кулай сокрушенно покачал головой. Он не знал,

что тут можно предпринять, и, поразмыслив, безнадежным тоном заключил:

— Я нахожу, что наш общий друг Костакэ не так уж глуп.

— Нет, он не глупый.

— Не глуп, он верно говорит, что ты помешанный...

— Откуда Костакэ про это знает?

— Про что? — недоумевал Кулай.

— Да насчет того, что я все время о звонках думаю. Я как будто никому не говорил. Даже и тебе.

— Какие звонки?

— То есть не звонки, а звонок.

— Не все ли равно.

— Ну ладно, была не была, скажу тебе. Я все не могу придумать, как бы подсоединить проводку к звонку в коридоре. Провести к нашей парте ничего не стоит. Вот было бы здорово! Сидим себе спокойно в классе; как только станет скучно, я нажму кнопку — и дrrр... Что ты на это скажешь, Кулай? Правда, здорово?

Кулай остановился среди улицы и внимательно оглядел Дуку, словно видел его в первый раз, хотя уже шесть лет знал его.

— И ты давно надумал это?

— Несколько дней назад. Вернее говоря, как только я начал постигать кое-какие тайны электричества: вольты, амперы, динамо...

— Магнитофон, звонок...

— Радар, — добавил Дуку.

— Радар? Ты хочешь и радар установить в классе?

— Неплохо бы. Скажем, мы вытворяем что-то в классе, а как только учитель открывает дверь учительской, радар — бzzз! — и мы уже притихли.

Кулай опять покачал головой.

— Бззз... У тебя чересчур много бзиков...

— Верно. Еда, например. Так есть хочется!

3

Преподаватель истории Пинтилие и начальник пионерского отряда не знали, что творится в шестом «Б». Да и как они могли заподозрить что-то, когда внешне все оставалось прежним! Та же чистота, порядок, хорошие отметки, интересные начинания, та же дисциплина. Правда, с дисциплиной дело обстояло сложнее; класс с трудом отражал упорные атаки Дуку, который задался целью любыми способами непрестанно доказывать своим товарищам, какие чудеса может творить электроэнергия. Впрочем, это не помешало ему принести в школу лягушку. Он наглядно показал оцепеневшей от страха Олгуце, как лягушка дрыгает лапками и без воздействия электрического тока.

Но, конечно, труднее всех приходилось Кулаю. Вот он-то действительно должен был пресекать в корне все «опыты» Дуку и всячески противодействовать им. И нужно признать, Кулай героически исполнял свой долг, помня о том обязательстве, которое он взял на себя перед лицом общественности.

И все же шестой «Б» с честью выдержал такое испытание. Что же касается полезных начинаний, которыми он славился, тут класс по-прежнему был на высоте. Они, например, основали кружок любителей истории, к великой радости учителя Пинтилие. В тот день, о котором пойдет речь, было занятие кружка. Пинтилие намеревался предложить ученикам нечто довольно интересное, после того как Анд-

рей прочтет свою работу о древних крепостях Трансильвании.

Пинтилие был занят своими мыслями, и от его внимания ускользнул примечательный факт: класс принял особые меры в отношении Дуку. Его отсадили в самый конец зала.

— Это делается для того, чтобы ты не вздумал опять сотворить какое-нибудь электрочудо, — заявил ему Костаке.

Дуку преспокойно осмотрелся, засмеялся, потом чинно сел, расстегнул портфель и... достал откуда бутерброд.

Только тогда все успокоились и, в частности, Кулай.

Пинтилие открыл заседание кружка. Андрей начал читать свой реферат о крепости Бран и только было вошел во вкус, как вдруг потух свет и на стене перед глазами слушателей появилось цветное изображение крепости. И хотя на это стоило посмотреть, все невольно обернулись назад, в ту сто-

рону, откуда падал пучок света, и обнаружили, что это чудо сделал Дуку.

— Браво! — воскликнул Пинтилие. — Вот это действительно сюрприз!

Андрей был вовсе не в восторге. Он раздраженно воскликнул:

— Товарищ преподаватель, скажите, чтобы он зажег свет! Зачем он потушил?

— То есть как зачем? Чтобы лучше было видно изображение. У меня тридцать диапозитивов. Ты продолжай говорить, а я буду показывать, — возразил Дуку.

Андрей счел его предложение бессмысленным.

— Как я буду говорить в темноте? Я же ничего не вижу, не могу читать... Столько времени я потратил на этот реферат! — огорченно сказал он и принялся возмущаться: — Опять этот Дуку все дело портит! Опять он нажал кнопку. Какие меры ты принял, Костаке? А еще говорил!

Услышав свое имя, Костаке вздрогнул и растерянно залепетал:

— Я? Нет! Кулай брал на себя обязательство. А я был такого мнения... неделю назад, что дальше так нельзя.

— Да, так нельзя! — повторил Андрей.

— Нужно раз и навсегда покончить с этим! — сказала Олгуца.

Пинтилие был в полном недоумении:

— Что с вами такое? Понять не могу. По моему мнению, Дуку сделал очень интересную вещь. Без иллюстративного материала доклад может оказаться скучным.

Дуку торжествовал:

— Я то же самое думал, товарищ преподаватель. Он хотел подробнее изложить свое мнение на сей

счет, но в этот момент Кулай двинул его в бок и зашептал на ухо:

— Молчи, «гроза класса»... Мне и в голову не пришло, что у тебя в портфеле не только бутерброды.

— Есть и бутерброды,— шепнул ему Дуку.— Хочешь, Кулай?

Им пришлось умолкнуть, потому что Костаке считал необходимым взять слово и разъяснить положение дел.

— Товарищ преподаватель, возможно, об этом давно уже следовало поговорить, дальше этого терпеть нельзя, нужно принять меры в отношении Дуку.

— Мне думается, ты преувеличиваешь, Костаке,—попробовал умерить его административный пыл Пинтилие.

— Нет, совсем не преувеличиваю. Вы знаете, что он сделал на днях? — стал обосновывать свой разговор Костаке.

— Ну, что он сделал? — спросил учитель.

Костаке почувствовал иронию в его вопросе и потерял охоту доказывать что-то.

— К чему говорить... Но так дальше нельзя!

Кулай шепнул Дуку:

— Теперь, Дуку, ты не выкрутишься.

— Почему?

— Вот это я не сумею тебе объяснить... И потом, хватит уже, я умываю руки. Больше ни за что не стану защищать тебя.

— Почему? Я не понимаю! — И Дуку громко повторил:— Я не понимаю! Что плохого я сделал? Пусть мне объяснят! Я обещаю заняться самокритикой.

Костаке сразу вскочил с места и, указывая на Дуку, гневно сказал:

— Вы слышали? Мало того что он вытворяет безобразия, он еще разыгрывает из себя невинность.

Порочит репутацию класса, срывает занятие кружка...

— Но я же хотел, как тут сказал товарищ преподаватель, сделать занятие более интересным, более научным...

— Если так, почему ты нас не предупредил? Нужно было нам сказать об этом заранее, чтобы мы знали.

— Гм! Вы же мне не даете говорить! — воскликнул Дуку. — Я стал было разговаривать с Андреем, он отвернулся от меня. Хотел сказать Олгуце — она начала надо мной смеяться и обозвала меня «коротким замыканием». А Кулай теперь зовет меня «грозой класса». От него я никак этого не ждал.

— Да, да... — задумчиво заметил Пинтилие. — Теперь я понимаю, в чем дело. И Дуку и вы хотите, чтобы все было хорошо. Но вы себя считаете положительным зарядом, а его — отрицательным. Когда вы соприкасаетесь, возникает искра.

— Даже короткое замыкание, — буркнул Костаке.

Пинтилие сделал вид, что не слышал этого, и продолжал с нескрываемым огорчением:

— А я было намеревался во время весенних каникул совершить с вами путешествие, показать древние крепости. Но теперь вижу... Да, хоть и говорят, что шестой «Б» гордость школы, самый инициативный класс, самый... Что же осталось от этой вашей репутации? Действительно, в вашем классе произошло короткое замыкание, — добавил он, желая показать Костаке, что все-таки слышал его реплику.

Костаке об этом не догадался, он продолжал стоять на своем:

— Во всем виноват один Дуку.

— Я? — сорвался с места Дуку.

Пинтилие жестом успокоил его и сказал серьезным тоном:

— Нет, я полагаю, причины гораздо глубже...
А жаль!

— Мы ничуть не изменились,— начал доказывать Костаке.

— Да, товарищ преподаватель,— заметил Дуку.

— Ты уж молчи! — прикрикнул на него Костаке и обратился к преподавателю: — Мы бы с вами очень хотели поехать.

— Я первым запишусь! — радостно воскликнул Дуку.

— Нет уж, ты не поедешь! — осадил его Костаке. — Товарищ преподаватель, мы будем соблюдать дисциплину, вы же нас знаете...

Но у Пинтилие, видимо, были кое-какие сомнения:

— Я уже начинаю думать, что плохо знаю вас. Почему вы не хотите взять на экскурсию Дуку, скажи мне, Костаке.

— Потому что он все время дурачится, пусть это будет для него уроком.

— Уроком? — спросил кто-то.

— Да. Чтобы он не таскал в школу магнитофоны, электронные лампы, эпидиаскопы...

— Если меня возьмут на экскурсию, я даю обещание, что не возьму с собой ничего, даже фонарика,— сказал Дуку. — Могу даже бутерброды не брать. Неужели и этого мало?

— Слышите? — спросил Пинтилие полушутя, полусерьезно. — Дуку дал торжественное обещание. Как вы относитесь к этому? Скажи, Костаке.

— Я больше ни слова не скажу. Пусть все решают!

Поднялся шум, говорили все сразу и ни «за» и ни «против». Только один Андрей, возмущавшийся больше всех, высказался напрямик:

— Дуку способен на все. Если мы его возьмем, он может повернуть стоп-кран в поезде.

— Свяжите мне руки! — предложил Дуку, и это произвело на всех сильное впечатление.

— Я за то, чтобы взять его с нами, товарищ преподаватель, — заявил Кулай.

— Спасибо! — с чувством сказал ему Дуку.

— Подожди, я еще не кончил. Я хочу предупредить, что ни на шаг не отойду от тебя, не позволю тебе ничего трогать, чтобы ты даже дыхнуть не смел без моего разрешения.

— Идет! — решительно объявил Дуку. — Если хочешь, я надену скафандр, возьму баллон с кислородом. Я найду.

Костяке только того и ждал:

— Слышите, товарищ преподаватель! Теперь он собирается взять с собой кислородный баллон.

— Мало ли что он скажет! — засмеялся Пинтилие. — Он же шутит.

— Вы его не знаете. Не думайте, что он шутит!

— Хорошо, хорошо. Мы убедимся сами. Главное — мы едем все вместе.

— Ура! Едем на экскурсию!

— Едем на экскурсию!

Все ликовали. А Дуку задумчиво посмотрел на них и потом сказал, обращаясь неизвестно к кому:

— Едем... Конечно, им хорошо... Они с бутербродами... а я с конвойным... Буду изображать собой бутерброд...

4

Экскурсия удалась на славу. Все шло хорошо, Дуку вел себя образцово, и одноклассники признали это: «Напрасно мы боялись!» Больше

того, Пинтилие и начальник отряда не раз ставили его в пример остальным.

Несмотря на это, Кулай был строг с ним, особенно после того как в Брашове Дуку улизнул от него — отправился в кондитерскую и там навалился на пирожки с орехами и с медом, уплея половину подноса. Правда, это было единственное происшествие, и Кулай уже начал одобрительно похлопывать его по плечу и приговаривал: «Прежде ты нагонял страх на класс, теперь я на тебя нагнал страху». Дуку улыбался, кивал головой и думал о своем. Он рвался домой, к своим шурупчикам, предохранителям, лампам. Не потому, что он не находил ничего интересного в этой экскурсии, нет. Интересного было много. Но все какое-то окаменелое, неподвижное, и, главное, все под стеклом. Вот, например, этот ключ, о котором в данный момент рассказывал им гид музея-крепости в Подирени:

— Смотрите, это ключ от потайной двери замка, очень редкий образчик, искусная работа. По нему мы можем судить, что в четырнадцатом веке некоторые ремесла, и в частности слесарное, достигали высокого мастерства.

Заметив, что Дуку усмехнулся при этих словах, Кулай спросил:

— Ты чего?

— Слышал, что он говорит? Достигали высокого мастерства...

— Что же в этом такого?

— Если бы ты видел, какой ключ у меня в кармане...

— Ключ? — изумился Кулай. — Где ты его взял?

— Дома.

— Ты же обещал не брать никаких инструментов.

— Я обещал... насчет фонарика и бутербродов.

Гид обратил внимание, что Дуку и Кулай разговаривают, и решил, что у них есть вопросы.

— Вам что-то непонятно, ребята? — обратился он к ним.

— Нет, нет, — поспешно ответил Дуку.

— Значит, я ошибся, — сказал гид, весело подмигнув им.

Дуку сразу ободрился и показал на ключ в витрине.

— Я вот этот ключ все рассматриваю.

— Кулай, повысь внимание! — в испуге крикнул Костак.

— Не беспокойся, я гляжу в оба!

Пинтилие и начальник отряда весело рассмеялись.

Потом гид повел их на второй этаж, чтобы показать им образцы старинной мебели.

Дуку и Кулай все еще стояли возле витрины, где на лоскутке сукна поблескивал ключ замысловатой формы.

— Если ты воображаешь, что я позволю тебе шарить в этой витрине, ты жестоко ошибаешься.

И Кулай потянул Дуку за руку.

— Меня вовсе не интересует этот ключ.

— А что тебя интересует?

— Вон та дверь! — Дуку показал на темную нишу.

Кулай насмешливо посмотрел на него.

— Насколько я понимаю, ты надумал покружить здесь.

— Зачем кружить? Вон дверь.

— Что ты говоришь? Неужели правда?

— Ну пойдем, а то все ушли.

— Пойдем!

Кулай и Дуку пошли наверх, но на лестнице Кулай вдруг остановился и сказал:

— А интересно, куда ведет та дверь?

— Хочешь, открою? — И Дуку впился в него глазами.

— Опять начинаешь? — строго сказал Кулай. — Да и потом, знаешь, я думаю, что не стоило нянчиться с тобой, вовсе уж не такой ты опасный... Ну, разбираешься в технике, нажил себе славу и хвастаешься своим славным прошлым.

Слова Кулая не задели Дуку. Он смотрел на друга, испытывая смешанное чувство — ему было страшно, а вместе с тем он был уверен в себе.

— Значит, ты хочешь, чтобы я открыл?

— Ничего я не хочу... Да она, скорее всего, открыта. Ты просто хочешь похвалиться, что ты все можешь.

— Ты так думаешь?

— Уверен.

— Тогда проверь, открыта она или нет.

— А что, думаешь, не рискну? — спросил Кулай и, подойдя к двери, нажал на ручку, налег на дверь. — Заперта. Не поддается.

— Тогда пойдем, а то наши далеко.

Но Кулай принял немыслимое решение:

— Ну нет, не пойдем! Не пойдем, и все! Я хочу раз и навсегда разоблачить тебя. Пусть не думают, что ты мастер на все руки. Чего ждешь? Открывай!

Дуку не верил своим ушам.

— Правда? Ты разрешаешь?

— Давай открывай, не прикидывайся овечкой! Раз я сказал, открывай! Может, у тебя не хватает смелости?

— У меня? Пожалуйста!

Дуку всунул в замочную скважину отмычку и широко распахнул дверь.

Кулай остолбенел.

— Фантастика! Открыл!

— Сказать по правде, я и сам не думал, что это так легко.

— Ладно уж скромничать! Я бы не поверил, даже если бы знал, что ты какой-нибудь сказочный волшебник.

— Ну хватит, пойдем наверх!

— Подожди, еще успеем. Ну ты молодец! Я расскажу всем...

— Попрошу тебя, не говори ничего!

— Если ты хочешь, ладно, не скажу. А как ты думаешь, куда ведет эта дверь?

— Понятия не имею и даже не интересуюсь этим.

— Какой ты... Чего бояться... Я же смотрю за тобой... Никаких штук тебе не позволю.

— Тогда пошли наверх!

— А по-твоему, тут нельзя пройти наверх?

— Почему я знаю!

— Я бы, пожалуй, вошел сюда... А ты?

— Оставайся, а я пойду к нашим.

— Знаю, что ты рад улизнуть от меня. Нет уж, ты останешься со мной, никуда не отпущу тебя. Давай только на минутку войдем, поглядим — и назад.

Но Дуку был неумолим.

— Я обещал, что буду благоразумным.

Кулай стал нервничать.

— Ты уже в крайность ударился. Я же тебе решаю. Мы ведь только посмотрим, куда отсюда ход, и все. Что долго разговаривать, я войду первым, а ты за мной.

И невзирая на протесты Дуку, Кулай крепко

ухватил его за руку и потянул за собой в открытую дверь.

— Темновато здесь... Правда?

— Зато интересно!

— А ты еще не хотел идти.

— Это я так говорил, я умираю от любопытства.

— Дуку! — строго прикрикнул Кулай.

— Ладно, если хочешь, я не умираю от любопытства.

— Брось ты, я же не Костаке, я все понимаю. — И Кулай похлопал его по плечу.

Они с опаской ступили на каменные плиты, и перед ними открылся черный провал.

— Тут ступенька, — сказал Кулай, шедший впереди. — Ну как, пойдем дальше или вернемся?

— Вернемся — что за вопрос!

— Ну я только чуть-чуть спущусь — и назад! Вот...

Но едва Кулай шагнул на третью ступеньку, позади них что-то щелкнуло, дверь с глухим шумом захлопнулась, и они остались в темноте.

— Ай! Дверь закрылась! Что делать? — испуганно вскрикнул Дуку.

Кулай не потерял присутствия духа:

— Как — что делать? Ты откроешь ее своим чудо-ключом, и мы выйдем.

— Верно! Только уж очень темно! Вот не велел мне взять фонарик, — с укором сказал Дуку.

— У меня есть. — И Кулай направил на него луч света.

Дуку облегченно вздохнул:

— Ну, теперь я спокоен. Когда есть свет, другое дело. Дай сюда фонарик, и мы в два счета отопрем.

Держа фонарик, Дуку повернул к двери и вдруг начал кричать:

— Кулай! Кулай!
А где же дверь?

— Как... где? Перед
тобой.

— Нет ее здесь.

Кулай весело расхо-
хотался:

— Вот чудак! Как
так нет?

— Смотри сам. Нет
же!

— Не может быть!

Но, удостоверясь, что
Дуку прав, Кулай дро-
жащим голосом прого-
ворил:

— Что ты сделал с
дверью?

— Я?

— А кто же?

— Ты это серьез-
но? — удивился Дуку и
посветил вокруг. — Не-
бывалый случай, даже в
приключенческих рома-
нах такого не встречал.
Исчезла дверь, а на ее
месте—каменная плита:

— Гладкая как
сталь,— добавил Кулай,
ощупывая каменную
плиту.— Невероятно, но
факт.

— Что же нам де-
лать?

— Что ты сказал? Ах, да! Ничего, как-нибудь выберемся отсюда.

— Но я обещал, что ничего такого не будет.

— Ты просто струсил.

— Конечно, а то нет? — признался Дуку.

— Чего бояться? Я с тобой. Давай искать, где выход.

— Иди куда хочешь, а я не сдвинусь с места, — заупрямился Дуку.

— Что-о? Думаешь, я оставлю тебя одного, чтобы ты натворил бед? Пошли!

Кулай так решительно сказал это, что Дуку вынужден был подчиниться.

— Если ты ручаешься, что со мной ничего не случится, я согласен. Только позволь мне немножко помечтать. Вот если бы у нас тут была рация, я бы такой SOS передал, что вся эта проклятая галерея затряслась бы!

5

Тем временем экскурсанты продолжали осматривать крепостной замок. Гид рассказывал им такие интересные вещи, что они не заметили исчезновения Кулая и Дуку.

— Ну, а теперь — последняя достопримечательность, — сказал гид и подошел к парапету, ограждавшему бойницу в стене.

— Вот отсюда, — и он указал на бойницу, — защитники крепости бросали раскаленные камни в неприятеля и лили кипяток.

— Как здорово они придумали! — воскликнул Андрей. — Попробуй проберись сюда, когда тебя шарахнут камнем. Интересно, что скажет Дуку!

- Да, что бы ты придумал, Дуку?
- Дуку, ты где? — слышалось со всех сторон.
- Но никто, конечно, не отозвался.
- Дуку, Кулай! Где вы? — забеспокоился Костак.
- Вы знаете, я еще полчаса назад заметила, что их нет, — сказала Олгуца.
- Ты это серьезно? — спросил Костак.
- К сожалению, да, — рассердилась Олгуца.
- Тогда нужно сказать об этом товарищу Пинтилие и начальнику отряда. — И Костак принялся кричать: — Товарищ преподаватель!
- Пинтилие был в зале, где хранились цеховые знамена. Он услышал крики и пошел к ребятам узнать, что произошло.
- Что за шум? Что случилось?
- Дуку пропал! Пропал Дуку! — испуганно кричали со всех сторон.
- Так уж и пропал, — успокаивал их Пинтилие. — Я недавно видел его. Он был с Кулаем.
- Кулая тоже нет. Он, наверное, разыскивает Дуку, — сказал Андрей.
- Говорил я, что его не надо брать на экскурсию! — досадовал Костак.
- Олгуца добавила:
- Дуку опять, наверное, выкинул какой-нибудь номер.
- Начальник отряда заверил их:
- Если с ним Кулай, то нечего беспокоиться.
- Я немного тревожусь, — шепнул ему Пинтилие. — Кулай обещал мне присматривать за ним, но и Кулая нет.
- А может быть, они нас ждут у входа? — сказала Ади́па.
- Гид недоумевал: почему все так беспокоятся? По-

том дал им совет: воспользоваться бойницей, окликнуть ребят. Если они у входа, то должны услышать.

Все с готовностью принялись кричать:

— Кулай!

— Дуку!

— Дуку!

— Кулай!

Но это не помогло. Дуку и Кулай как сквозь землю провалились.

— Может быть, они во дворе? — сказал гид.

— Пойдемте посмотрим, — предложил Пинтилие.

— А если их и во дворе не окажется? — с унылой миной спросил Костаке.

— Тогда, значит, они уже на станции, — высказал догадку начальник отряда. — Найдут дорогу. Идемте, ребята!

6

Пропавших искали во дворе, а они были под землей.

— Ой, как темно! — плакался Дуку. — Включи фонарик, Кулай, где он у тебя?

— Я экономлю.

— Экономить?

— Батарейку.

— Ага, экономить за мой счет, вернее, за счет моего носа. Я все время натыкаюсь на что-то.

— А ты не задирай нос, — сказал Кулай.

— Хи-хи-хи, как смешно! Ты еще способен на шуточки.

— А что еще можно делать?

— Теперь уж, конечно, ничего не поделаешь. Вот если бы заранее кое-что сделал...

— Например?

— Например, позволил бы мне взять фонарик.
У нас было бы два...

Тут Дуку опять наткнулся на что-то.

— Ой, чуть было глаза не выколол.

— А ты закрой их,— посоветовал Кулай.

— Я ничего не увижу.

— Да ты и так не видишь.

— Верно. Ты мне скажи, долго мы еще будем слепнуть?

— Пока не найдем выход,— спокойно ответил Кулай.

— А если вообще не найдем?

— Не может быть. Я уверен, что этой галереей пользовались во время осады. Когда у тех, кто оборонял крепость, не было никакой надежды.

— Как у нас,—трагическим голосом сказал Дуку.

— А ну тебя, болтаешь всякую чушь! Я уже перестаю верить в тебя.

— Можно подумать, что ты прежде верил... Ладно уж, знаю я тебя...

Кулай остановился, хотел обнять его, но удержался и только сказал проникновенным голосом:

— Дурачок ты, Дуку, если так думаешь. Откровенно говоря, я даже восхищаюсь тобой. Сколько у тебя всяких идей в голове...

— Пока что у меня больше шишек на голове. Вот опять я стукнулся.

Но Кулай не слушал его и продолжал:

— Как здорово ты придумал прошлый раз на кружке. Я, как только увидел на стене изображение крепости, чуть не заплодировал.

— Ладно уж зубы заговаривать! Думаешь, я не понимаю, что ты меня обрабатываешь, приободрить хочешь?

Кулай изобразил удивление:

— Неужели даже ты боишься?

— А почему это мне не бояться? Ты ничего подозрительного не слышишь?

— Тебе просто показалось!

— Ничего не показалось. Я слышал, как позади что-то треснуло.

— Ай-ай, какой храбрец! — насмешливо сказал Кулай. — А я-то думал, что ты действительно герой. Если бы я раньше знал, с кем имею дело, я бы не взялся охранять тебя.

— Ну да, охранял ты! — с издевкой сказал Дуку. — Если бы охранял, как ты обещался, теперь мы бы не под землей были, а на земле, на солнышке... Я бы ел мороженое... — добавил он и облизнулся.

7

Ни во дворе, ни на станции, ни на перроне их, конечно, не нашли. Все были озабочены. Поезд, на котором экскурсанты намеревались ехать домой, вот-вот должен был отправиться.

— Как же быть? — спросил Костак.

— Мне думается, они уже в вагоне, — сказал Пинтилие.

— Все возможно, — заметил Андрей. — Дуку на все способен.

Костак поддержал его:

— Вот посмотрите, он просто разыгрывает нас, это он мстит нам.

— Хорошо, допустим, что так, — вмешался начальник отряда. — Ну, а Кулай?

— Кулай весь день не отстаёт от Дуку, вот и разился от него, — предположила Олгуца.

— Заразился или нет—я считаю, что пора пройти в вагон и осмотреть все купе.

— А то у нас билеты пропадут,— напомнил Костаке.

— Ну, это не так важно,— сказал Пинтилие.— Больше им негде быть, мы же всюду искали.

— Я на всякий случай останусь здесь,— сказал начальник отряда.

— Очень хорошо,— согласился Пинтилие.— Заходите, ребята, в вагон, но не торопитесь, время еще есть. До свиданья, товарищ Дан, желаю успеха.

— Я бы хотел, чтобы успех у вас был,— ответил Дан, прощаясь с ним.

8

В подземной галерее Дуку и Кулай продолжали свой путь впотьмах. Звук их шагов гулко разносился.

— По-моему, все-таки лучше вернуться,— упавшим голосом сказал Дуку.

— Зачем это? — раздраженно спросил Кулай.

— Постучим в ту глубину, которая задвинула дверь.

— А то мы мало стучали. Какой толк? Сейчас уже поздно стучать, все ушли, и гиды обедают.

При последних словах Дуку вздрогнул:

— Обедают?

— Да. А что?

— Я не знал, что есть хочу.

Но Кулай думал о другом.

— У меня идея! — воскликнул он.

— Знаю! Насчет поесть.

— Вовсе нет. Пойдем вперед по этой галерее.

Дуку так и взвился:

— Это идея?

— А что же еще?

— Навязчивая идея. Я и не думал, Кулай, что у тебя так мало идей, да к тому же они навязчивые. Так вот, к твоему сведению, дальше я никуда не пойду. И шагу не сделаю.

— Тогда здесь сгниют наши косточки.

— Правда? — испуганно спросил Дуку.

Кулай начал подробно объяснять ему, даже с каким-то злорадством, что бывает с людьми, попавшими в такое положение. Сказал, что он читал об этом в книге. Один человек, например, погиб из-за того, что не сделал ни шагу.

— Ни шагу, слышишь?

— Тогда давай сделаем шаг. Но под твою ответственность, — дрожа от страха, добавил Дуку.

— Ладно, ладно, беру на себя.

И Кулай молча пошел вперед, хотя ему тоже было не очень-то весело. Дуку еле поспевал за ним, хотел попросить, чтобы Кулай шел потише, но тот молчал, и Дуку отказался от своего намерения.

Через некоторое время ему послышался голос друга.

— Ты что-то сказал?

— Нет, а что я могу сказать?

— А мне послышался голос.

— Тебе показалось. Было бы хорошо, если бы мы действительно услышали человеческий голос.

— Ты прав. А все-таки...

Он не договорил, споткнулся и упал.

— Бедный мой нос, опять ему досталось!

— А ты не держи его по ветру, — сострил Кулай. Но в ту же минуту он тоже наткнулся на что-то и ободрал себе нос. — Ну вот, и я исцарапался.

— Это тебе наука! Не будешь говорить, что только я... и так далее.

— Нет, не буду. Теперь я скажу другое.

— Что, опять идея?

— Нет, заключение.

— Прекрасно. Я вижу, ты прогрессируешь. Ну давай говори!

— Если ты ударился и я ударился, значит, галерея кончилась. Ясно?

— Пока не включишь фонарик, ничего мне не ясно.

Кулай хлопнул себя по лбу.

— А ведь верно говоришь! Экономия экономией, но не чересчур.

— Все идеи принадлежат мне одному.

Кулай включил фонарик. Они увидели перед собой стену из каменных плит.

— Галерея кончилась,— мрачно произнес Кулай.

— Да... да... Мы кончились,— вздохнул Дуку.

— Гляжу на тебя, Дуку, и прямо не узнаю.

— Надо думать. Давно бы включил фонарик и удостоверился, как я похудел.

— От чего?

— От голода.

— Опять ты пустил старую магнитофонную ленту.

— Тебе легко говорить, ты не голодный.

— Очень даже голодный.

— А-а! Я знал... Вот не позволил мне взять бутерброды!.. А может быть, мы найдем тут грибы? Мне же дали задание перейти на растительную пищу, стать вегетарианцем.

— Я рад, что ты наконец-то развеселился,— хлопнул его по плечу Кулай.

— Это тебе кажется. Просто я бодрюсь. Что же еще делать?

— Неужели так ничего и нельзя сделать?

— Когда я голодный, у меня башка не варит.

— И правда. Как мы попали сюда, ты стал нытиком. Ты и не представляешь, как я разочаровался в тебе. Я уже начинаю сомневаться, ты ли это, мой знаменитый изобретательный друг?

— По этой части ты сегодня превзошел меня. Тебе пришла мысль сунуться в эту дверь.

— Но дверь-то ты первый увидел.

— Но ты же велел мне открыть ее!

— Невинный!

— Вот это верная характеристика! Но что же нам все-таки делать?

— Искать выход. По-моему, ясно.

— Самый тяжелый случай в моей жизни. Разве ты не видишь, что галерея кончилась?

— Вижу. Но из этого следует, что тут должна быть дверь,— уверенно сказал Кулай.

— Гениальная мысль.

— В ней есть логика.

— Давай искать дверь логикой.

— Нет, кулаком,— предложил Кулай.

— Как дикари, кулаком? И это в наше время? В атомный век? И что же будешь делать кулаком?

— Стучать в стены галереи, пока не услышу гулкий звук.

— Постучи по моему животу и услышишь гулкий звук.

— Наконец-то я услышал от тебя новое слово! Пока что нам ничего другого не остается. Давай попробуем!

— Стучи. Обещаю тебе моральную поддержку, потому что сил у меня больше нет.

Кулай взял его за руку и с притворной тревогой сказал:

— И правда, ты дрожишь прямо как студень.

— Когда ты бросишь свои кулинарные сравнения! — рассердился Дуку. — Ведь знаешь прекрасно, что я хочу есть. Ты же собирався простукивать стены галерей?

— Я уже начал.

— Ну и что?

— Пока ничего.

— Я так и знал. Нам с тобой нужен сейсмограф.

— Да, не мешало бы проверить, как ты дрожишь от страха. Ты что-то сказал? Я не расслышал, говори громче.

— Ничего я не говорил и не собираюсь говорить.

— Нет? А мне послышалось. Да, да, вот за этим камнем слышатся какие-то голоса.

Кулай приложил ухо к стене.

Дуку последовал его примеру и радостно воскликнул:

— Да, да, и я слышу! Я тоже слышу.

Кулай зажал ему рот и шепнул, чтобы он молчал.

Странно! Казалось бы естественным кричать от радости, что они наконец-то нашли способ связаться с людьми, тем не менее приглушенные голоса за стеной не на шутку испугали Кулая. Оба друга припали к стене и услышали такой разговор:

— Не нравится мне тут. Я давно тебе говорю, что надо перебазироваться.

— Почему?

— Здесь ненадежное место для товаров.

— Тебе кажется.

— Ничего не кажется. Я вот слышу какой-то стук, шум.

— Ха-ха, наверное, привидение из замка.

— Смех смехом, а меня это беспокоит. Боюсь, что мы рискуем.

— Да брось ты! Ну кто тут может быть? Местечко на славу, лучше не найти. Укрыто от людей. Прохладно, темно. Чего еще надо? Пошли на солнышко погреться!

Дуку и Кулай услышали, как хлопнула дверь. Потом в темной галерее наступила тишина.

— Слышал, Дуку?

— Только обрывки. Я заткнул уши, чтобы ничего не слышать. Пропали мы с тобой!

— Да, пожалуй что накрылись.

— И где!

— Где?

— Под землей.

— Ты все только трепотней занимаешься.

— Какая там трепотня при такой трагедии! Ты не слышал? Здесь воровской притон. А я столько собирался сделать! — трагическим тоном воскликнул Дуку.

— Что именно?

— Транзистор, провести телефонную связь от наружной двери в свою комнату, прибор для запоминания уроков во сне... Теперь все, конец! И каких только мыслей у меня не было!

— Да ну? Может, тебе придет мысль, как нам отсюда выбраться?

Пинтилие обошел все вагоны.

— Я их не нашел. Этого надо было ожидать. Но я не верю, что Дуку и Кулай вздумали подшутить над нами.

— Как же тогда? — спросил озабоченный Костак.

— Мы сойдем на первой же станции.

10

Начальник отряда и гид ходили по крепости. Их шаги гулко отдавались по залам.

— И все-таки они исчезли именно здесь, в замке, — высказал свое предположение начальник отряда.

— Просто не знаю, что и думать! — Гид пожал плечами. — Ведь это музей, здесь повсюду указатели. При всем желании не заблудишься.

— Вы, конечно, правы, но...

— Я вас понимаю и, поверьте мне, готов вам помочь. Мы осмотрим все закоулки.

— У вас, очевидно, есть план замка?

— Разумеется.

— Давайте вместе посмотрим его, так будет вернее.

— Если вы находите это нужным, я к вашим услугам. Пройдемте ко мне в кабинет.

11

— Ты что-нибудь слышишь, Кулай?

— Нет... Они ушли.

— Уф! — Дуку вытер потный лоб. — Ну и напугался я!

— А теперь прошло?

— Да, — спокойно сказал Дуку.

Кулай мрачно покачал головой:

— Иначе говоря, ты человек неглубокий.

— Да. Когда мне нужно.

— Не думал, что ты такой! — сердито сказал Кулай.

— А что, по-твоему, я должен делать? Идти сражаться с бандитами? Я спокойно стою на месте и жду. Я бы целый месяц мог простоять так, только боюсь, что умру с голоду. Так что я подожду день... два...

— Сколько?

— Столько, сколько выдержит мой тощий желудок.

— Вот, полюбуйтесь, граждане, на самого изобретательного ученика! — обратился Кулай к невидимым зрителям. — И это самый инициативный пионер!

— В темноте я теряю инициативу. Я непросвещенный. Я передал тебе фонарик... то есть эстафету, я хотел сказать...

— Нет, ты как раз хотел сказать — фонарик. Знаю я тебя! Вот, пожалуйста, тебе фонарик. Я берег его для трудных минут... Но...

Дуку взял фонарик и сказал:

— Да будет свет!

И действительно, полоска света, желтого, как мед, скользнула по стенам подземного туннеля. Когда глаза привыкли к свету, Дуку и Кулай начали осматриваться, надеясь найти выход из тупика. Они уже потеряли всякую надежду, как вдруг Кулай обнаружил расселину в стене.

— Смотри, Дуку! Что это?

— Трещина как будто. — И Дуку почувствовал, что по спине у него пробежали мурашки. — Только этого не хватало!

— Чего?

— Чтобы эта халабуда обрушилась на нас.
— Сегодня у тебя одна дурь в голове! — рассвирепел Кулай.

— А у тебя — нет? Каково! Силой втащил меня в дверь.

— Силой и вытащу отсюда! — уверенно сказал Кулай.

— Об этом я и прошу. Я не буду сопротивляться. Но каким путем?

— Вот этим! — радостно воскликнул Кулай.

— Где?

— Эта щель определенно должна быть потайной дверью. Мы в нее пройдем и...

— Опять начинаешь? — сказал Дуку. — Несколько часов назад ты меня втащил в одну дверь, теперь хочешь в другую? Нет уж, на сегодня хватит!

Кулай не слушал его.

— Здесь должна быть потайная дверь, ход в то место, откуда слышались голоса...

— Лезть в воровскую берлогу? И не подумаю. Мне уже и есть не хочется.

— Не верю! Ты шутишь.

— Говорю совершенно серьезно.

— Слова!

— То есть как?

— Трусы не могут говорить серьезно.

— Ах, так? Хор-р-рошо! Я пойду. Но если со мной что случится, ты ответишь. Между прочим, насколько я помню, ты взял на себя такое обязательство. Так что это дело твое. — Подумав немного, он спросил: — А не лучше отложить на завтра?

— Да ты что? Отложить на завтра?

— Слишком скоро? — съязвил Дуку.

— Ну нет! Тогда я тебя оставлю тут, а сам уйду, — грозно сказал Кулай.

— Насчет уходить я с тобой согласен. А куда?

— Приналягу вот на этот камень, и готово!

Дуку насмешливо посмотрел на него.

— Ты мне прежде как будто не говорил, что ты внук Геркулеса.

— Хоть и не был, а вот сегодня буду. С одного раза и Геркулес не сдвинул бы такой камень.

— Тогда я тебе буду помогать в качестве тренера. На-чи-най!

Но Кулай не шутил. Он налег на камень, и, к удивлению Дуку, камень стронулся с места.

— А все-таки он вертится! — радостно воскликнул Дуку. — Кулай, да ты, оказывается, прирожденный силач. Вот в ком скрывался атлет! Дай-ка я пощупаю твои мускулы.

— Ты бы лучше попробовал помочь мне.

— С моей злосчастной семеркой по гимнастике едва ли я сумею быть полезным тебе. Но ладно, так и быть, приложу все силы.

Дуку навалился на каменную глыбу. Вначале она не поддавалась, но потом вдруг, как по волшебству, поддалась и отошла на пол-оборота.

— Я же говорил! — обрадовался Кулай.

— Конечно, если уж я взялся за дело, иначе и быть не могло.

— Похвали меня, роток...

— Дам за это пирожок! — закончил Дуку. — Ой, как здесь прекрасно пахнет! Липовым цветом! — жадно принюхивался Дуку, очутясь по ту сторону завала.

— Тебе иной раз такое почудится!

— Неужели ты не чувствуешь, что тут пахнет колбасой?

— Ты только о еде и думаешь. Голодному воробью кукуруза снится.

— Ты попал в самую точку. Смотри, я нашел тут мешок с кукурузной мукой.

Дуку осветил фонариком угол.

Кулай так и остолбенел.

— Дуку, а ведь ты верно говорил. Здесь определенно у воров хранилище продуктов. Ну попали! Теперь нам конец!

— Наоборот! — радовался Дуку. — Вот теперь мы спасены. Если у нас будет еда, я могу тут жить хоть неделю...

— И месяц, и год, — передразнил его Кулай. — Тебя ничто не исправит. Как был, так и остался телятиной.

— Нет, телячьей колбасой! — сказал Дуку, жуя. — Попробуй, вкуснейшая колбаса. Ах, воры, воры, вы

умеете жить, ничего не скажешь! Таких колбас и моя бабушка не делала. Подзаправься, Кулай!

— Я лучше без заправки дуну отсюда, слышишь шаги?

— Я ничего не слышу.

— Еще бы, когда у тебя за ушами трещит.

За стеной хлопнула дверь. Дуку окаменел.

— Ой, опять идут! — еле выговорил он.

— А что я говорил!

— Куда мы теперь?

12

Разложив на столе план замка-музея, гид пояснил:

— Видите, товарищ преподаватель, здесь не так уж много галерей. Все они изучены досконально.

— А не могли они подняться на башню? — спросил начальник отряда.

— Не думаю. Да ведь я уже посылал туда сотрудника, он проверил.

— Тогда все-таки придется осмотреть галереи.

Гид пожал плечами.

— Если вы считаете это необходимым, можем пройти по ним. Галереи не очень длинные, есть только одна такая, но в нее они не могли попасть: дверь, которая ведет в эту галерею, заперта. Да и потом, у нее особый механизм, она на роликах, блокируется тяжелой каменной плитой. Туда не сумел бы проникнуть и сам Хасан бас-эль-Салем, прозванный Сокрушителем скал.

Начальник отряда подумал, потом заметил:

— Вы не знаете Дуку, прозванного «коротким замыканием» и «грозой класса».

Пинтилие и ученики сошли с поезда и направились напрямик через рошу к подножию холма, на котором высилась крепость.

— Ребята, будем искать их здесь! — обратился к ученикам Пинтилие.

— Они, наверное, заблудились, — сказал Костаке. — Давайте разойдемся в разные стороны...

Пинтилие перебил его и строго сказал:

— Ни в коем случае не расходитесь. Иначе я рассержусь. У меня нет никакого желания разыскивать еще тридцать человек. Это что такое? — возмущенно спросил он, увидя вдалеке группу учеников. — Уже разбегаются... Позовите их сюда!

— Это не наши пионеры, товарищ преподаватель, — заметил Андрей.

— Нет? Тогда все в порядке. А я уж думал, что пример Дуку и Кулая заразителен, вы пошли по их следам.

— Если бы мы нашли их следы... — удрученно вставил Костаке.

— Это ты правильно сказал, — согласился с ним Пинтилие. — Попробуй позови этих ребят сюда. Мы их спросим, может быть, они нам помогут.

Костаке мигом помчался к ребятам и потом крикнул:

— Товарищ преподаватель, они не хотят идти, говорят, что у них туристическое соревнование — кто лучше сориентируется на местности.

Пинтилие ответил:

— Скажи, что мы просим помочь нам. Впрочем, я сам к ним пойду.

Он подошел к группе ребят:

— Вы здешние, дети?

— Нет, мы из Брашова приехали на экскурсию. Нас поместили в пионерском лагере — вон там, под горой.

— А, понятно! — сказал Пинтилие. — Вы случайно не видели здесь двух приезжих пионеров?

— Нет, товарищ преподаватель. И потом, мы только под ноги смотрим.

— Не понимаю.

— Мы на приметы глядим, — пояснил другой. — Это мы так ориентируемся на местности. У нас соревнование.

— Может быть, вы и нас немножко сориентируете? — пошутил Костак.

— Хочешь, чтобы мы проиграли? — сказал один из брашовских пионеров и сердито посмотрел на него. — Такого еще ни разу не было.

— Мы всегда выигрываем, — похвалился другой. — Еще ни разу не проиграли.

— Зато вы можете выиграть тридцать друзей. Даже тридцать два! — сказал им Пинтилие. — Это действительно выигрыш.

— Я не очень понимаю, что вы от нас хотите, — сказал старший из ребят. — Что мы должны сделать?

— Мне думается, вы хорошо знаете окрестности, — пояснил Пинтилие.

— Мы и с закрытыми глазами найдем дорогу.

— Поэтому мы и просим вас помочь. Вы не знаете, есть тут какие-нибудь гроты, пещеры, заброшенные туннели?

— Нет, мы не видели ничего такого... Но можем поискать.

В последнюю минуту им все же удалось скрыться.

— Ты хорошо задвинул камень? — шепотом спросил Дуку.

— Не беспокойся.

— Как не беспокоиться, когда у меня под ногами что-то живое!

— Еще бы, когда ты на моей ноге стоишь. И помалкивай, а то нас услышат.

— Но ты же сказал, что закрыл вход!

— Почему и тут пахнет колбасой, понять не могу.

— Очень просто, у меня полны карманы, — засмеялся Дуку. — Хочешь?

— Если бы еще фасоль к ней.

— К вашим услугам, — любезно сказал Дуку. — Я успел прихватить с собой консервы, только нечем открыть.

— Ну и молодец ты, Дуку!

— Стараюсь выходить из положения.

В этот момент послышался возмущенный голос:

— Кто мог взять колбасу со стола? Это почище чем в детективных фильмах!

Кулай сжал руку друга и прошептал:

— Слыхал? Теперь я погляжу, как ты будешь выходить из положения.

— Тсс! Тише ты! — зажал ему рот Дуку и стал прислушиваться.

— Целых два метра колбасных кругов! Это из ряда вон! — возмущался кто-то.

— О чем ты, Иоан? — поинтересовался другой.

— Да вот на столе колбаса была и куда-то исчезла.

— Привидение утащило,— пробасил другой и рассмеялся.— Или крыса.

— Крысы и консервы едят? Нет, я, скорее, думаю, ты оставил дверь отпертой.

— Что ты, Марин!

— Вот беда-то. Килограммов десять было...

— Даже вон как? Тогда...

Послышались удары, стук, можно было подумать, что за стеной началась драка.

— Столкни их лбами, чертик! — потирая руки, сказал Кулай.

— Может, они пистолеты вынут, перестреляются, а мы через их трупы выйдем на волю,— добавил Дуку.

— На солнышко.

— Ты слышишь что-нибудь, Кулай?

— Да слышу, как зубы стучат.

— Это у меня,— сказал Дуку.

— Может, они ушли?

— Наверное, пошли стреляться.

— Вот хорошо!

— Ты так думаешь?

— Не понимаю вопроса.

— Они всю колбасу унесли?

— Дуку, да ты здоров ли?

— А то нет? У меня аппетит разыгрался.

— Как только минует опасность, так ты о еде...

— Да, да, критикуй меня за то, что мне есть хочется. По примеру Костаке.

Дуку говорил, а сам думал о другом.

— Слушай, Кулай, идем опять туда.

— Пойдем, но только на этот раз мы попробуем выбраться наружу, а то заплесневеем здесь.

— Не бойся. Колбаса ведь не заплесневела. Разве ты не почувствовал? — спросил Дуку.

— Из-за тебя я вообще ничего не почувствовал.
— Значит, я, по-твоему, эгоист?
— Не эгоист, а ненасытный.
— Ах, ты так? Тогда знай, что я никуда не пойду. Иди один и ешь всё.

— Вот какой ты, Дуку. Знаешь ведь, что один я не пойду. И потом, когда-нибудь надо же отсюда выбираться. Ведь мы на поезд опоздаем. Подумать, сколько я из-за тебя вытерпел!

— Из-за меня? Ну, знаешь... Теперь я уже все-речь обиделся и никуда не пойду. Буду жить на колбасе и на консервах.

— Дуку, ну пойдем, прошу тебя!
— Если просишь, тогда другое дело!
— Помоги сдвинуть камень!

Они дружно приналегли, проход открылся. Первым пробрался Кулай, но тут его ждал сюрприз: кто-то схватил его за шиворот.

— Ага, попался, голубчик! — слышался громовой голос. — Я давно тебя подкарауливаю. Наконец-то я сцапал вора!

— Я не вор! Убери руки! Я не вор!
— А кто же тогда? — произнес другой голос. — Марин, включи свет, посмотрим, кто это такой!

Электрический свет ослепил Кулая и Дуку.

— Ба, да их, оказывается, двое!
— Вот и пропавшая колбаса! — заметил Иоан, указывая на карманы Дуку. — Поймал я крысу.

Иоан свирепо взглянул на Дуку и проворчал:

— Не знаю, зачем им колбаса, когда я и так их досыта кормлю.

Услышав это, Дуку сразу обрел дар речи:

— Слыхал, Кулай? Говорит, кормит нас. Чем это вы нас кормили? Подняли такой шум из-за колбасы. Я только откусил раза два... Побоялся.

— Побоялся? — вставил Кулай. — Чего ты боялся? Вовсе мы не боимся! — героически воскликнул он.

— Да! Ничуть не боимся, имейте в виду! — хоромился и Дуку. Он шепнул Кулаю: — Бросить в них бомбу?

— Какую бомбу?

— Она у меня в кармане.

— Значит, ты не сдержал слово, набил карманы всякой своей чертовщиной.

— Погоди ты, не лезь в бутылку. Нашел тоже время критиковать! — И Дуку храбро крикнул мужчинам: — Мы на вас в милицию заявим.

— Ты смотри, Иоан, они еще про милицию говорят. Скажи, какие зубастые!

— А я думал, они зубасты только по колбасной части. Нет, каково, а? Ха-ха, хорошо сказано! Они на нас в милицию заявят!

— А что, думаете, увернетесь? — сказал Кулай.

— Ваша песенка спета, — твердо заключил Дуку.

Иоан рассвирепел по-настоящему.

— Это вот ваша спета! — гаркнул он. — Сейчас отведу вас к начальнику.

Кулай испуганно шепнул Дуку:

— Значит, у них главарь есть.

Но, спохватившись, решил подбодрить своего друга и с притворной радостью сказал:

— Хорошо хоть убивать не собираются.

— Надо мне было уплести всю колбасу.

15

— Вы чего там шепчетесь? — крикнул на них Иоан. — Скрываете что-то?

— Наверное, они не одни тут, — нахмурился, ска-

зал другой.— Ты видел, откуда они вошли? — спросил он, подошел к стене и толкнул каменную плиту.— Э, да тут галерея, Марин! Потайная галерея.

— А мы и не знали...

— Вот чертенята... Ни минуты покоя не знаешь из-за них. И как они набрали на эту галерею? Постойка, вроде бы шум слышно. Да там еще прячутся. Неужели наши? — спросил он, пробравшись в галерею.

Кулая бросило в дрожь.

— Если сюда еще кто придет,— шепнул он Дуку,— тогда нам уже не выбраться.

— Я брошу бомбу,— воинственно сказал Дуку.

— Ни в коем случае! Вдруг у них тут бочка с порохом? Хочешь, чтобы мы все взлетели на воздух?

Из галереи донеслись голоса, все ближе и ближе.

— Ой, Иоан, сюда идут из рощи. Да что у них там такое, почему они все такие голодные?

— С этими их туристическими походами они все равно на склад набредут.

— Ты думаешь?

— Слышишь? — Иоан кивнул на дверь.

— Зато мы теперь поймаем их, Иоан, и отведем к начальнику. Стань у двери и карауль.

— Чего там караулить, вон уже один появился.

— Товарищ начальник отряда! — в один голос воскликнули Кулай и Дуку.

— Вот вы где, авантюристы! — строго сказал тот.

— Мы не авантюристы. Это они вон,— добавил Дуку.

Иоан и Марин в первый миг остолбенели, но быстро опомнились.

— Ну нет, мы вас задержим!

Но Кулай и Дуку бросились к ним, крича во все горло:

— Помогите! Хватайте их! Помогите!

— Сейчас, идем! — донеслись снаружи голоса. — Не бойтесь!

— По-моему, это кричит Костаке, — обрадовался Дуку.

— Товарищ начальник отряда, к нам подкрепление идет! — ликовал Кулай. — Держите их!

Дверь распахнулась, и влетели Костаке, Андрей, Олгуца, а за ними и все остальные.

— Что нам делать, Марин?

— Придется сдаваться, — смеясь, сказал тот.

Появился и Пинтилие.

— Что тут за шум? Прекратите! Что случилось?

Ему ответил Костаке:

— Мы слышали крики. Кулай звал на помощь. И мы все побежали.

Пинтилие не заметил Кулая и Дуку, поэтому радостно сказал:

— Значит, они где-то здесь.

— Вот мы, товарищ преподаватель. Мы заблудились и...

— И набрали на колбасный склад, — добавил Дуку.

— Понятно, — смеясь, сказал Пинтилие, — на что еще ты мог набрести!

— Да, товарищ преподаватель, — вмешался Кулай. — Это правда. Мы набрали на продуктовый склад, а вот они его стерегут. Смотрите, как бы они от нас не убежали.

— Нет, это вы от нас не убежите!

Марин схватил за руки Кулая и Дуку.

— Я думаю, вы не будете отпираться, на каком хорошем деле мы вас поймали.

Пинтилие ничего не понимал.

— А вы кто?

— Я кладовщик в пионерлагере.

— А я повар,— сказал Марин.

— Они неправду говорят. Они воры. Мы слышали, что они тут говорили.

— Не знаю, кому из вас верить,— недоумевал Пинтилие.

Гид музея, только что выбравшийся из галереи, сказал на это:

— Это правда: кладовщик и повар пионерлагеря.

— Да, но почему дети говорят другое?

Начальник отряда решил, что он нашел разгадку.

— Дуку и Кулай заблудились в галерее, вероятно, от испуга говорят так...

— А, и вы здесь, товарищ Дан! — сказал Пинтилие, только что увидевший начальника отряда. — Где вы были?

— Где были? Два часа шли по следам Дуку и Кулая вместе с товарищем гидом. Страшно даже вспомнить, какими подземельями мы пробирались. Бедные ребята, они, наверное, страху натерпелись!

— Вовсе нам не страшно было,— сказал Кулай.

— Нам только есть хотелось,— добавил Дуку.

— Опять начинаешь! — одернул его Кулай.

— Что-о! Уж не хочешь ли ты сказать, что всю эту историю я затеял? — сердито спросил Дуку. Потом вдруг потупил глаза и виновато признался: — Да, товарищ преподаватель, это все я. Я показал ему дверь сюда.

— Ты мне показал, но повел тебя сюда я.

— А думаешь, мне не хотелось?

— Но я первый вошел. Вы его не слушайте, товарищ преподаватель. Виноват я!

Все с удивлением смотрели на двух друзей, не понимая, о чем они спорят.

Только гид понял. Он подошел к ребятам и обнял их.

— Виноваты мы, работники музея,— не заперли дверь.

— Нет, это я отпер ее,— сказал Дуку.

— А я открыл и пошел в галерею! — чуть не закричал Кулай.

— А я съел колбасу! — добавил Дуку.

— Ну, это не велика беда,— успокоил его кладовщик.— Если бы ты не съел ее, то мы бы так и не узнали, что склад сообщается с галереей музея.

— Да, ведь и правда! — сказал гид.— И знаете, это очень важное археологическое открытие.

— Слышишь, Кулай? Если бы я не увидел...

— А если бы я не открыл...

— Перестаньте вы! — шутливо прикрикнул на них Пинтилие.— На сегодня, пожалуй, хватит. А то мы и на вечерний поезд не успеем!

— Успеете! — заверил гид.

— И потом, я вас всех не отпущу, товарищ преподаватель, пока дети не закусят у нас,— сказал повар.

— И вы нам дадите колбасы? — спросил Дуку, под всеобщий хохот.

ПОЛЕТ РАКЕТЫ „ЭКСЦЕЛЬСИОР-1“

Прыжок в космос... из окна

Дóду придумал это ночью, когда уже был в постели. Он даже вскрикнул от радости:

— Есть!

В этот день у них в школе только и разговору было о карнавале, на который их пригласили впервые. Каждому хотелось узнать подробности.

— Ты кем нарядишься?

— Не знаю. А ты?

— Подумаю...

Даниéла, председатель отряда, волновалась меньше всех.

— Я попрошу свою тетю, она работает костюмершей в театре. Может быть, она нам подберет костюмы. Ты уже решил, в каком ты будешь costume, Доду?

— Я еще не знаю.

— Я буду Красной Шапочкой.

— Тогда тебе придется и бабушку с собой взять,— засмеялся он.

— А ты не хочешь нарядиться бабушкой?

— Ты это серьезно? Нет уж, я лучше буду волком, у меня больше данных для этого.

И Доду завыл по-волчьи.

В это время в класс вошел преподаватель Константи́неску. Пораженный приемом, который ему оказали в классе, он молча взшел на кафедру и только в конце урока сказал с неудовольствием:

— Я хотел вам сообщить интересную вещь, но мне кажется, вы увлекаетесь больше зоологией, чем химией.

Доду догадывался, о чем речь. Он слышал от десятиклассников, что они после уроков собираются запускать ракету «Пионер», сконструированную членами научного кружка. Как только кончился урок и Константи́неску вышел из класса, Доду предложил своему приятелю Джэ́йке пойти на школьный космодром. Но тот наотрез отказался, побоявшись, что его оттуда прогонят.

Доду стал уговаривать Даниелу, но она довольно резко ответила ему:

— Нет, не пойду. Я лучше схожу к тете, поговорю насчет костюмов. Имей в виду, что я для тебя буду доставать костюм волка.

На школьном дворе, за гимнастическим залом, собрались старшекласники. Доду хотя и робел, но

стал протискиваться вперед, поближе к стартовой площадке.

Он подобрался так близко, что один из учеников прикрикнул на него:

— Отойди отсюда! У тебя еще нос не дорос.

Доду пришлось подчиниться, он даже не успел разглядеть ракету.

В тринадцать часов тридцать минут был дан старт, но непослушная ракета «Пионер» не тронулась с места, к великому огорчению и удивлению конструкторов. Доду разделял их огорчение и потом весь вечер размышлял об этой неудаче. Когда он лег в постель, то загляделся на портрет Юрия Гагарина в костюме космонавта, и вдруг ему пришла потрясающая мысль. Доду не мог улежать, вскочил с постели, и, хотя в доме все уже спали, он решил немедленно сообщить эту мысль своему другу Джике, который жил ниже этажом. Чтобы не разбудить своих, он вылез в окно, подобрался по пожарной лестнице к окну Джике и стал барабанить по стеклу.

— Кто там? — сонным голосом спросил Джике.

— Это я, Доду.

— Что ты вдруг? — испуганно сказал Джике. —

Ты откуда?

— Из космоса.

— А где твой костюм?

— Насчет костюма я и прилетел к тебе. На карнавале я буду космонавтом. Правда, здорово?

— Я не знаю. Так, значит, ты уже начал тренироваться? Прыгаешь в космос из окна? — сострил Джике.

Но Доду был в таком воодушевлении, что пропустил мимо ушей его остроту.

Огорчительные приглашения

— Мне удалось получить для вас всего десять билетов. Да и те пришлось выпрашивать, потому что на каждый класс полагается только пять билетов. Не больше.

Преподаватель Василёску, начальник пионерского отряда, знал, как нужно изобразить положение дел. Если бы он пришел в класс и объявил без всяких объяснений, что получил всего десять билетов, его бы засыпали вопросами:

— Почему так мало?

— Разве нас десять человек?

— А что мы будем делать с десятью билетами?

Все бы начали возмущаться, даже обвинили бы его, что он не сумел постоять за них.

А так он перехватил инициативу и сам же высказал, как он огорчен этим:

— Меня это даже расстроило. Но с другой стороны, они правы. Сами посудите: у нас в городе столько школ... Всем ведь хочется попасть на карнавал.

— Правда!

— Да!

— Конечно...

Все это понимали, но приуныли.

— Как же мы распределим билеты? Будем тянуть жребий? — спросил кто-то из задних рядов.

Василёску шутливо сказал:

— Что это ты надумал? Разве карнавал — лотерея?

— Или спортлото? — фыркнул кто-то из учеников.

— Да и там еще нужно угадывать, — горько пояснил другой.

— Ясно, — живо согласился Василёску, видя, что каждому хочется вставить свое замечание. — Разве

мы можем устраивать розыгрыш? Скажите, как не дать билета Даниеле, например?

— Какой тут разговор!..

— Она заслужила, ей нужно дать.

— А Доду? — продолжал начальник отряда.

— И Доду обязательно!

— А Ирина, Дорёл, Алёку, Костёл, Лаурэнция, Пауль, Влэдүц, Мийа? — перечислял Василеску имена десяти учеников, которых он сам наметил.

— Конечно.

— Им обязательно нужно.

— Они в первую очередь заслужили.

Василеску, хотя и прикидывался огорченным, внутренне радовался. Распределение билетов прошло гладко, так, как он задумал. Он назвал десять имен, и класс согласился с ним. Оставалось только раздать билеты, и дело сделано, можно облегченно вздохнуть.

— Значит, мы договорились.

— Да... Будем тянуть жребий, — сказал Доду для смеха, расстроив все планы учителя.

И весь класс подхватил:

— Жребий!

— Будем разыгрывать!

Даниела попробовала поддержать учителя:

— Зачем? Оставим так, как сказал товарищ классный руководитель.

— Разыгрывать! Разыгрывать! — кричали все.

Василеску был изумлен. Ему не верилось, что Доду так подвел его. Теперь, значит, придется писать билетки на сорок учеников, потом складывать их в берет, все будут тянуть, а ты после выслушивай жалобы. Но и спорить с классом он не мог. Поэтому только пожал плечами, сделал вид, что ему все равно.

— Как хотите, — сказал он. — Но тогда порешим

так: пусть каждый напишет свое имя и фамилию на листочке и положит мне на кафедру.

Он был уверен, что никаких недоразумений не получится, каждый постарается писать поразборчивее.

Вскоре на кафедру поплыли записочки. Кто-то предложил свой берет.

Василеску тоже поддался их настроению:

— Я предлагаю сделать так: Доду будет вынимать билеты, прочтет фамилию, передаст мне на проверку. Но только давайте заранее условимся: никаких обид, слышите? Никаких жалоб! Согласны?

— Да!

— Согласны!

— Очень хорошо!

Все кричали, хлопали в ладоши, видно было, что каждому хотелось поскорее заполучить билет.

— Итак, Доду, прошу на кафедру! — сказал Василеску, перемешивая записки.

— Первым меня!

— Нет, меня!

Доду уверенно направился к кафедре, раздавая обещания направо и налево.

— Тебя вытащу! Не беспокойся! У меня легкая рука.

Но, когда он очутился рядом с Василеску и тот протянул ему берет, Доду понял, как трудно обрадовать всех и какая на нем ответственность. Записочки шелестели в берете, и это напомнило ему шелест серпантина, мягкое шуршание разноцветных шаров из гофрированной бумаги, которыми украшены залы карнавалов. Он опустил руку в берет и почувствовал приятную дрожь при мысли, что вытащит записку с собственной фамилией.

— Ну что же ты, начинай! — сказал ему Василеску.

— Да, да, сейчас!

Все умолкли. Доду вынул первую записку и прочел:

— Георге Бутук!

— Джике, Джике! — забурился класс.

Джике прошел к кафедре, не веря, что на записке стоит его фамилия.

— Да, это я писал, — сказал он.

Василеску вручил ему билет и заметил:

— Обдумай, в каком костюме пойти, Джике. Но только обязательно будь на карнавале, иначе я рассержусь!

Джике был таким робким, что его сосед по парте, Костаке, говорил всем, будто Джике не смеет даже дышать в классе, что он только дома дышит.

Да, у Доду и вправду оказалась легкая рука. Надо же было! О Джике никто бы и не вспомнил, даже если бы класс получил три десятка билетов.

— Вот как тебе повезло, Джике!

— Ура, Джике! — радовались в классе.

После такого удачного начала Доду осмелел и вытаскивал записки без заминки. Второй билет достался Ирине. И все были уверены, что класс завоюет на карнавале первую премию за танцы. Мальчики оказались счастливее девочек. Следующие билеты достались Дáну, Паулю, Влэдуцу, Тудорéлу. Обладатели билетов были огорчены, что им не с кем будет танцевать. Наконец седьмой билет достался девочке. Восьмой тоже. На девятом счастье снова переметнулось к мальчикам. Оставался еще один — последний билет, и каждый надеялся, что Доду прочтет его имя. В классе наступила полная тишина. Василеску тоже

немножко волновался и следил за Доду. «Он не сомневается, что выиграет», — подумал Василеску.

Доду и правда был уверен в этом и ничуть не волновался. Он запустил руку в берет и вытащил первую попавшуюся записку. Прежде чем развернуть, он оглядел весь класс и поймал взгляд Даниелы. Глаза у нее блестели от волнения. Как раз утром она подошла к нему сияющая и сказала, что тетя подобрала ей дивный костюм. «Какой?» — любопытствовал Доду в надежде, что ее костюм будет хоть немножко похож на его собственный. «Такой легкий, воздушный». — «Как и у меня!..» — «Да?» — удивилась она. «Пока об этом знает один Джике». — «У меня будет из белой вуали с серебряной канителью».

Доду не очень понимал, что особенного в таком наряде, но разделял ее радость. Поэтому он с таким волнением развернул записочку. Да, на записке его рукой было написано его имя. По лицу Доду пробежала лукавая усмешка.

— Даниела Иримэску! — громко выкрикнул он и протянул билет преподавателю.

Мальчики, уже получившие билеты, зааплодировали:

— Ура! Еще одна девочка!

Между тем Василеску прочел фамилию на записке и попробовал возразить:

— Как, Да...

— Даниела, товарищ преподаватель, — повторил Доду и выразительно посмотрел на Василеску.

— Зачем ты это сделал? — шепотом спросил тот.

— Я же виноват во всем, не надо было предлагать розыгрыш, — шепотом ответил он.

Исчезновение двух сферических сосудов

Вечером, в восемь часов к Доду неожиданно появился Джике.

— Ты чего такой невеселый, Джике?

— Даниела забыла взять для меня костюм.

И Джике заплакал. Рухнула его мечта побывать на карнавале.

— Все нарядятся: кто тореадором, кто султаном. Даниела...

— А Ирина? — перебил его Доду.

— Ирина будет Белоснежкой... Она даже хотела пожертвовать мне свой костюм. Но ты сам понимаешь, как я буду выглядеть.

— Ха-ха-ха! Ты такой черномазый — и вдруг Белоснежка! Вот умора!

— Что же мне делать? — трагическим голосом воскликнул Джике. — Я пришел посоветоваться.

Сестра Доду, Аурика, и отец сидели в соседней комнате. Они слышали всхлипывания Джике и пришли узнать, что случилось.

— Да так, карнавальные дела, — уклончиво ответил им Доду.

— Я не понимаю, какие такие дела, — сказал отец.

— Джике получил приглашенный билет на карнавал, а костюма у него нет. Наши в классе забыли об этом, хотя обещали достать. Ну я им завтра дам гастроль! Я им устрою!..

— Ты лучше подумай, как устроить другу костюм. Он ведь за советом пришел к тебе.

Доду вдруг просиял и весело крикнул:

— Ура! Нашел!

— Что-нибудь нелепое? — сказала Аурика.

— Я одену Джике в костюм космонавта, который

приготовил себе. Я только не знал, что надеть на голову. Теперь я придумал.

— Что?

— Аквариум.

— Тогда он у тебя водолазом будет,— пошутил отец.

— Нет, космонавтом,— возразил Доду и показал на портрет Юрия Гагарина, висевший в изголовье кровати.

Тут Доду пришла новая мысль, и он спросил Аурику:

— Ты мне не дашь свой синий комбинезон?

— Бери, пожалуйста, если тебе нужно.

Через час Аурика обнаружила, что из столовой исчезли оба аквариума, а рыбки, словно крохотные зарницы, поблескивали в стеклянной банке. Аурика помчалась к отцу.

— Папа, Доду разбил аквариумы. Ну и задаст ему мама!

— Не волнуйся. Поди-ка сюда и посмотри, кто это там идет? А, опоздала, прозевала интересную вещь!

— А кто это был? — полюбопытствовала та.

— Два друга. То есть два космонавта.

Космонавты на карнавале

У входа никто не спросил у них билетов, даже поторопили друзей:

— Скорее идите в зал. Сейчас начнется смотр костюмов. Жалко будет, если вы опоздаете. Может быть, вам дадут премию...

Доду от волнения не выговорил ни слова. Да он и не мог говорить, потому что под стеклянным кол-

паком у него была резиновая трубка от противогАЗа. Джике был одет точно так же. Он глазел по сторонам на разноцветные фонарики, на толпы мальчиков и девочек, наряженных в замысловатые костюмы. Бегали сказочные феи, столетние ведьмы не уступали им в резвости, медведи пили лимонад из бутылок, рядом с ними скакали зайчата — известные вегетарианцы — с сосисками в лапах. Шум, говор, толчея! Доду надеялся разыскать своих. Они условились с Джике, что, если им встретится кто-то из одноклассников, они будут молчать, но станут ходить за ним по пятам. Джике все еще сердился на товарищей. Но, увы, среди такого множества ребят трудно было отыскать знакомых. Приходилось развлекаться одним. Если бы они могли обменяться хотя бы словечком! Мешали говорить трубки от противогАЗа. Поэтому друзья объяснялись жестами и жали руки. Глаза у них блестели от радости и от волнения. Все раступались, видя их костюмы, показывали на них. Потом к ним подошел распорядитель карнавала, которого они видели у входа. Доду покраснел: «Он, видно, догадался, что у меня нет билета». Но юноша и не подозревал этого. Он дал им карточку с номером и сказал, что они будут участвовать в костюмированном параде. Заметив по их лицам, что они не поняли, о чем речь, он объяснил:

— Сейчас будет смотр костюмов, лучшие будут премированы. Премии раздают сразу после парада. У вас пятый номер, значит, вы пятая пара. Пройдете перед жюри. Понятно?

Доду и Джике закивали.

Колонна участников парада уже выстраивалась. Впереди были Фэт-Фрумос и Ильяна Косынзяна, Красная Шапочка и Ненасытный волк, Белый арап и Безбородый, Белоснежка и Мужичок с ноготок,

наши друзья-космонавты, за ними Ворона и Лисица и много других пар.

Когда пары проходили перед жюри, зрители аплодировали им.

Дошла очередь и до космонавтов. Как только они предстали перед жюри, весь зал шумно зааплодировал им. Хотя их костюмы не отличались красотой, они были самыми оригинальными. Стекланные колпаки, резиновые трубки, синие комбинезоны, ботинки с «молниями» — все это выглядело внушительно. Доду и Джике напоминали зрителям героев научно-фантастического романа. Всем уже примелькались трубадуры в бархатных костюмах, кувыркающиеся зайчата.

Дети, глядя на Доду и Джике, мысленно рисовали себе, как через несколько лет они сами совершат путешествие на Луну или на Марс.

Друзья были уверены, что им дадут первую пре-

мию. Они радостно переглядывались, представляя себе, как удивятся одноклассники, когда узнают, кто эти космонавты. Возможно, их радость была преждевременной, потому что условия конкурса предусматривали еще кое-что, о чем не подозревали два друга. Каждая пара должна была ответить на вопросы жюри.

— А, товарищи космонавты! — улыбаясь, сказал председатель жюри, молодой приветливый мужчина. — Ну-ка ответьте на такой вопрос: какие крупные планеты Солнечной системы вы знаете и сколько их?

В зале все притихли.

Джике посмотрел на Доду и пожал плечами. Доду посмотрел в глаза Джике и повторил его жест... Не знали, и все!

— Может быть, вы снимете головные уборы, они вам мешают говорить.

Доду и Джике покачали головой.

— Неужели вы не знаете ни одной, кроме Земли? — помогал им председатель.

Мальчики удрученно покачали головой.

— Тогда, при всем моем сожалении, я вынужден пригласить следующую пару. Но на прощание я хочу сказать вам несколько слов. Запомните, что, прежде чем стать космонавтами, покорители космоса очень долго учились. Ну, а теперь прошу Ворону и Лисицу.

Понуриив голову, Доду и Джике отошли в сторону.

Лисица и Ворона, по предложению жюри, стали разыгрывать в лицах известную басню, и никто из зрителей не заметил, как друзья пробрались в глубь зала. Здесь они постояли, послушали, потом побрели к выходу.

На улице они сразу сняли свои стеклянные колпаки и жадно вдыхали свежий воздух. Джике спросил Доду:

— Кто тебе больше понравился: Ворона или Лисица?

— Сыр.

Туманность... в голове

Они шагали молча, подавленные происшедшим. Ночь щедро рассыпала на небе мириады звезд — крупные ярко светили, мелкие робко мигали.

— Посмотри! — сказал Доду.

— Куда?

— Вверх. Тысячи звезд... А среди них и планеты. И надо же так опозориться!

Джике почувствовал себя виноватым. Если бы не ходил к Доду за советом насчет костюма, теперь бы Доду преспокойно спал в постели, а не горевал.

— Ты очень жалеешь, да? — спросил он друга.

— Да как тебе сказать? Жалеть не жалею, а только досадно. Если бы не вопросы, мы бы получили первую премию. Вот удивились бы наши!

— Они бы сказали, что мы с Луны, — воодушевился Джике. — Ирина бы глаза вытаращила, а Пауль бы рот разинул.

— Тудорáке закричал бы: «Тысяча трубок мира!»

— А Даниела...

— Даниела? — Доду вздрогнул.

— Даниела сказала бы: «Как я рада, что ты добыл себе костюм!» Она ведь добрая девочка, правда?

— Да, очень... — Но, подумав, Доду сурово сказал: — А почему она не позаботилась достать тебе костюм?

— Ничего... Даже, пожалуй, лучше, что так вышло. Иначе ты бы не попал на карнавал.

— Это сюда не относится. Ты знаешь, хоть я и не такой уж хороший...

— Да что ты, Доду, ты очень хороший!

— Брось! Но будь я на месте Тудораке или Влэдуца, я бы отдал тебе свой костюм. Ведь ты первый раз был на карнавале. И потом, почему все-таки Даниела не похлопотала познергичнее? Она же председатель отряда. Я ей так прямо и скажу. Не знаю, подействует ли, но все равно скажу. Эх, если бы мы получили премию, вот было бы здорово, уж я бы их проучил! Как ты считаешь?

Джике взял его за плечи и, лукаво прищурившись, сказал:

— Не верю, что тебе только из-за этого хотелось получить премию.

Доду растерялся: «Оказывается, Джике не такой уж наивный. Вон как поддел меня! И правильно! Разве так важно проучить Даниелу? Ничего подобного! Просто вообще приятно было бы. Все бы удивлялись, поздравляли меня. Василеску тоже похвалил бы. Еще бы! Премия за лучший костюм. Придумал-то ведь я. А может, я хвастаюсь? Ну, а что такого, если и хвастаюсь. Можно ведь порадоваться своему успеху. Разве надо скромничать? Зачем? Приятно, когда у тебя что-то получается, когда тебя хвалят. Гм... А за что хвалить? Когда я не сумел ответить на такой простой вопрос».

— Дурачки мы с тобой, Джике.

— Почему это?

— Мы воображали, что если мы надели стеклянные колпаки, так уж можем лететь в космос.

Оба шли медленно, все думая о вопросе, который испортил им настроение. «Какие же это планеты?»

Точно так когда-то размышлял Доду, прочитав книгу «Туманность Андромеды». Ему хотелось отыскать эту туманность в вышине. И тогда так же набегали мысли, а ночь, как и теперь, смотрела глазами тысяч звезд: одни были огромные, яркие и напоминали вопросительные знаки, отбрасывали длинные лучи; другие были крошечными, они насмешливо подмигивали.

— Подумаешь, тоже еще воображают! — недовольно проворчал Доду.

Человек с телескопом

На бульваре было малоллюдно, да и время было позднее. Красные и синие неоновые рекламы кино тщетно старались привлечь внимание космонавтов.

На углу улицы Кáля Викторiи Доду остановился и чуть не крича спросил:

— Джике, деньги есть?

— Пять лей только, а тебе зачем?

— Потом увидишь! Пошли! — И Доду решительно потянул его за руку.

Против Центрального Дома армии был телескоп.

— Может, мы узнаем ответ на вопрос. Уж, во всяком случае, посмотрим в телескоп.

— Как же! Жди! Нашел где смотреть! Там такой сердитый старик! Я один раз хотел посмотреть, так он прогнал меня.

— Правда? Тогда пойдем в другое место.

— Куда?

— Я решил сегодня же узнать и посмотреть эти планеты, из-за которых мы сели в лужу. Пойдем в народную обсерваторию на бульваре Аны Ипэтеску.

— А она не закрыта?

— Увидим.

Обсерватория была открыта, и когда они поднялись наверх, увидели пожилого мужчину. Он еле удержал смех, глядя на их костюмы.

— Вы к кому, молодые люди?

— Добрый вечер. Мы хотим посмотреть планеты в телескоп. Сколько стоит билет? У нас пять лей. Джике, дай мне, пожалуйста, займы. Я давно уже хотел посмотреть. А ты? Плачу я!

— Нет, я,— заупрямился Джике.

— Я уже сказал,— решительно объявил Доду и обратился к мужчине: — Мы хотим посмотреть звезды за пять лей.

Тот улыбнулся:

— За пять лей? Гм... Вы хотите все посмотреть?

— Все, все... Время у нас есть.

— Хорошо. Кто из вас пойдет первым? Смотреть довольно много придется.

— А чего там много? Каких-нибудь две-три тысячи. Я живо,— похвастал Доду.

Мужчина весело рассмеялся:

— Две-три тысячи? Великолепно! Так вот, молодой человек, к твоему сведению, наша Галактика насчитывает свыше ста миллиардов звезд, и к настоящему времени известны сотни миллионов таких же звездных систем.— Он пропустил Доду вперед и сказал: — Прошу к телескопу, смотри и считай! Плачу я!

Через полчаса наши герои так подружились с сотрудником обсерватории, что без смущения выложили ему свои горести. Он выслушал, достал из кармана бумагу и начал рисовать.

— Вот это Солнце, а на расстоянии примерно пятьдесят семь миллионов километров вращается

планета Меркурий. Это самая малая планета из крупных, она всегда обращена к Солнцу одной и той же стороной.

— Здорово! — захлопал в ладоши Доду. — Хочешь — загорай, надоест — переходи на другую сторону.

Мужчина с улыбкой кивнул.

— Да, на одной стороне ты будешь жариться на солнце при температуре плюс четыреста градусов, а на другой будешь замораживаться при минус двести семьдесят градусов.

— Ничего себе! — заметил Джике.

— В ста восьми миллионах километров от Солнца находится планета Венера. Примерно в ста пятидесяти миллионах — наша планета Земля...

Мальчики внимательно слушали его, и каждый подумал: «Вот если бы столько знать! Или хотя бы встретиться с ним до карнавала...»

В заключение он сказал:

— Вот планету Плутон я еще ни разу не видел. Наш телескоп маленький, и потом, ее вообще трудно увидеть. Когда-нибудь вам это удастся, и, возможно, вы сделаете крупное открытие. Ведь не исключено, что вы совершите путешествие на одну из планет.

Доду огорченно покачал головой:

— Пока что мы оскандалились с этими планетами.

— Ничего, — ободрил его мужчина. — Желание у вас есть, о костюмах и говорить нечего. Вам только одного недостает.

— Чего? — в один голос спросили мальчики.

— Ракеты.

— Ракеты! А знаешь, Джике, это идея!

— И правда!

Воспитательное повелительное наклонение — дерзай!

Что бы там ни говорили, а Доду всегда был изобретательным и веселым. Он еще совсем маленьким проявил невиданную сноровку, взявшись чинить часы молотком.

— Вот озорник! — негодовала мать. — Опять испортил часы. Василе, тот никогда ничего не трогал, — вспомнила она своего старшего сына.

Отец засмеялся и сказал:

— А тогда у нас и трогать-то было нечего.

— На днях Доду опять ковырялся в радиоприемнике.

— Смотри-ка! Собирается хлеб у меня отбивать. Будет мастером на заводе «Электроника». Что ж, неплохо. Толковые люди нам всегда нужны.

— С тобой нельзя серьезно говорить, — сердилась мать. — Не знаю, и в кого наш Доду такой!

Отец пошел в комнату к Доду.

— Я слышал, ты опять в приемнике копался? — с напускной строгостью спросил он.

— Да, — сразу признался Доду.

— Хорошо, что ты говоришь правду. Но делать так нельзя.

— Я его почистил.

— Да ну? А что там было?

— У него насекомые завелись.

— А-а! — понимающе заметил отец.

Отец не мог решить, то ли вообще все дети стали теперь умными, не как в его время, то ли его Доду особенно умен. Поэтому хоть он и следил, чем занимается сын, но никогда не пилит его и предоставлял самому справляться с затруднениями. Когда Доду было пять лет, они жили в Ферентáри, в крошечном

домике. Однажды утром отец увидел, что Доду шарит везде.

— Ты чего ищешь, непоседа?

— Муку.

— Пироги печь собрался?

— Нет. Хочу посеять.

— Молодец! Где же?

— В саду. Я уже пахал лопаткой.

— Ага... Вспахал, значит. Почему трактор не попросил?

— Я просил, Сэндэл мне не дал.

— Ну ничего! Мука и так взойдет.

На другой день мать искала кулек с мукой по всему дому. А отец, возвращаясь с завода, непременно справлялся:

— Ростки есть?

— Еще нет.

— Наверное, засуха виновата.

Наконец в один прекрасный день он услышал от Доду:

— Я не так посеял.

— Да-а?..

— Она вниз пустила ростки.

Что бы Доду ни напроказил, всегда он умел отшутиться. Когда он был второкласником, отец как-то раз заглянул в его тетрадь по рисованию и увидел на последней странице вереницу маленьких человечков без ног.

— А где у них ноги, Доду?

— Ноги? — удивился тот. Поняв, что забыл нарисовать их, он, смеясь, ответил: — Я нарочно их не приделал, а то ребята, пока дойдут до школы, поломают их.

Вот так вот кончались все разговоры с Доду.

С того вечера, когда был карнавал, поведение До-

ду круто изменилось. Он стал молчаливым, озабоченным.

— Что это с нашим парнишкой? — встревожился отец.

— А что с ним может быть? Просто он стал разумнее.

— Разве ты не видишь, что он совсем другой?

— По-твоему, он серьезный, только когда бедокурит.

Отец догадывался, что Доду над чем-то бьется, ломает голову — по ночам он ворочался, сидя за учебниками, отвлекался, — видно было, что он думает о чем-то своем. Отец мог бы спросить его или товарищей, но он не любил выпрашивать. Знал, что Доду, в случае чего, сам расскажет. Он никогда не сковывал предприимчивость сына, но приучал его к тому, чтобы он отвечал за свои поступки, не страшился затруднений, справлялся своими силами, верил в них, но не зазнавался, любил работать. Его высказывания относительно воспитания напоминали лозунги. Однажды он сказал Доду:

— Меня в свое время в Союзе Коммунистической молодежи да и в партии воспитывали лозунгами: «Борись!», «Добивайся цели!» Я был усердным учеником. И таких, как я, было много. Наша борьба, наши стремления воплотились в социализм. Ты будешь жить при коммунизме. Так что наряду с лозунгом «Борись!» нужно выдвинуть еще один. Какой? Я нашел: «Дерзай!»

Замечательно!

Доду сам рассказал отцу, над чем он размышляет. Он был не из тех людей, которые долго носят с какой-нибудь мыслью, прежде чем пре-

творить ее в дело. У Доду мысль сразу обрела крылья и пускалась в полет. Правда, на этот раз ему нужен был совет, одобрение. А кто был его лучшим другом, кто понимал его, был лучшим советчиком, пускай даже кое-когда и строгим? Конечно, отец. Доду не признавал несерьезных разговоров, когда люди не вникают в суть, а только поддакивают и похлопывают тебя по плечу. Джике и Костаке тоже были его друзьями, но, если бы он признался им, что он задумал, они бы наверняка начали восторгаться. И зря.

«Фантастично!» — сказал бы один.

«Изумительно!» — вскричал бы другой.

Отец, когда услышал, что Доду собирается конструировать ракету, был более сдержанным. Он просто сказал:

«Замечательно!»

Доду сначала рассказал ему, как десятиклассники пытались запустить свою ракету, но у них ничего не получилось, а уж потом выложил и самое неприятное — что произошло на карнавале.

— Ну надо же! Не ответить на такой вопрос! — заключил он.

— Представь себе, я, например, тоже не знаю, на каком они расстоянии от нас, — признался отец.

— Да нас об этом и не спрашивали. Надо было только перечислить их, и все.

— Хоть и не спрашивали, полагалось бы знать: ведь это как-никак наши соседи.

— Мы узнали, но уж потом. Нам один товарищ из народной обсерватории все рассказал и объяснил.

— Вон что!

— Теперь-то я знаю на память и расстояние. Меня вчера Даниела спросила...

— Даниела?

— Да, моя одноклассница, она у нас председатель отряда.

— Что же она спросила?

— Говорит мне: «Ты когда-нибудь слышал о Венере?» Я ее разыграл, притворился дурачком, спрашиваю: «О футбольной команде «Венера»? — «Нет, о планете», — с насмешечкой поправляет она. «А, ты о планете говоришь! Да как будто что-то такое слышал... Да, да... расстояние от Солнца сто восемь миллионов километров, талия у нее двенадцать тысяч четыреста километров...» — говорю я.

— Талия? — удивился отец.

— Да.

— Положим — о диаметре сферических тел так не говорят, — знающим тоном заметил отец. — Не талия, а окружность.

— Правильно, я не спорю, но Даниела даже и внимания не обратила, что я так сказал. Она просто вообще спрашивала. Ну, а когда я преподнес ей такие сведения, она сразу примолкла как миленькая.

— Да, это у тебя здорово получилось. Только вот, по-моему, зря ты насчет футбольной команды сказал. Тут ты промазал. Выдал себя, что был на карнавале.

— Ты уверен?

— Нет, не уверен, но так мне кажется. Ладно, оставим это. Ты лучше рассказывай дальше.

— А что рассказывать? Я вот уже несколько дней все думаю: как бы мне сделать микроракету? У нас в школе в научном кружке ракетами только одни старшеклассники занимаются, нас они и близко не подпускают, даже поглядеть не дают. А мне хочется самому попробовать сделать.

— Что, собираешься слетать на Венеру?

— Нет, я ведь понимаю, что это не настоящая ракета, а все равно только о ней и думаю.

- То-то, я замечаю, ты такой озабоченный.
- Ну, а если я возьмусь, ты как считаешь?
- Замечательно!
- По-твоему, у меня получится?
- А почему нет? Я тебе дам денег, купи все, что требуется, и действуй! Ты совершенно правильно рассуждаешь. На нашей планете человек с малых лет приучен держаться ближе к земле: сначала ползает на четвереньках, когда подрастет, все время чувствует землю под ногами. Теперь другое дело: как появились первые искусственные спутники, человеку с малых лет нужно приучаться отрываться от земли. Стремиться все выше. Это наш законный путь.
- Значит, ты советуешь попробовать?
- Советую? Ты сегодня утром, когда встал, спрашивал у меня совета: ходить тебе или нет? Это твое право... Летай!

**Какую валентность
имеет углерод...
в классном журнале?**

В девятом часу вечера Иón Догá-ру вернулся домой и первым делом заглянул к Доду в комнату. Там сидела Аурика.

— На, смотри, что я тебе принес!

И отец протянул Доду толстую книгу в красном переплете. На обложке было написано: «Ракета».

Доду обрадовался, схватил ее, поблагодарил отца и начал лихорадочно листать книгу.

— А знаешь, я тоже смотрел в телескоп,— смущенно сказал отец.

Аурика удивленно посмотрела на него, а Доду захлопал в ладоши и воскликнул:

— Правда, интересно, папа?

— Откровенно говоря, я разочарован. Я был на Каля Виктории, наблюдал там в телескоп Венеру. Думал, она в нем будет ну хотя бы с Луну величиной. Какое там!..

— Да,— согласился Доду, продолжая просматривать книгу,— тот телескоп немножко устарелый.

Но Ион Догару судил строже. Он считал, что телескоп, который находился рядом с Центральным Домом армии, еще от времен Коперника.

— Небесную механику я постиг, когда в прошлом году был в Польше. Мы ездили туда обмениваться опытом. В Катовицах нас повели в планетарий. Вот это действительно чудо!.. Я, правда, там немножко посмеялся. Объяснения давались по-румынски в магнитофонной записи. И вот диктор вместо того, чтобы сказать «темнеет», сказал «ночнеет».

— Наверное, у них по-польски так говорят,— заметила Аурика.

— Это я так вспомнил,— сказал Ион Догару и потом увлеченно продолжал: — Там такой круглый зал. Вдруг и вправду стало темнеть, и вверху, на потолке, как на небе, стали появляться звезды. На улице был день, а в планетарии наступила ночь.

— Здорово, да? — спросил Доду.

— Верно. Когда в зале зажегся свет, заиграли нашего «Жаворонка», я прямо даже расчувствовался, прослезился... — Он замолчал, потом встал с кресла и строго спросил: — Доду, а ты уроки сделал?

— Мне только по химии осталось подучить...

— Тогда идем, Аурика, пусть он занимается.

Но Доду до поздней ночи читал книгу «Ракета».

Утром он встал с тяжелой головой, наспех поел и бегом помчался в школу — времени оставалось в обрез. Когда он входил в класс, все уже были на местах и, думая, что это учитель, почтительно встали.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, садитесь! — серьезно сказал Доду, невольно войдя в роль.

Поднялся шум, все кричали наперебой:

— Ба!

— Обдурил!

— Старо!

— Ты чего опаздываешь?

— Чуть было прогул не схлопотал!

Но Доду не слушал и не отвечал; он сел за парту, раскрыл папку, достал оттуда толстую книгу в красном переплете и мельком показал Джике.

— Всю ночь читал. До чего интересно!

— погоди, дай посмотреть название. А-а... Где ты взял?

— Отец принес... — Доду замолчал, потому что вошел учитель.

Ион КонстантINESКУ, учитель химии и физики, был молодой, высокий, широкоплечий. Ученики в шутку говорили, что ему следовало бы заниматься преподаванием физкультуры, а не физики и химии. У них в школе он работал первый год. На уроках он требовал полной тишины. Когда объяснял что-то и писал на доске, он в это же время задавал вопросы ученикам, а потом оказывалось, что за эти ответы с места он выставил в журнале отметки. Такая система проверки оправдала себя, и в классе уже привыкли к ней. Но те, кто занимался на уроках чем-то посторонним, попадали в трудное положение. Так случилось и с Доду.

Показав Джике книгу, он раскрыл ее на сто третьей странице и стал читать. Его соседка Ирина торопливо записывала, скрипело перо. КонстантINESКУ звучным голосом объяснял у доски свойства углеводородов, но Доду ничего не замечал и не слышал.

Все его внимание поглотила таблица окислителей для ракетных двигателей. И хотя он ничего не понимал, это казалось ему необычайно увлекательным. Когда он прочел, что точка кипения жидкого кислорода — 183 градуса Цельсия, у него глаза полезли на лоб и он чуть не вскрикнул от изумления. Ему страшно хотелось поделиться с кем-нибудь, какие умные вещи он вычитал.

Он не утерпел и зашептал Ирине:

— Что ты знаешь о тетраокиси азота?

— Не мешай мне!

— А о жидком кислороде?

— Не знаю... Не интересуюсь...

— Так вот знайте, синьора: жидкий кислород не имеет ничего общего с Жаном Маре и кипит при минус ста восьмидесяти трех градусах Цельсия.

— Ну и пусть! Мне от этого ни жарко ни холодно! — рассердилась Ирина.

Доду усмехнулся с победным видом и перевернул страницу. При виде километровой формулы топлива для ракетных двигателей у него захватило дух, точно он уже перенесся в космос. Доду вырвал из тетради клочок и дрожащей рукой написал:

Джике, кажется, я нашел топливо, которое нам нужно. Для чего — ты знаешь. Формула у него такая: $(\text{CH}_3)_2\text{C}_6\text{H}_5\text{NH}_2$. Красота! Правда? Я так рад.

Д.

Р. С. Прочтешь записку — уничтожь. А лучше скатай шариком и проглоти. Может, она застрянет у тебя в горле, и тогда ты не забудешь зайти ко мне после обеда.

Все тот же Д.

Доду сложил записку и, повернувшись боком, положил ее на парту Джике. В последние дни Джике тоже стал интересоваться устройством микроракет и все выпрашивал об этом старшеклассников.

Через минуту Джике похлопал Доду по плечу и шепнул:

— Порядок!

Но это была не единственная записка, полученная им на уроке химии от Доду. Немного погодя перед ним очутилась другая:

Джике, никак не могу понять одну головомолжную вещь. Ты хорошо разбираешься в математике, объясни мне, пожалуйста, что это за формула? Это очень важно для наших работ — каких, ты знаешь. Вот она:

$$We = V \frac{20K}{K-1} RT; \left[1 - \left(\frac{P}{P_1} \right)^{\frac{K-1}{K}} \right]$$

P. S. Проглоти и эту записку на третье...

Все я же.

Джике прочел и вытаращил глаза: он в жизни не видел такого уравнения. Он уже собрался написать об этом Доду, но в ту минуту Константинеску вдруг задал вопрос:

— Какую валентность имеет углерод? На этот вопрос мне ответит... ученик... ученик... — Он обвел глазами класс и назвал: — Догáру.

Услышав свою фамилию, Доду вскочил как ужаленный.

— Можешь ответить? — спросил Константинеску.

— Я не знаю, товарищ преподаватель, — сказал Доду и прикрыл тетрадкой книгу в красном переплете.

— Четыре, а тебе ставлю три.

— Он витает в облаках,— шепнул на ухо Джике его сосед Костак.

— Нет, в космосе,— возразил Джике.— Что ты понимаешь?

Поэзия и теория

Даниела прохаживалась по коридору возле десятого класса, откуда должен был выйти преподаватель Василеску, начальник их пионерского отряда. Лауренция передала ей, что он искал ее в прошлую перемену.

Василеску был человек открытый, доброжелательный, располагал к себе, и пионеры любили его. Он как-то умел понять каждого, всегда выручал из беды. Про него часто говорили:

— Вот это человек!

А кто-нибудь обязательно добавлял:

— Недаром он поэт.

Василеску и вправду был поэтом, но всегда говорил, что поэтическая жилка присуща даже не сотням людей, а всем. «В каждом заложен талант. Человек должен выявить его и выхаживать, тогда он расцветет». Его собственный талант уже получил признание. Стихотворения Василеску печатались в газете, потом были изданы в одномотнике. Девочкам особенно нравилось его последнее стихотворение, написанное в возвышенном стиле:

Я пью прозрачно-чистый напиток — свет
и умею собирать не шипы, а цвет,
глубина небосвода радует меня...
Я стряхиваю холодные цветы зимнего дня...
В зелени полей и росы сверкании
я угадываю новую тайну дыхания
в почках, что в солнечном свете взрываются,
мне листва благодатная улыбается.

О нем было много споров. Одни находили, что в нем есть и мысль и чувство, другие считали его надуманным и непонятным.

Зато «Анемоны» Василеску, хотя и были написаны белыми стихами — без рифмы, — пришлось по душе и самым взыскательным. Даниела даже выучила это стихотворение наизусть, а она была очень разборчива. Вот оно:

Кто их прислал?
Хрупкие, с лепестками плотными,
но не душистые,
анемоны сродни
и дневным
и ночным цветам —
белые, красные, лиловые, —
они такие же, как другие цветы,
как и все цветы...

Красные, лиловые, белые —
анемоны все же
печальные,
холодные
и безжизненные.
Но под кистью Лукьяна
анемоны радуют веселыми красками,
художник вдохнул в них тепло
своей мягкой улыбки
и оживил их...

Это стихотворение было понятно всем. Картину Лукьяна «Анемоны» пионеры видели в музее имени Замбакчана, где выставлены и другие полотна художника. Вместе с пионерами был и Василеску, и, как он признался, написал он это стихотворение после экскурсии в музей. Поэтому пионеры считали, что и они принимали участие в его создании...

Когда в дверях класса показался Василеску, Даниела подошла к нему:

— Товарищ классный руководитель, Лауренция сказала мне, что вы меня искали.

— Да, я хотел поговорить с тобой относительно вашего научного кружка. В последнее время ребята стали пропускать занятия. В прошлый раз пришли пятнадцать человек и почти все из пятого класса, а из вашего были только двое-трое.

— Да, правда.

— Как по-твоему, чем это объясняется?

— Даже не знаю. А ведь некоторым у нас просто необходимо заниматься в кружке. Вы знаете, какую отметку по химии сегодня получил Доду?

— Какую?

— Тройку.

— Да неужели? Вот это новость! Он что, совсем ничего не знал?

— Ему задали вопрос, он не смог ответить.

— И что же ты думаешь делать? У вас в классе троек уже давно не было.

— Придется поручить кому-нибудь из ребят помочь ему, у него и по другим предметам отметки стали хуже, чем прежде. Если бы он ходил на кружок, наверное, не опозорился бы так. Василáке из десятого класса такой интересный доклад сделал... Вы знаете, товарищ Константинеску поручил ему руководить нашим кружком.

— Вот это напрасно. Я, например, считаю, что ученики потому и пропускают занятия. Доклад Василáке, как и все его доклады, слишком сухой, отвлеченный.

— Науку с поэзией трудно связать,— запальчиво сказала Даниела.— В теории нет ничего поэтического.

— Не скажи, Даниела,— возразил Василеску.— Все зависит от того, как смотреть на вещи. Товарищ

Константинеску высказал мне свою точку зрения, и я с ним согласен. Поэзия и наука, или, как ты говоришь, теория, только тогда и жизненны, когда они связаны с практикой, с действительностью.

Дела, дела...

Входя в парадное, Доду весело напевал арию Тореадора из оперы «Кармен». Как ни странно, тройка по химии не испортила ему настроения. Он вбежал в комнату, бросил папку с книгами на кровать и помчался на кухню.

— Привет, мама! Разрешите вам представиться — Ненаеда!

— Надоеда! — в тон ему ответила мать.

— Сильно-о-о! — обрадовался Доду. — А все-таки я страшно хочу есть.

— Возьми вон котлету и ступай! Мне еще надо пирожные печь, вот-вот придет отец обедать.

— Только одну котлету? — притворно занял Доду.

— Да бери две, пожалуйста, но знай: если не будешь обедать, не получишь пирожного!

Доду схватил с тарелки две котлеты, отрезал два ломтя хлеба, положил между ними котлеты и стал уплетать с волчьей жадностью. Когда пришел отец, Доду уже доедал третью. Потом он начал петь страшным голосом:

— Я Ненаеда, я Обьедало, брат родной Опи-валы...

Ион Догару с шутливым укором сказал жене:

— Веселые дела! Я вижу, у нас в доме нечего есть. — Потом он спросил Доду: — Ты что буянишь, наверное, сегодня десятку получил?

вестна под названием «летающий огонь», в средние века ее употребляли при осаде крепостей...»

Доду так увлекся чтением, даже не обратил внимания, что в комнату заглянул отец. Догару думал, что Доду заснул, не потушив свет, но, видя его с тетрадкой, тихонько закрыл дверь. «Занимается... Я знал, что он приналяжет...»

Даниела начинает действовать...

После разговора с Василеску Даниела стала просить ребят поочередно ходить к Доду и заниматься с ним химией.

— Нельзя же предоставлять его самому себе. В последнее время он совершенно не слушает на уроках. У него чуть не по всем предметам отметки стали хуже. Ведь он же может хорошо учиться. Не знаю, что с ним такое, но мы просто обязаны помочь ему,— настаивала она, когда одноклассники начали отнекиваться.

— Доду нас высмеет, как узнает, что мы собираемся натаскивать его,— возражали ей.

— Ты напрасно поднимаешь панику,— уговаривали Даниелу другие.

— Да ведь во всем классе только у него тройка по химии.

— Это случайно.

— Случайно? — вскипела она. — Вы что, не видите? Он в облаках витает.

— Это тебе кажется.

Даниела не сдавалась и принялась обрабатывать их поодиночке:

— Ты сходи только сегодня, один-единственный

раз. И, пожалуйста, никому об этом не говори. Это между нами... Знаю только я, ты и начальник отряда.

— Ладно...

На другой день Даниела расспрашивала:

— Ну, был?

— Был.

— И как?

— Доду знает химию лучше нас. Нашла ты кого учить!

— Его и надо учить, не тебя же — с восьмеркой. Во всяком случае, спасибо, что ты ходил к нему, только, пожалуйста, не забудь, о чем мы условились. Никому не говори, что ты помогал Доду.

— Есть!

Даниела была убеждена, что выполнила свой долг, — помогла отстающему ученику, причем так дипломатично устроила это, что не пострадало и его самолюбие.

Несколько дней Доду действительно не догадывался, почему к нему зачастили товарищи. Каждый день приходил кто-нибудь из ребят или девочек. Сначала заводил речь о новом фильме или спектакле, который недавно видел, потом перескакивал на школьные дела и уж после принимался восторгаться какой-нибудь химической формулой. Некоторые действовали более тонко — после неизбежного предисловия они просили Доду:

— Ты знаешь, я на уроке химии что-то ничегошеньки не понял. Ты не объяснишь мне?

Но вскоре Доду смекнул, что его навешают неспроста, что это, очевидно, работа Даниелы. Он терпеливо выслушивал каждого, пока тот выкладывал свое вступление, но как только тот переводил разговор на злополучные углеводороды, Доду перебивал его:

— Углеводороды — моя страсть...
— Брось втирать очки!
— Да правда же! Вот, например, фурфуроловый спирт. Ты что-нибудь знаешь о нем?

— Понятия не имею.
— Формула у него такая: $C_5H_8O_2$, молекулярный вес девяносто восемь целых шесть десятых, точка кипения — сто семьдесят один градус Цельсия, точка плавления — минус тридцать два градуса.

— Смотри-ка, какой ты ученый! Откуда ты все это знаешь?

Доду с таинственным видом говорил:

— Скажу тебе по секрету, только ты — никому!
— Даю слово!
— Ну слушай: я конструирую микроракету, а углеводороды, о которых я тебе говорил, употребляются в качестве топлива для ракетных двигателей.

— Вот это да! Классно! И когда же ракета будет готова?

— Пока еще я работаю над ней... вместе с отцом и с Джике. Если хочешь, приходи помогать в пятницу, — приглашал он так всех поодиночке, назначая им разные дни, чтобы они не встретились.

Каждый считал своим долгом хорошенько подготовиться к этому дню, добывал книги о ракетах, корпел над ними, желая помочь делу. Доду был удивлен, что и девочки, равнодушные — как он считал — к технике, подавали дельные, интересные мысли. Все это держалось в секрете, и Доду был доволен, что Даниела ничего этого не знает. Посвященные предпочитали хитрить, но не проговаривались.

Так, однажды в школе к Доду подлетела Лауренция.

— Ты знаешь, — запыхавшись, начала она, — мы можем использовать для горючего очищенный керо-

син, я нашла в одной книге...— Она не договорила, увидя подошедшего Пауля.

— А ну, скажи, что ты нашла в книге? — спросил тот.

— Письмо! — отрезала Лауренция и убежала.

Пауль посмотрел ей вслед.

— Вот какая! Девчонки не могут хранить тайну. Я написал ей записку, попросил у нее десять лей взаймы, так она теперь всем рассказывает... Ну пусть... Ты знаешь, я нашел в одной книжке, что керосин...

— Можно использовать как горючее, знаю! — договорил за него Доду.

Закулисный зритель

По сути, Доду знал не так уж много. Хоть он и прочел сотни страниц о ракетах, выучил десятки формул, дело у него не подвигалось. Поэтому он страшно обрадовался, когда в школе вывесили объявление об очередном занятии научного кружка старшеклассников, на котором ученик Владимир Йордэкеску должен был прочесть свой доклад о новой микроракете средней дальности «Пикассо-1». Доду очень хотелось послушать доклад в зале и записать все нужное, но, боясь, что кружковцы будут над ним смеяться, он пробрался на сцену за кулисы. Спрятавшись за декорации, Доду весь обратился в слух. Увидеть оттуда то, что показывал докладчик, он, к сожалению, не мог.

Йордэкеску, высокий, румяный юноша с живыми, умными глазами, черными как антрацит, поднялся на трибуну. Он явно волновался, рисуя на доске схему нового образца микроракеты, разработанного им.

Их научный кружок зашел в тупик после неудачного запуска первой ракеты. Йордэреску надеялся, что теперь успех обеспечен. От волнения он говорил громче, чем нужно. Начал он свою речь вступлением, которое очень понравилось всем, и особенно преподавателям, принявшим участие в занятии кружка.

— Хотя я нахожусь на трибуне, это несколько не возвышает меня над слушателями... Графин воды здесь, на столике, не утолит жажды знаний моих слушателей... Не по часам, а по лицам присутствующих можно будет видеть, следует ли мне говорить дальше...

Потом он перешел к существу дела:

— В качестве материала для микроракеты, которую я предлагаю сконструировать, можно использовать тонкую бумагу, пропитанную огнезащитным составом... Мы переписывались с товарищами из Советского Союза и Польской Народной Республики и получили консультацию относительно устройства воспламенителя...

Вечером Доду пересказал своему другу Джике все, что узнал о ракете десятиклассников, начертил схему и стал объяснять.

Джике выслушал, покачал головой и сказал безнадёжным тоном:

— Ох, я вижу, это нам не под силу. Лучше уж и не браться.

— Да что ты! Это же очень просто. Ты послушай меня. Торопиться мы не будем. И потом, мне пришла одна мысль...

— Не получилось бы как тогда на карнавале, — засмеялся Джике.

— Брось ты об этом вспоминать! Я вот думаю, когда мы будем испытывать свою ракету, мы позволим десятиклассников, пусть посмотрят.

— Сначала нужно поучиться у них, а уж потом...

— Вот удивятся они, когда увидят, что у нас ракета из алюминия!..— Доду помолчал и шепнул с заговорщицким видом: — После занятия кружка, когда все ушли, я подобрал там несколько кусочков горючего, которое они собираются применять. На, посмотри!

Он вынул из кармана белые кубики и положил на стол.

Джике взял один, долго вертел, разглядывал, потом вдруг расхохотался и воскликнул:

— Потрясающее горючее!

— Правда же?

— Можешь с ним пить чай.

— Чай?

— Смотря по тому, какой ты любишь: сладкий или нет.

— Не понимаю.

— На, попробуй, разве не видишь, что это сахар?

— Сахар?

Доду разгрыз один кубик и, смеясь, сказал:

— И верно, сахар! Ну конечно! Формула сахара $C_6H_{12}O_6$. Как же я не сообразил?

Крупный разговор

В перемену Даниела подошла к Доду. Ей нужно было поговорить с ним, но она не знала, как начать.

Начальник отряда предупредил ее, что в четыре часа в школьном зале состоится занятие научного

кружка, в котором были записаны ученики с пятого по восьмой класс.

— Прощу тебя, позаботься, чтобы все пришли. Докладывать пустому залу нет никакой радости. Василаке опять будет читать доклад об углеводородах, но он обещал показать опыты.— Начальник отряда с улыбкой добавил: — Он учел критические замечания, будет увязывать теорию с практикой.

Даниела пожала плечами с таким видом, как будто ей это все равно, и перевела разговор:

— Я возьмусь за Доду и непременно приведу его.

— Очень хорошо. Ему это будет полезно. Но ведь не в нем одно дело. Из вашего класса все, кто записались, должны быть,— заключил он на прощание.

И вот Даниела со смущенным видом стояла и молчала. А Доду даже покраснел, как только она подошла к нему. Оба испытывали неловкое чувство. Они не разговаривали с того самого дня, когда Даниела спросила его о планете Венера. Доду считал себя немножко виноватым, хотя не сумел бы объяснить, в чем его вина. Он первый не выдержал и заговорил:

— Как поживаешь, Даниела?

— Хорошо! — обрадовалась она, что Доду вывел ее из затруднения.

— Да? — заметил он с отсутствующим видом и тут же подумал: «Остается только спросить ее о погоде, и тогда я с полным основанием могу считать себя самым глупейшим человеком на земле».

Даниела смущенно потирала руки. Те, кто остались в классе на перемене, притихли и с любопытством наблюдали за ними. Наконец Даниела собралась с духом:

— Слушай, Доду, приходи, пожалуйста, сегодня на кружок. Будет доклад об углеводородах. Я думаю,

тебе это интересно,— добавила она без всякого умысла.

Доду даже вздрогнул, задетый ее словами. Когда она подсылала к нему учеников, его это даже забавляло. Но тут он возмутился, решив, что она уже пересаливает.

— Вот что, Даниела,— злым голосом начал он,— ни на какой кружок я не пойду. Меня нисколько не интересует этот доклад. Я собираюсь сегодня помечтать. Ты мне разрешаешь, нет?

В классе послышались смешки:

— Каков нахал, а?

— Держись, Даниела!

Даниела не стерпела и напустилась на него:

— Ах так, ты хочешь помечтать? Я, например, мечтала, что у нас в классе не будет в этом году ни одной тройки... А ты вот все испортил...

— Весьма сожалею,— иронически ответил он.— Но если хочешь мечтать, можешь спокойно предаваться своим мечтам. То была случайность. Или для тебя это секрет?

— Случайность? А то, что с тобой произошло на карнавале, тоже случайность?— в пылу раздражения проговорила она.

Доду прямо похолодел, что она выдала его.

— Тогда я действительно не знал, не подготовился,— пробормотал он и вышел из класса.

Какова химическая формула слез?

В школьном зале все было готово к занятию кружка: на столе красовались белые, желтые, зеленые банки с химикалиями и пробирки разной величины. Было без десяти четыре, но никто не

появлялся, и только докладчик Александру Василаке нервно расхаживал по сцене и поглядывал на часы. За минуту до четырех в коридоре слышались голоса. Василаке обрадовался и стал поправлять пробирки в штативах. Дверь отворилась, и ученики шумной гурьбой вошли в зал. Увидя Василаке, они притихли и стали усаживаться. Он украдкой пересчитал явившихся — десять человек, и все из шестого класса. Немного погодя пришла Даниела. Василаке чинно поздоровался с ней. «Наконец-то один серьезный слушатель!» — подумал он и с напускным спокойствием спросил:

— Ну как обстоит дело?

— Придут, непременно придут, — заверила его Даниела.

Но прошло четверть часа, а из седьмого класса так никто и не являлся. Василаке насмешливо поглядывал на Даниелу: «Видишь, напрасно ты хвалилась!»

Когда в зал вошел начальник отряда седьмого класса, преподаватель Василеску, Александру Василаке даже вздрогнул от неожиданности:

— Как, и вы пришли, товарищ преподаватель?

— Это не совсем так... Я на минуточку. Ты же знаешь, что у меня сейчас занятие литературного кружка.

Василеску знаком подозвал Даниелу и вышел с ней в коридор.

— Я уже четверть часа стою здесь и жду, когда придут семиклассники, и никого! — с досадой сказал он.

— Я просто не знаю, что такое. — И Даниела потупила глаза. — Ведь я всем говорила... всем.

— И Доду?

— И ему, — сказала она и вдруг заплакала.

Василеску растерялся, не зная, что в таких случаях нужно делать. Он испуганно оглядывался по сторонам. «Кто-нибудь увидит и подумает, что это я довел ее до слез, не умею держать себя с учениками...»

— Перестань, Даниела,— попробовал он успокоить ее.— Это пустяки! Подумаешь, какая беда, если он не пришел на кружок. Я сам тоже не очень-то увлекаюсь техникой. Ну прошу тебя, не плачь, я завтра поговорю с ним...

Но Даниела не слушала его и продолжала плакать.

— Это я виновата!

— Что ты, Даниела, при чем тут ты? Просто он такой человек... Для него свои дела важнее. Ты ничуть не виновата, ты сделала все, что могла...

— Нет, я виновата... Я его обидела...

И, глотая слезы, она передала ему свой разговор с Доду, укоряя себя в том, что напонила Доду про карнавал.

Василеску сразу все понял.

— Видишь ли, быть председателем отряда — не легко. Ты отличница, в классе тебя уважают. Но руководитель должен быть не только знающим, но и душевным человеком, уметь подойти к каждому. — Он помолчал и потом продолжал: — Вот Джике, например, очень робкий и обидчивый. А Доду совсем другой человек. Энергичный, предприимчивый. От него можно ждать всяких сюрпризов. Тогда он не знал названия планет, а теперь, я уверен, он их знает отлично.

— Я уже убедилась в этом...

— Видишь! Я же говорил. Могу привести еще один пример,— сказал он серьезно, надеясь, что их беседа пойдет ей на пользу.— Знаешь, чья фамилия

была на последней записке, когда мы разыгрывали билеты на карнавал?

— Моя.

— Нет, Доду.

— Его?

— Да. И я тогда одобрил его поступок, я понимал, что иначе он бы чувствовал себя неловко.

В этот момент из зала вышел Васиlake.

— Я пойду в учительскую, позову товарища Константинеску. Мы начинаем,— сказал он.

Даниела схватила за руку Василеску и со слезами проговорила:

— Товарищ преподаватель, я прямо сейчас иду к Доду, сию же минуту.

И она помчалась бегом по коридору.

Александру Васиlake крикнул ей вслед:

— Что случилось? Не плачь, девочка, лучше...

— Дорогой Васиlake,— перебил его Василеску,— вот это твой недостаток: ты холоден, как формула, и безжизнен, как символ. Единственно, что ты можешь сделать,— химический анализ слез.

Ни тирu ни ну

У подъезда дома, где жил Доду, встретились трое ребят — Костакe, Пауль и Андрей. Они посмотрели друг на друга.

— Вы не пошли на кружок? — удивился Пауль.

— Нет...

— Значит, вы тоже? — загадочно добавил он.

— Тоже...

Пауль понимающе подмигнул.

— Сердитый он страшно...

— Верно.

Костаке и Андрей заметили у него в руках книгу.

— Что это?

— Я принес ему, чтобы он немножко рассеялся... про ракеты.

Костаке и Андрей тотчас вынули из карманов точно такие же книги в красных переплетах.

— И я тоже...— сказал один.

— И я...— сказал другой.

Они еще не успели удивиться такому странному совпадению, как к ним подошли Ирина и Мия.

— Посмотри, дорогая,— засмеялась Мия.— Асы техники удрали с кружка.

— Ничего себе! Васиlake старается для них, чтобы открыть им двери в науку, а они стоят у двери Доду. Ну что вы, остолбенели? Не бойтесь! Мы на вас не донесем!

— Тогда пошли наверх! — предложила Мия.

— Дорогу женщинам! — сказал Костаке и пропустил их вперед.

У Доду уже сидели четверо, и среди них Джике.

— Ну,— засмеялся Доду, увидя входивших,— все в сборе? Можно начинать?

— Что начинать?

— Нечего начинать.

— О чем речь?

— Да ладно вам притворяться! — сказал Джике.— Тут все знают, о чем речь. Хватит!

— Алеа якта эст! — добавил Чезар, повторяя фразу, которую он слышал от своего старшего брата, ученика одиннадцатого класса.

— Что это значит? — спросил Андрей.

— Переведи, Чезар! Ты нас последнее время замучил своей латынью.

— Это Юлий Цезарь сказал, когда переходил ре-

ку Рубикон: «Жребий брошен»,— пояснил Чезар.— Я предлагаю перейти Рубикон.

— Да говори ты по-человечески!

— Оставь свои изречения!

— Ну, что будем делать?

— Что-нибудь сделаем.

— Значит, насколько я понимаю вас, вы предлагаете испытать сегодня ракету?

— Да!

— Сейчас!

— Не откладывая!

Через несколько минут все побежали вниз. Космодром у них был в сквере напротив дома. Джике принес пусковую установку, которую сам смастерил из жести, по схеме из журнала «Наука и техника».

Ирина и Чезар отгоняли маленьких детей, игравших в сквере, прибежавших посмотреть, что они собираются делать.

Когда пришел Доду, принес ракету — он хранил ее на чердаке, где у отца были сложены инструменты,— все уже было готово к запуску.

Ракета имела коническую форму, длиной она была пятнадцать сантиметров. Каждому хотелось потрогать ее. Доду попросил всех отойти подальше, вместе с Джике осмотрел ракету со всех сторон, проверил, все ли в порядке.

Стоя метрах в десяти от них, все с нетерпением ждали, когда они начнут запускать ее.

— Что вы там копаетесь?

— Почему так долго?

Доду сказал Джике:

— Будь добр, отойди в сторонку!

Джике послушался и, отойдя, крикнул, точно он находился на самом настоящем космодроме и вокруг него гудели моторы:

— Счастливого пути!
— Ура! Ура! — хором
закричали ребята.

Доду включил зажигательное устройство. Что произошло дальше, Доду уже не помнил. Ракета взлетела метра на два, потом рухнула на землю, распространив клубы дыма.

Доду отпрянул назад, выплевывая песок. Из глаз у него потекли слезы, он и сам не знал, то ли это от песка, попавшего в глаза, то ли от дыма. В эту минуту к ним подоспели Даниела и преподаватель Василеску. Даниела испуганно спросила Доду:

— С тобой ничего не случилось?

— Ничего, Даниела. Не смотри на ракету, она того не стоит.

Ночью, лежа в постели, Доду смотрел в потолок и рассказывал отцу, как было дело:

— Просто не пойму, почему так вышло.

Правда, при том количестве горючего, которое у нас было, мы вообще не ожидали, что она взлетит на такую высоту. Вот, мечтал полететь в космос на ракете, а получилось ни тпру ни ну.

— Ты мне как-то говорил о жидком кислороде. В нем все дело,— заметил отец.

— А при чем тут жидкий кислород?

Он задумался и после всех тревожений, какие пережил за этот день, крепко заснул.

Где таится поэзия

КонстантINESКУ вышел из седьмого класса необычайно довольный. За весь урок ни одной плохой отметки. Он готов был запеть от радости. Частенько в учительской, когда он видел улыбающегося коллегу, он обычно спрашивал:

— Сколько десятков вы сегодня поставили?

— Две.

— Поэтому улыбаетесь?

— А что делать?

— Смеяться.

«Такова жизнь,— подумал он.— В каждой профессии свои радости. Хорошая отметка равноценна качественной продукции, ею гордишься. А плохая отметка, выставленная ученику,— это брак».

Когда он проходил мимо десятого класса, его остановил Василеску. Вид у него был удрученный.

— Я хотел поговорить с вами о семиклассниках,— начал он.— Вы знаете, вчера они опять не были на занятии кружка.

— Седьмой класс?— удивился КонстантINESКУ.— Они превосходно знают химию, я просто поражен.

Василеску недоверчиво посмотрел на него.

— Я не шучу, нет.
— Да, но у Догару тройка.
— А теперь у него десятка. Я сегодня ему поставил. Впрочем, он почти всегда получает хорошие отметки. Что же касается научного кружка, мне думается, нам нужно изменить тематику. Они, например, сегодня меня просто озадачили: они знают даже такие углеводороды, которые используются в качестве горючего для ракетных двигателей.

— Они что-нибудь говорили вам?
— Нет, я сам установил это.
— Вот видите!
— Что вижу?
— Они вам ничего не сказали.
— Если бы они ничего не сказали, я бы не выставил сегодня столько хороших отметок,— недовольно заметил Константинеску.

Но Василеску продолжал свое:

— Они вам ничего не сказали, я это знал.
— Послушайте, Василеску, вы лучше прочтите мне свои стихи.

— Да дело вовсе не в стихах. Речь идет о ракете.
— О какой ракете?
— Которую сделали семиклассники.

И Василеску рассказал ему, что происходило накануне.

— О, это очень интересно! — воодушевился Константинеску. — Вот идея! Наконец-то их научный кружок сдвинется с мертвой точки. Не будем терять времени. Догару сегодня же нам расскажет о своей ракете. Я сейчас предупрежу Васиlake, что у нас сегодня занятие. Видите, вот вам и поэзия. Семиклассники чем не поэты? — И он пошел, напевая веселый марш.

Разгадка

Заняв пост у дверей школьного зала, Василаке по-хозяйски встречал входивших. Он улыбался, пожимал руки и ставил в своей записной книжке против фамилии каждого букву «п» — присутствовал. Пришли даже члены литературного кружка, и Василаке радостно потирал руки: «Настоящая победа! Больше ста пятидесяти человек. Значит, я не напрасно поработал над докладом». Увидя учителя Василеску, он сказал:

— Видите, литературный кружок перебрался к нам.

— Это и естественно,—просто заметил тот.—Поэзия — она всюду и во всем.

— Знаю, нужно только искать ее.

— Нет, не искать, а находить... Это разное.

— Я что-то не улавливаю разницы, потому что меня поэзия не интересует.

— Каждому свое. Но только помните, что в науке, как и в поэзии, нужно гореть.

— Кто-то выразился, что нужно больше потеть.

— Неточно цитируете. Искусство и наука не уживаются с бесстрашием. Они придают крылья, а не костыли.

— Это ваше мнение?

— Нет, не мое.

— А чье же?

— Виктора Гюго.

Василеску любил поспорить с Василаке. Тот был толковый юноша, увлекался наукой, как и он — поэзией. Они бы долго продолжали разговор, но вот в дверях коридора появился Константинеску и вместе с ним Доду.

— Начнем?

— Начнем, товарищ преподаватель. Все готово,— сказал Васиlake и, распахнув дверь, показал на стол, уставленный пробирками. Он собирался опять делать доклад.

Константинеску спросил:

— Что это там на столе?

— Материал для опытов.

Константинеску был удивлен: значит, Васиlake не предупредили.

Занятие научного кружка проходило оживленно. Те, кто ничего не знал о ракете Доду, интересовались подробностями. А конструкторы надеялись, что им удастся с помощью кружковцев установить причины неудачи. Константинеску чувствовал себя именинником. Наконец-то он нашел тему! «Теперь ученики пятых, шестых и седьмых классов будут конструировать ракеты; другие будут вести наблюдения за звездами и планетами; третьи работать в лаборатории, а четвертые... Ах, сколько всего можно сделать!»

Доду ничем не выдавал своего волнения, хотя его и радовал всеобщий интерес к его ракете. Он подробно рассказал, как она сконструирована, все внимательно слушали, в зале было тихо. Когда Доду начал описывать неудачный запуск, он даже понизил голос, с трудом выговаривая слова.

— Ракета поднялась на полтора-два метра от земли, а потом задымила и упала.

— Ты уверен, что она все-таки взлетела?

— Да. Это могут подтвердить и другие.

— Тогда просто замечательно,— сказал Константинеску.— Значит, в конструкции нет никаких ошибок.

У Доду появилась искорка надежды.

— Так вы считаете, что, если мы наполним ее горючим, она взлетит? — заторопился он с выводами.

— Нет,— улыбнулся Константиnescу.— Или совсем не взлетит, или получится так же, как в прошлый раз.

— Вот видите! — огорченно сказал Доду.

— Могу тебе еще вот что сказать,— продолжал учитель.— Если вы меньше горючего употребите, ракета взлетит выше. Почему?

Доду показалось, что Константиnescу смеется над ним. «Неужели он не знает, какое горючее мы использовали?»

Преподаватель Василеску тоже был в недоумении. Зато Константиnescу так и сиял.

— Мое предсказание научно обосновано. Но в нем есть и вопрос. Кто может ответить на него? Вы забыли о том, что и ракета в своем роде тоже существует. Ей нужно то, без чего вы не можете жить. Вы рассуждали так: «Дадим ей еды, дадим ей горючего — и всё, мы свое дело сделали». А ракета фыркнула, выпустила дым и не послушалась вас.

— Понял! — чуть ли не выкрикнул Доду.— Ракета не могла дышать. Кислорода не было!

— Правильно, Доду. Ты ответил на вопрос. Что произошло с вашей ракетой? Пока в резервуаре был воздух, а следовательно, и кислород, было горение. Потом пошел дым.

Он посмотрел на часы.

— Сегодня мы сделали большое дело. На этом мы закончим сегодняшнее занятие. Васи́лаке, вы хотите что-то предложить?

— Да, на следующем занятии мы попросим десятиклассника Йордэkesку прочесть доклад о конструировании микроракет, он специалист в этой области.

Эпилог

На трибуне школьной спортплощадки собрались несколько сотен учеников из старших и средних классов, были и преподаватели. В стороне, окруженный толпой семиклассников, стоял отец Доду.

— Ну, как, по-вашему, полетит?

— Какие могут быть сомнения!

— А высоко она взлетит?

— До неба и дальше.

Для школьников это было торжественное событие. Да иначе и быть не могло. Ведь они увидят, как полетит ракета «Эксцельсиор-1». Название придумал, конечно, Чезар — он увлекался латынью. «Эксцельсиор» означает по-латыни «все выше и выше». Был объявлен конкурс, кто придумает лучшее название, и премию получил Чезар — «ромовую бабу».

День был яркий, солнечный. Посреди стартовой площадки стоял главный конструктор Доду Догару и давал последние указания своим помощникам — Джике и Антону. В четыре часа двадцать минут пришел и Константинеску.

— Все готово? — спросил он. — Когда запуск?

— Через восемь минут, — взглянув на часы, ответил Доду.

— Хорошо. Тогда я пойду на трибуну.

— А разве вы не с нами тут останетесь?

— Зачем? Вы знаете ракету лучше всех. А что это за кольцо с крючками на ней?

— Ах да, я вам и не сказал. Мы прикрепим к ней парашют. Когда горючее кончится, парашют раскроется.

— Хорошо придумали. Прикрепляйте парашют, только подождите запускать. Я сейчас вернусь.

Он быстрым шагом направился в школу. Доду и все зрители удивленно смотрели ему вслед.

— Куда он ушел? — забеспокоился Джике.

— Не знаю. Просил подождать.

— У нас только пять минут в распоряжении.

Через несколько минут вернулся запыхавшийся Константинеску, в руках у него был пакет.

— Я принес из лаборатории приборы. Они нам помогут определить, на какую высоту взлетит ракета.

— У нас еще шестьдесят восемь секунд,— глядя на часы, сказал Доду.

На трибуне Васиlake вместе с учениками громко распевали:

«Эксельсиор», лети!

Счастливого пути!

— Пять... четыре... три... два... один... Пуск! — прогремел голос Доду.

Ракета, казалось, брала разбег и затем начала плавно подниматься, а за ней тянулся белый парашют, похожий на паутину. Он опустился где-то за гимнастическим залом. Доду и Джике помчались в ту сторону.

— Ура! Ура! — кричали зрители.

— Двести шестьдесят три метра,— объявил Константинеску, сверившись с приборами.— Это настоящий рекорд.

Это было начало эпилога...

КОНЕЦ ЭПИЛОГА наши герои Доду, Джике, Митике, Даниела, Ирина в недалеком будущем встретят где-нибудь на Марсе или на Венере.

— Ты куда полетишь, Доду, на Марс или на Венеру? — спросила его Даниела однажды вечером, глядя на звезды, лукаво подмигивавшие им.

— Я — на Луну. Меня интересует, какая она. И потом, на Луну как-то романтичнее, — добавил он и покраснел.

Содержание

КЛАСС, В КОТОРОМ НИЧЕГО НЕ БЫВАЕТ . .	3
ТАЙНА КРЕПОСТНОГО ЗАМКА	100
ПОЛЕТ РАКЕТЫ „ЭКСЦЕЛЬСИОР—1“	151

К читателям

Издательство просит
отзывы об этой книге
присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Для среднего школьного возраста

Рацу Юлиу

КЛАСС, в КОТОРОМ НИЧЕГО НЕ ВЫВАЕТ

Ответственный редактор Г. В. Языкова
Художественный редактор В. А. Дехтерев
Технический редактор С. Г. Маркович
Корректоры Т. П. Лейзерович
и К. П. Тигельская

Сдано в набор 12-VII 1971 г. Подписано в печать 11-X
1971 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 13. Усл. печ. л. 12,13
(Уч.-изд. л. 8,97.) Тираж 100 000 экз. ТП 1971 № 495. Цена
42 коп. на бум. № 1. Ордена Трудового Красного Знамени
издательство „Детская литература“ Комитета по печати при
Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Чернявский
пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика „Детская
книга“ № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49.
Заказ № 2600.

Книга отпечатана на пусковой бумаге Сыктывкар-
ского ЛПК.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

**Для детей среднего и старшего школьного
возраста в 1971 году издаются следующие
произведения иностранных писателей:**

Саутолл А.

ПОСЕЛОК ТОПОЛИ.

Повесть современного австралийского писателя.
Перевод с английского

Станев Э.

ЧЕРНУШКА

Избранные повести.
Перевод с болгарского

СЛАВНЫЙ БАЙДИЙ.

Рассказы современных монгольских писателей.
Перевод с монгольского.

**Эти книги по мере выхода их в свет
можно приобрести в магазинах Книготорга
и потребительской кооперации.**

